Аларика

Наталья Шнейдер

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Порой случается так, что привычный мир летит в тартарары. И не остается выбора — лишь пройти уготованный путь до конца. Выжить. Не сломаться. И сохранить способность любить.

- Наталья Шнейдер
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Наталья Шнейдер
Аларика

1

Холод. Холод безжизненного камня. Сквозь сомкнутые веки пробивается неверный свет факела. Не открывать глаза. Конечно, они быстро поймут, что я очнулась — но может получится выиграть хоть полминуты покоя. Прежде, чем все начнется сначала.

Слишком тихо — настолько, что можно услышать, как падают с потолка капли. Раз… Два… Неужели никого? И ничего не болит — совсем странно. Или это еще одна их забава — позволить отдохнуть, может быть, даже затянуть раны, прежде чем…

Холодно… Слишком холодно — тело начала колотить крупная дрожь. Глаза распахнулись сами — лежать в темноте, сотрясаясь то ли от холода, то ли от страха и ждать было невыносимо. Темно — лишь отблески факела на потолке. Тихо. Никого.

Я медленно села — занемевшее тело казалось чужим — съежилась на корточках, охватив руками колени, огляделась. Тот же самый — то ли подвал, то ли каземат. Решетка вместо одной стены. Дальше — темнота, там, где кончается круг света от факела. Никого. Моя одежда рядом грязным комом — странно, с чего это они расщедрились? Хотя, наверное, так забавно сдирать одежду с вопящей девки… Я затрясла головой, отгоняя воспоминания. Не думать. Пока есть возможность — ни о чем не думать. Ни царапины на теле. Неужели эти сволочи расщедрились на исцеляющие заклятья? Но тогда бы шрамы остались, а их не было… Да что вообще творится?

«Запоминай заклинание», — всплыло в голове, — «когда не будет сил, для исцеления хватит просто сна».

Я сжала виски, раскачиваясь, точно болванчик. Бред. Я не знаю такого заклятья. Ни как наложить, ни как снять. Заклинание, исцеляющее, когда теряешь сознание. Слышала о таком, но ни разу не видела своими глазами. Так, получается, что сейчас после того, как потеряю сознание, тело начнет излечиваться само. Ни следов, ни шрамов. Вот будет весело. Им. Пленник, которого невозможно запытать насмерть — ну разве не подарок? Я-то все равно не могу рассказать то, что им надо. Да какие заговоры могут быть в забытой всеми деревушке?

Нет, нужно все-таки одеться, хоть ненадолго согреюсь. Трудно соображать, когда зуб на зуб не попадает. Торопливо натянула одежду. Так, что мне там мерещилось перед пробуждением?

«Возьми ключ, портал я открою. Найди посох — только он

может открыть границу между мирами. Только он вернет короля».

Я тихо застонала. Рехнулась. Точно, рехнулась — но при чем тут король? Если уж разум решил искать убежище в безумии — то почему он не выдумал какие-нибудь райские сады?

Послышались шаги, к решетке подошел один из охранников. Только не все сначала. Не сейчас. Не трогайте меня, не надо. Пожалуйста… Я заскулила, отползая к стене, вжалась в нее, словно могла слиться с камнем, раствориться, исчезнуть… Не надо, пожалуйста…

Он ухмыльнулся:

— Не боись, не трону. Пока. Отдыхай, силенок набирайся — пригодятся. — Демонстративно отвернулся, уселся, опираясь спиной на решетку.

Ну вот, сейчас снова начнется. Поймала себя на том, что размеренно стучу затылком о камень. Глупо хихикнула — мало этих… так еще сама себя покалечу. Хотя — я уже пыталась разбить голову о камень — не вышло. Тело предало, в последний миг смягчив удар.

Нет ничего хуже — сидеть и ждать, когда все начнется сначала. Сердце колотилось где-то в горле. Я дернула ворот — воздуха не хватало. Пальцы коснулись шнуровки. Неужели… Я медленно вытянула шнурок из платья. Может, получится. Может, сторож уснет, и я успею прицепить веревку к решетке. Так хотя бы быстро. И не больно.

Должен уснуть — от него крепко разило хмельным. Тем более, что бояться ему нечего — я не умею открывать замки с помощью магии. Да даже если бы и умела — недалеко бы ушла.

Словно услышав мои мысли, сторож захрапел. Сейчас чуть-чуть подожду…

Человек пошевелился, что-то звякнуло. Связка ключей на поясе. «Возьми ключ, портал я открою». Как в плохой балладе — уснувший стражник, явление высших сил. Осталось только дождаться героя на белом коне… в саване и с косой. Даже если я смогу тихо стащить ключи — стражник проснется от скрипа замка и мало не покажется. Хотя трудно представить, что может быть еще хуже, чем было.

Я бездумно накрутила тесемку на палец. Так же машинально дернула. Шнур натянулся с едва слышным звоном. Я вздрогнула. Если… Откуда-то из глубин души, мешаясь со страхом поползла ненависть. Дома я не успела сделать ничего.

Руки словно сами протянули веревку сквозь решетку. Накинули на шею спящего. В голове было пусто — как будто не я, а кто-то другой резко дернул удавку, уперевшись коленом в чужую спину. Сторож захрипел. У меня перехватило дыхание.

Совсем забыла, как подобные вещи действуют на таких, как я. Мужчина рвался и дергался, а я тянула шнурок изо всех сил, повиснув на нем всей тяжестью, думая только об одном — если шнур лопнет, все, что случилось до сих пор, покажется мне раем. Или если я просто не удержу удавку — он силен, а я… Стражник все же затих. Я вздохнула с усилием, словно заново учась дышать. Да, все правильно, именно по возможности чувствовать чужую боль узнают целителя. И дару все равно, что для того, чтобы выжить приходится убивать.

Теперь снять ключ. Дверь открылась с жутким скрежетом. Я успела снять нож с пояса мертвого стражника, когда из-за угла вышел еще один. А дальше все было как в тумане — тяжелый нож в руках, боль — моя и чужая, темные коридоры, кровь… Наконец, перед глазами появился портал, появившийся из ниоткуда, и я шагнула в эту черную дыру с бесформенными краями, не слишком задумываясь, куда она может привести.

На помосте посреди пышно убранного зала покоилось тело. Обезображенное язвами лицо было совершенно неузнаваемым. Богатая одежда. Меч в сложенных на груди руках. На волосах — тяжелый, усеянный камнями венец. Вопреки обычному, вокруг не было толп пришедших проститься — никого не пустили, убоявшись, что неведомая хворь вырвется из дворца и пойдет по стране. Не было даже стражи у ложа — лишь двое в дверях, и человек, сидящий у изголовья.

Грохнула о стену с силой распахнутая дверь, по каменному полу застучали каблуки. Вошедшую женщину можно было бы назвать прекрасной, если бы не надменная ярость на лице, с которого тщательно наложенный морок убрал все признаки возраста.

— Ты не явился на чтение завещания.

Мужчина не удостоил ее и поворота головы:

— Я знаю его содержание и без того.

— Разумеется. Ведь это ты его диктовал.

— Нет. Диктовал король. Писал законник — тот же, что сегодня читал завещание. Подписи — короля, писавшего, моя, еще четырех свидетелей — хотя хватило бы и двух. Все по закону.

— Свидетелей, — фыркнула она. — Четыре стражника. Сколько веса в их свидетельстве?

— Риа, дворцовая стража — дворяне. Ты готова усомниться в их чести? — человек по-прежнему не смотрел на собеседницу. Казалось, его вообще не занимало ничего, кроме тела на помосте.

Женщина обошла сидящего, уставилась на него сверху вниз.

— Я знаю, что любой из них по твоему слову пожертвует не

только честью — жизнью. Чем ты их приворожил, Тарилл? Впрочем, совет все равно не допустит…

— Совет? — тот, кого назвали Тариллом, наконец соизволил оторваться от созерцания трупа. Очень неприятно улыбнулся. — Совет не скажет ни слова против. После слуха о том, что это я наслал на короля неведомую болезнь, которую проморгали все до единого целители. Теперь те, кто в совете, боятся последовать за ним. Так что вслух никто ничего не скажет — а шепот за спиной меня не волнует.

— Ну, еще бы, — ее голос стал похож на скрежет железа по стеклу. — Ты двадцать лет рвался к этому. Двадцать лет интриг. Поздравляю.

— Двадцать лет я для тебя хуже бельма на глазу, — негромко рассмеялся он. — Кстати, об интригах. — Мужчина поднялся — вроде бы неспешно, но собеседница отшатнулась. — Тебе не надоело подсылать ко мне убийц? Тот, кого поймали сегодня ночью, мигом выложил все про своих нанимателей.

— Что, неужели кто-то оказался настолько глуп, что нанял убийцу напрямую? Впрочем, после твоих палачей любой признается в убийстве собственной матери.

— Марионетка. Такой же, как и сам наемник. Но мы с тобой знаем, кто дергает за веревочки. Мне это надоело, Риа.

— Домыслы, — она безоблачно улыбнулась. — Просто домыслы — которые никому не интересны. Я невиновна.

— Домыслы короля весят не меньше закона. Если король тиран и самодур — а я именно таков. — Тарилл сделал шаг — женщина попятилась.

Не было ни повелительных жестов, ни напыщенных слов заклинания. Не разверзся воздух под ударами молний или вспышками огня. Просто женщина вдруг застыла и рухнула навзничь. Мертвая.

Король обернулся к страже.

— Найдите моего секретаря — отныне старшего советника. И кого-нибудь, кто уберет тело. Будут вопросы — ответите, что за измену в нашей стране всегда было только одно наказание. Хотя вряд ли они будут.

Один из охранявших зал церемонно кивнул и вышел. Второй остался, недвижно глядя в пространство — словно ничего не видел и не слышал.

2

Там, где я оказалась, была ночь. Густой лес, маленькая речушка на дне оврага. Ветер нес аромат цветущих яблонь. После затхлого смрада подземелья этот запах обрушился со всех сторон, и я на минуту разучилась дышать. А потом сползла в траву и заплакала. Остановиться не получалось. Я плакала, отстирывая одежду, отмываясь сама. Хотелось содрать кожу вместе с кровью и грязью, смыть воспоминания. Вода была теплой, словно парное молоко, и я долго не могла вылезти из этой маленькой речки, а потом плакала, свернувшись под деревом, до тех пор, пока усталость не взяла свое, и не пришел сон.

А во сне появилась та женщина, чей голос я слышала в темнице. Женщина в облачении придворного мага. «Найди вещь Хаоса. Странная болезнь, сгубившая короля — лишь уловка его боевого мага, который рвался к власти. Он и теперь правит — мечом и кровью. Неправда, что король погиб. Его еще можно вытащить из междумирья. Здесь еще остались верные люди, они помогут ему вернуть трон. Только найди посох, он откроет границу…» Кажется, я рассмеялась в ответ, прежде чем проснуться.

Нет, определенно рехнулась. Мания величия — так называли это книги.

Молодой государь умер год назад. И завещал правление боевому магу, потому что жениться и зачать потомков не успел. Были, правда, наследники из других ветвей рода, но они почему-то быстро отправились следом за королем. Бывают совпадения. В любом случае, мне совершенно наплевать, кто сидит на троне. Поговаривали, правление нынешнего государя нельзя назвать милосердным. Но до нашей деревни не было дела ни прежнему королю, ни этому. Пока не появились то ли грабители, то ли стража. Почему-то очень интересующиеся каким-то заговором. Именно в нашей волости. И я должна была о нем знать, так они говорили. Более того, в заговоре якобы была замешана моя семья — большей нелепицы и представить нельзя. А теперь снится какая-то тетка и заявляет, что я должна найти некую штуковину и посадить на престол законного короля. Великолепно. Пора идти и сдаваться в ближайшую лечебницу для душевнобольных. А интересно — где тут ближайшая, их всего-то две на всю страну…

Но почему политика?

Бред бредом, но на мне снова не было ни царапины. Конечно, вчера я залечила все, что могла — на то я и целитель. Но на все не хватило сил. И должны были остаться шрамы — потом бы

пришлось их убирать, это нетрудно, но… не было. Ни намека на царапину, шрам или чего-то подобное.

Что же делать? Идти к людям не хотелось. Совсем. Сама мысль о том, чтобы оказаться среди людей — чужих людей, вызывала нечто, сродни панике. Вообще бы никого не видеть и не вспоминать ни о чем Будь сейчас конец лета, я бы просто осталась здесь, в лесу — в это время умереть от голода может только лентяй или дурак. Но весной, как сейчас — я знала с десяток съедобных трав и в несколько раз больше лекарственных, но толку с этого… я не козочка, на травке долго не протяну. И до грибов далековато. Разве что лягушек наловить… тоже не выход.

Я попыталась было взмолиться — боги не решают проблему за нас, но даровать разума найти выход в их силах — и осеклась на полуслове, вспомнив… Надсадный хрип рвущегося тела. Веревка, впивающаяся в ладони. Клинок, проходящий сквозь упругое сопротивление плоти…

Лазар — мой бог, покровитель дара целителей — не примет мою молитву. Ему угодно спасение жизни, а не отнятие ее, и никаких оправданий не существует. Теперь даже в храм не зайдешь, не попросишь для мамы покоя в посмертии. Хотя здесь-то можно и не просить — и без того…

Скольких я убила? Не помню — все было, как в кошмарном сне, когда убегаешь от неведомого страха, отбиваешься, и все кажется медленным-медленным, как будто прорываешься сквозь густую пелену… а проснувшись, не можешь ничего вспомнить — лишь отчетливое ощущение ужаса да бешено колотящееся сердце. Может, я все-таки проснусь?

Вот только чужой нож в бурых разводах был слишком тяжелым для сна. А еще рядом с ножом валялось три кошеля. Даже в самом кошмарном сне мне не пришло бы в голову обирать тела. А тут вот — додумалась. Как будто нашептал кто… может, и нашептал, та же странная женщина, что приходила во сне. Ведь это она открыла портал — я на такое не способна…

Если бы у человека была только душа, я бы осталась в этом лесу, под цветущей яблоней — и умерла. Куда-то идти, пытаться выжить — зачем? Но тело снова было здоровым, оно хотело жить, настойчиво требуя еды. Придется искать людей… Людей, пищу, какую-нибудь одежду — моя превратилась в живописные лохмотья — ночлег. Придется как-то жить. Понять, наконец, на каком я свете. Может быть, тогда станет ясно, что делать потом.

Если идти вниз по реке, как бы мала она ни была, рано или поздно набредешь на людей. Весь вопрос в том — когда. Устав пробираться по кустам, сдирая с лица мерзкие липкие нити паутины, я как раз собралась просто плюхнуться и отдохнуть, как

лес закончился. Внезапно — ровной линией. Так бывает, когда его вырубают специально. А за полем в три перестрела стояли городские стены.

Я вздохнула — это было слишком. Либо мне несказанно везло, либо то, что я сочла бредом, было правдой. Оставался, правда, еще один вариант — что все происходящее было предсмертными видениями… тогда, наверное, могло быть и хуже. Лучше уж неведомый город, чем дыба.

Попасть за ворота оказалось неожиданно просто. Я боялась, что стража решит обыскать подозрительную оборванку. Боевой нож, кошелек с немаленькой суммой — и как объяснить, откуда это взялось, снова не угодив в застенок? Нет уж, только не все сначала. Лучше пусть убьют.

Стражники только скривились, глядя на меня:

— Подаянием живешь? — спросил один.

Я кивнула.

— И когда уже запретят такую шваль в город пускать, — сплюнул он.

— Не ворчи — вмешался второй, постарше, — А ты, девка, послушай моего совета. Рожа у тебя вроде симпатичная, фигурка тоже ничего. Хочешь, познакомлю с одной женщиной? Отмыть тебя, одеть — от желающих отбоя не будет. Денег заработаешь.

— Спасибо почтенный, — я опустила глаза долу. — Я подумаю.

— Ну, думай, — хмыкнул он. — Голод-то не тетка. Много вас таких из деревень приходит на заработки. Да только тут и своих работников хватает. А вот девки смазливые — в цене.

— Я подумаю, почтенный, — тихо повторила я. Только не закричать ему в лицо, что я лучше сдохну, чем позволю еще кому-то прикоснуться… еще хоть раз… хоть одному…

— Ладно, если что, приходи, сведу, с кем надо. Ничего с тебя за это не возьму. Дочка у меня твоих лет… вот и пожалел. Все лучше, чем с голода помирать.

Я кивнула и постаралась как можно быстрее убраться от ворот. Странные формы порой принимает жалость. Не думаю, что своей дочери он пожелал бы пойти по рукам. А незнакомой нищенке — предложил как благодеяние. Все, мол, лучше, чем голодать и побираться. Попробовал бы сам хоть раз, тогда бы и сравнивал.

Наверное, город был большим и богатым — мощеные булыжником мостовые, каменные дома, некоторые даже в несколько этажей — стены нависали над головой, заслоняя солнце. Люди, торопливо снующие туда-сюда. Слишком много людей.

В городах я была раза три за всю жизнь — когда ездили с родителями на осеннюю ярмарку. Помнится, в последний раз я просто глазела по сторонам, разинув рот. Сейчас было не до того. Все силы уходили на то, чтобы не шарахаться от каждого мужского взгляда. Новое платье я купила на базаре — не особо приглядываясь, у первой же попавшейся торговки — слишком страшно было оказаться одной среди толпы. Горластой, толкающейся, куда-то спешащей… слишком много людей, слишком много шума. Наверное, надо было побродить там подольше, послушать разговоры. Не смогла. Потом… все потом. Когда я перестану вздрагивать от любого случайного прикосновения — а в толпе у прилавков то и дело кто-нибудь оказывался слишком близко.

Поплутав по улицам, я нашла постоялый двор — не самый дорогой, но внутри по крайней мере было чисто. А еще он был сложен из дерева, и стены прорезали окна. Глупо, но это успокаивало. Потому что незадолго до того, я попыталась было заглянуть в еще один постоялый двор — и не смогла провести внутри и минуты. Камень и факелы на стене.

Денег хватило и на белье, гребень со шпильками, и другие нужные мелочи. Оказывается, собирать чужие кошельки — прибыльный заработок. Я усмехнулась про себя — может, на большую дорогу податься? Терять все равно нечего… Но в городе я долго не протяну — слишком много людей, и во взгляде каждого встречного мужчины чудится маслянистая похоть. От этого хотелось провалиться сквозь землю… И еще все время казалось, что вот сейчас в спину заорут что-то вроде «держи ее». Сегодня здесь переночую… и подумаю, куда можно уйти. Можно было бы найти любой храм Лазара, и остаться там, пока не пойму, что прошлое мертво. Можно было бы… если бы я не стала убийцей. Наверное, нужно податься куда-нибудь в окрестные деревни — там всегда найдется дело для целителя. А я умела многое — поколение за поколением женщины нашей семьи обладали даром. Даром чувствовать и исцелять чужую боль.

Жить так, как мы жили дома… Я вздохнула. Не думать об этом. Пока нет сил. Пока нужно заниматься насущными делами. Одежда, еда, ночлег. Если начну вспоминать, то заору в голос. В родные места возвращаться далеко, да и незачем. Зазывала на рынке, собирая народ посмотреть на глотателя огня кричал что-то вроде «такого Лирен еще не видывал». Лирен… похоже, созданный странной женщиной портал пронес через половину страны. Проделать несколько месяцев пути, ради того, чтобы вернуться на пепелище. Бродить среди обгорелых труб и белеющих на земле костяков… Я сморгнула слезы — не думать.

Не сейчас.

День кончился быстро — половина его ушла на то, чтобы выбраться из леса. А ночью мне снова приснилась та женщина:

— Здравствуй, Аларика.

Во сне можно ничему не удивляться:

— Здравствуй, почтенная. Прости, не знаю твоего имени.

— Риа Сельман. Советница короля Юрилла.

— Благодарю за помощь, почтенная. — Словно это обычное дело — разговаривать с женщиной, умершей год назад. И слова какие-то подобрались сухие и холодные. Наверное, после всего я просто разучилась кому-то верить, раз внутри вместо благодарности прочно поселилось ожидание подвоха.

— Не стоит, — улыбнулась она. — Ты молодец, справилась сама.

Она помолчала.

— Аларика, мне нужна твоя помощь.

Ну, вот и подвох. Чего ж она ко мне так прицепилась, я ведь не боевой маг, и даже не воин. Просто целитель.

— Ты меня с кем-то путаешь. Я лекарь. Тебе нужен боевой маг. Наемник, специализирующийся на розыске артефактов.

— Да. Я искала твоего отца. Но не успела.

— Заговор, арест — твоя работа? — взвилась я.

— Нет. — Риа вздохнула. — Не знаю, кто пустил этот нелепый слух. Я не успела. Ты слышала, что мертвые иногда не могут покинуть этот мир, если у них остались незавершенные дела?

— Всегда думала, что это байки.

— Нет, как видишь. Я не могу обрести покой, пока Карн на престоле. Пока тот, кто убил меня правит страной. Я хочу вернуть трон законному королю и отомстить. Но ни живая, ни мертвая — я не всемогуща и не всеведуща. Прежде чем я разобралась, что нужно сделать и найти твоего отца…

— Его убили, — только не заплакать, не хватало еще. Сон это или не сон — терпеть не могу рыдать при посторонних. — Их всех убили. Родителей, братьев. Всех.

— Сочувствую.

— Не верю. — Жестко сказала я. — Иначе ты бы поняла, что все, чего я сейчас хочу — это забыть. Забыть и научиться жить одной, а не гоняться за каким-то там посохом. «Вернуть престол законному королю и отомстить» — моими руками? Я целитель. Я не умею убивать.

Советница усмехнулась. Теперь передо мной была не просто женщина. Человек, облеченный властью, привыкший отдавать приказы и не терпящий неповиновения.

— Шесть трупов. Вот этими вот руками ты убила полдюжины разумных созданий. Так таки и не умеешь?

Она серьезно? Я не помню, сколько их было. Совсем. Первые двое, а дальше все слилось в неясную пелену. Неужели столько?

— Оставь меня в покое, ты! Защищаться и убивать по заказу — разные вещи.

— Смерть есть смерть, и убийство есть убийство. Если защита своей жизни — оправдание, тогда почему ты не идешь в храм, слуги Лазара всегда приютят целителя.

Я закусила губу — советница права. Для Лазара нет оправданий убийству.

Риа меж тем продолжала:

— Мне вовсе не хочется вечность болтаться между мирами. За помощь надо платить.

— Я не просила!

— Хочешь вернуться обратно? — ядовито поинтересовалась она. Я промолчала.

— Заставить тебя нет способов, но… я просто буду приходить каждый раз, как ты уснешь.

— Переживу.

— Хочешь всю оставшуюся жизнь гадать, не сошла ли с ума?

— Привыкну. — Буркнула я.

Она пожала плечами:

— Тогда начинай привыкать. Мне торопиться некуда.

Я выругалась. И проснулась.

3

— Государь, ты просил докладывать обо всех новостях касающихся заговора в Нережской провинции. — Ритан, старший советник склонился в поклоне. — Гонец. Прибыл через портал.

— Настолько срочно? — Тарилл Карн поднял бровь. — Впускай.

Вошедший преклонил колено, протягивая свиток. Король сломал печать, взглянул на строчки.

— Ритан, портал к наместнику, охрану как обычно. Быстро!

Тот кивнул, вылетел за дверь. Король поднялся, подошел к гонцу:

— Кто отдал приказ?

— Государь, — побледнел тот, — я всего лишь вестник. Содержимое писем — не мое дело.

— Хорошо, — согласился король. — Но глаза и уши у тебя есть. Что ты слышал о преступнике, разгромившем тюрьму?

— Немного, государь. Я знаю, что заговорщики облюбовали деревню Лосколь, в неделе пешим ходом от Нережа. Когда граф, под чьей рукой были эти земли, пришел с дружиной, они стали сопротивляться. С боевыми заклинаниями мятежники особо не церемонились — в результате деревня сгорела дотла. Живым взять смогли только одного. Когда пришло время очередного допроса, обнаружили, что вся стража на этаже мертва, а камера пуста. Это все, о чем говорят слухи. Что случилось на самом деле — я не знаю.

— Что у вас там за тюрьма — поинтересовался король, — что можно вырезать половину охраны, а остальные не услышат?

— Это не совсем тюрьма… граф решил, что преступник слишком опасен, чтобы везти в город… и держал в своем замке. Замок очень древний… а казематы там такие, что сам хозяин не знает всех переходов.

— Ну, вот и доосторожничал…

— Государь, портал готов.

Король кивнул. Поманил гонца:

— Пойдешь с нами.

Даже в мерцающем свете факелов было заметно, что начальник стражи нервничает.

— Мы все убрали, государь… не думали, что ты придешь сам.

Карн усмехнулся:

— А здесь вообще умеют думать? Хорошо. Показывай — где была камера, как шел преступник, где были тела… и как, во имя всех богов, человек мог исчезнуть из охраняемой камеры.

Офицер повел их по коридорам, поминутно извиняясь и

оправдываясь.

— Кстати, как его звали, — перебил король.

— Его? Это была женщина.

— Час от часу не легче. Что, опытные воины не смогли справиться с женщиной? Пусть даже поодиночке.

— Государь, я не знаю… Она не казалась опасной. Девка и девка, перепуганная до полусмерти.

— «Не казалась» — хмыкнул король. — Имя ты, конечно, сейчас не вспомнишь.

— Прости государь. Все документы — у моего господина.

— Понял. Ладно, хватит об этом. Показывай. Сперва, если не похоронили — тела, потом — место.

— Не похоронили.

Подземелья и в самом деле были огромными — настоящий лабиринт. Король молча слушал, внимательно глядя по сторонам.

— Вот здесь следы обрывались, — сказал, наконец, офицер.

— Портал, — тихо проговорил один из боевых магов, до сей поры молча следующих за спиной короля.

Тот кивнул, перевел взгляд на офицера:

— Что-нибудь от нее осталось — одежда, прядь волос, кровь?

— Ничего, государь, — растерялся тот. — Тела убрали, полы помыли.

— Какой болван приказал уничтожить все следы?

— Мой господин.

— Упаси боги от услужливых дураков… Где он сейчас?

— С дружиной ищет в окрестных лесах. Он не знал, что ты…

— Что я приду сам, уже понял. Ты знаешь, кто отдал приказ арестовать мятежников?

— Господин сказал что ты, государь.

Тот усмехнулся:

— Вот как? Интересно, почему я сам впервые об этом слышу? Наместник — бывший наместник — сказал, что идея принадлежала твоему господину. И я склонен ему верить… Впрочем, об этом чуть позже. Ты был в деревне?

— Нет, государь. Там был мой господин и дружина. Половину положили — никто не ожидал, что попадется отряд боевых магов. Вернулись злые, как…

— «Отряд» боевых магов не оставил бы от вашей дружины никого живого. Четверо-пятеро, не больше… — Король равнодушно отвернулся. Вдруг замер, пристально разглядывая пол там, где он соединялся со стеной. Щелкнул пальцами — над стеной повис шар яркого света. Государь присел, коснулся пальцами трещины в полу. Подняв голову, поманил к себе одного из магов — того, самого, кто говорил про портал. Колдун присел рядом, тоже прикоснулся к

запекшейся крови на камне.

— Действительно, женщина. Молодая, не старше двадцати.

— Странно… — протянул король — разве женщины рождаются боевыми магами?

— Я слышал о таком, государь. Говорят, очень редко такое бывает… и если их учить наравне с мужчинами, то они ничем им не уступают… по крайней мере в том, что касается магии.

— Магии. Но здесь поработал нож. Интересно… Возьми любого себе в помощь, найди карту, и разберись, где эта женщина может быть сейчас. Понятно, что не с точностью до мили — но максимум, что сможешь сделать. Со списком городов, если найдешь карты подробнее — то и деревень, где есть смысл поискать. Да, и просмотри допросные листы — имя, внешность, приметы. Вряд ли, конечно, она под своим именем объявится, но… Доложишь, как справишься — если я раньше не приду тебе помочь.

— Государь — ты уверен, что она — боевой маг?

— Нет. Но другого объяснения, как девка смогла одолеть шестерых… пусть даже поодиночке, у меня нет. На всякий случай — не сосредотачивайся только на Даре. Ищи девушку. — Король отвернулся.

— Ритан!

— Да, государь.

— Хозяина замка, когда вернется — казнить. Наследники у него есть?

— Насколько мне известно — нет. Но, государь…

— Узнай точно. Если есть — сообщишь, что они вступают в права наследования. Нет — значит, земли пока отходят короне… там разберемся.

— Государь… — осторожно повторил тот.

— За глупость. — Отрезал король. — Формальный повод придумаешь сам… впрочем, тут и думать незачем. Заговор под носом, арест заговорщиков провалил, единственную пленницу взял — и ту проворонил.

Он обернулся к начальнику стражи — тот поежился под тяжелым взглядом.

— Теперь ты. Семья есть?

— Нет, государь. — Видно было, что офицеру стоит немало усилий держаться достойно.

— На границу, с лишением всех званий, титулов и наград, если таковые имелись. Одного из твоих солдат задушили когда он или спал, или был пьян — судя по тому, в каком виде нашли тело. А потом удивляются, почему пленники пропадают… Ритан, передашь там дальше, кому следует, чтоб занялись.

— Да, государь.

— Теперь мне нужен портал в ту деревню, откуда ее взяли. Будем разбираться.

— А пристало ли самому, государь.

— Пристало, — отрезал король.

Вечером я сидела в общем зале постоялого двора, неторопливо прихлебывая пиво, и размышляла. День прошел быстро — в библиотеке время летит незаметно. Вместо того, чтобы, как планировала, навести справки о том, не нужны ли где в округе целители, я зарылась в хроники. Реальная или нет, Риа Сельман знала, куда бить. Судя по гравюрам, мне снилась действительно советница прежнего государя — но это не доказывало ровным счетом ничего. Говорят, сумасшедшие не осознают своего безумия, принимая все, как должное. Не знаю. Мне казалось, что реальность теряет очертания, ускользает, и не за что ухватиться. Что все это происходит не со мной. Портрет… я могла где-то случайно увидеть его раньше и забыть. Чтобы потом, потерявший опору рассудок вспомнил это лицо и придумал все остальное.

Если верить летописям, король из династии Кирмаллов умер от неизвестной болезни. Юрилл Кирмалл не успел жениться и оставить наследника. Перед смертью в минуту прояснения сознания он попросил боевого мага короны взойти на трон. Складно. Те, кто мог сесть на престол из других ветвей рода, тоже умерли от вполне естественных причин. Ну, холера, выкосившая провинцию. Ну, лошадь понесла на охоте. Дуэль. Двое умерли от старости в своих постелях. Всякое бывает. Вот только вместе картинка получалась очень уж интересная. Особенно если прибавить, что советница прежнего короля умерла в день, когда огласили завещание, по которому трон принадлежал Карну. Но я-то тут причем?

Кружка показывала дно. Я заказала еще. Напиться бы в стельку и забыть обо всем. Если днем еще можно было зарыться в книги и не думать, то сейчас воспоминания возвращались снова и снова. Как заставить себя забыть и жить дальше? Как вообще жить дальше, если ночью снятся умирающие родители, а то и вовсе бред про короля, а днем, стоит на миг забыться, и в каждом встречном начинают мерещиться те, из подземных казематов?

Занятая своими мыслями, я не заметила, как стемнело, зажгли свечи, зал наполнился народом. В углу подвыпившая компания горланила песни. Рядом со мной плюхнулся основательно набравшийся мужик:

— Что пить будешь, красавица?

— Ничего, — я попыталась уйти, но он ухватил за руку:

— Да что ж вы все отворачиваетесь! Что я, рылом не вышел?

— Отпусти, скотина! — я судорожно дернулась. — Не смей ко мне прикасаться!

— Ах, ты…, — замахнулся он.

Сидящий за соседним столом парень развернулся и перехватил буяна за запястье:

— Оставил бы девочку в покое.

Мужик заковыристо выругался и размахнулся другой рукой. Молодой человек увернулся мягким, текучим движением, словно бы неспешно, а на самом деле невероятно быстро. Пьянчуга потерял равновесие и влетел в поющую компанию. Грохнула об пол посуда. Раздался крик «наших бьют!». И понеслось…

Проклиная свой длинный язык, я прижалась к стене, размышляя, куда бы исчезнуть. Хоть под стол не лезь, право слово. Рядом с лицом разбилась миска. Визжали служанки. Какой-то тип с ножом оказался передо мной. Я увидела, как этот нож нацелился в спину вступившегося за меня парня, и со всей дури опустила на голову мужика добрую пинту пива в тяжелой глиняной кружке. Тот рухнул. Молодой человек оглянулся, окинул взглядом лежащее на полу тело, покрытое осколками, выпавший из руки нож, мое испуганное лицо.

— Спасибо, — и, как ни в чем не бывало, устроился напротив за столом. Словно и не бушевала вокруг драка.

В дверь влетели стражники — и начали вязать драчунов, не особо разбираясь, кто прав, а кто не очень. Парень напротив безразлично оглянулся на них, точно ничего особенного не происходило. Может, так оно и было — кто их знает, эти города? Стража, вроде бы хватавшая всех, как оказалось, не тронула никого, кто сидел за столами или жался по углам, пытаясь избежать драки. Наконец, все закончилось — зал снова наполнился негромким гулом голосов.

— Из-за меня ты осталась без пива, — улыбка у юноши была потрясающая. — Позволишь заказать снова?

Я вздрогнула, начала выбираться из-за стола. Вот только мужского внимания и не хватало. Или он надеется, что в награду перепадет благосклонности?

— А из-за меня ты ввязался в драку. Так что квиты. — Пробурчала я, изо всех сил стараясь не удрать с визгом. Посмотрела на него чуть внимательнее… и потеряла дар речи. Медленно опустилась обратно на лавку. Сидящий передо мной не был человеком. Правда, заметить это оказалось непросто. Если бы не тень сознания, столь не похожая на людскую, внешне он ничем бы не отличался от парня моего возраста или чуть старше. Возможно, лишь выражение глаз… такого взгляда не бывает у

молодых людей. Но его разум не походил на человеческий. В старых книгах дома (у нас была очень хорошая библиотека, слишком хорошая для знахарки и наемника) встречалось описание такой тени сознания. За столом напротив сидел эльф.

Этого не могло быть. Их существование давно считалось легендой. Книги, хранившиеся в нашей семье много поколений, книги, возможно более древние, чем само Сэйргийское королевство, говорили, что эльфы жили на этой земле. До тех пор, пока…

— Разве не все эльфы ушли из этого мира? — Вырвалось прежде, чем я успела понять, что несу. — Неужели порталы еще открыты?

И поняла, что не ошиблась. Дело было даже не в его изумленном лице — после таких слов любой бы опешил. Мужчина замер, глядя на меня, точно на привидение.

— Неплохо для беседы за кружкой пива. Как ты узнала? Откуда?

Я вздохнула. Вовсе не собиралась ошарашивать его до такой степени. Да и общаться не тянуло, учитывая, что эльф вполне мог оказаться просто фантазией больного разума.

— Тень сознания. Твоя не похожа на человеческую. В старых книгах писали, что такая может быть только у одной расы. И твое имя… я имею в виду истинное имя: ни у кого из людей не повернется язык выговорить его.

Похоже, объяснение не устроило. Эльф усмехнулся:

— Никто из людей не видит тень сознания. Тем более — истинное имя.

— Как никто? — теперь пришла моя очередь изумленно таращить глаза. Это первое, чему меня научили родители. Тень сознания и истинное имя. Первое простейшее колдовство, такое же естественное, как дыхание…

— Никто из людей не видит тень сознания, — повторил он.

— Может, ты просто не знаешь… — я осеклась, поняв, что он не обманывает. Или… Неужели все-таки бред? А что, дивно получается — мертвая советница, которая на самом деле не мертвая, артефакт, теперь вот — эльф. Буйная у меня, оказывается, фантазия.

— Послушай, все это на самом деле? — голос дрогнул. — Вот этот трактир, свечи, эти люди, ты… Или я просто сошла с ума?

— Интересно, — он поднял бровь. — А с чего бы этим стенам не быть реальными? Кстати, можешь звать меня Тайрон.

— Потому что я уже вообще ничего не понимаю, — я закрыла лицо руками. — То ли явь, то ли… То ли на самом деле схожу с ума.

Служанка поставила на стол две кружки, и я схватила одну, точно стоило захмелеть, и все кончится.

— Это не помогает, — тихо сказал эльф. — Что случилось?

И тут меня прорвало. Целый день я пыталась жить так, точно ничего не произошло, но случившееся все же догнало меня. Слез не было. Я просто рассказывала ровным бесцветным голосом. Как ночью нас поднял крик отца. Как горела деревня. Огонь с воем перекидывался с крыши на крышу, заглушая вопли заполошно мечущихся по улице людей. Детский плач, свист стрел из ниоткуда. Бездыханные тела под ногами. Страшный запах горящей плоти. Летящие во все стороны боевые заклятья отца и братьев. Наверное, мужчины смогли бы уйти, если бы не я с мамой. Если бы не прикрывали нас до последнего. Магия убивает наверняка, но ни у кого не хватит сил творить боевые заклинания бесконечно, а врагов было слишком много. Наверное, они смогли бы уйти — если бы не оказались единственными, кто отчаянно и умело дрался, пытаясь выбраться из покорно погибающей деревни. Я видела, как упал отец со стрелой в горле. Как ятаган обрушился на шею брата. А потом что-то ударило меня по голове.

Я не видела лица Тайрона. Не могла поднять глаза — нельзя так исповедоваться первому встречному. Наверное, только простая вежливость удерживала его от того, чтобы просто встать и уйти. Но и остановиться я уже не могла. И рассказывала, как фейерверком взрывается что-то внутри, когда от души прилетает по лицу. Каково отбиваться до последнего, изворачиваясь в чужих цепких руках, отчетливо понимая, всю тщетность этого нелепого сопротивления. Как крик вязнет среди камня, сменяясь осипшим воем. Про очень кстати уснувшего стража. Что удавка оставляет на ладонях темные полосы, а кровь в полумраке кажется черной. И о снах, которые не были снами.

Тайрон молчал.

Я опустила голову на сцепленные ладони.

— Не знаю, что делать. Все время кажется, что это неправда. Что сейчас проснусь, и все будет по-старому. Только утром ничего не меняется. Ничегошеньки.

Он мягко отнял мои руки от лица — я вздрогнула, но вырываться не стала — заставил приподнять подбородок и посмотреть ему в глаза:

— Ты. Не. Безумна, — его взгляд был полон сочувствия. — Бедная девочка…

Я закусила губу, и вылетела из-за стола. Пронеслась по лестнице в свою комнату. Закрыла дверь на задвижку и сползла по косяку, содрогаясь от рыданий.

Разумеется, спокойно поспать не удалось. Мертвая советница

не собиралась сдаваться. Мы препирались всю ночь.

— Знаешь, чем это кончится? — не выдержав, заорала я. — Трупом в придорожной канаве. Моим. Этого ты добиваешься? Чтобы весь род под корень?

— Ты сама кого хочешь оставишь в канаве, — ответила она. — Больше некого просить. Может, у внучки главы столичной академии хватит сил, чтобы потягаться с боевым магом государя?

— Ага, а сдохнет — еще кого-нибудь найдешь.

Она сделала вид, что не услышала.

— Кстати, не объяснишь, с чего бы вдруг сын ректора решил похоронить себя в деревне?

— Он не рассказывал. — Отец действительно никогда не рассказывал. В хорошем настроении отшучивался — что-то вроде «любовь до гроба». В плохом — мрачно отмалчивался. Впрочем, ни я, ни братья особо и не расспрашивали — почему-то все воспринималось как должное. Многие ли вообще задумываются, почему родители живут так, а не иначе?

— Ты ведь готова согласиться, — сказала Риа. — Иначе проводила бы дни с целителями, а не среди старых рукописей.

— Да шла бы ты…

Она усмехнулась и исчезла.

4

Когда я спустилась в общий зал, там было немноголюдно. Время утренней трапезы уже миновало, середина дня, когда можно с чистой совестью оторваться от работы, еще не наступила. Только в углу болтала пара завсегдатаев, да у стойки спиной ко мне сидел мужчина. Я обратила внимание на роскошные смоляные кудри и гордый разворот плеч. Словно почувствовав пристальный взгляд, он обернулся, и я поперхнулась похлебкой.

— Доброе утро, — сказал Тайрон, подходя к столу. Сейчас он выглядел лет на десять старше, чем мне показалось вчера. Похоже, эльф заметил мое смущение — в серых глазах прыгали лукавые искорки. Я рассердилась на себя. В конце концов, какое мне дело до случайного знакомого? Даже если он непростительно хорош собой.

— Тебе понадобится доспех, — сказал он тоном, не допускающим возражений. — И оружие. И поскольку одна далеко не уйдешь, пойдем вместе.

— Здрассте. — опешила я. — А с чего ты взял, что я вообще собираюсь искать эту штуковину?

— Знаешь, как прозвали Рию при дворе? «Крабиха». Ты когда-нибудь была у моря, видела крабов?

— Нет. — Что он несет?

— Сидит-сидит себе тихо под камнем, потом приглядит добычу, выскочит, вцепится — и все. Не оторвешь, разве что с мясом. Похоже, в этот раз в качестве добычи приглядели тебя.

— И откуда ты такой всезнающий взялся на мою голову?

Он усмехнулся:

— В столице сплетни разносятся быстро, пожалуй, куда быстрее, чем в деревне. Я там жил, пока не пришла пора сменить город. Сама понимаешь, долго оставаться на одном месте…

Ну да, люди быстро заинтересуются соседушкой, который все никак не удосуживается помереть от старости.

— Так вот, о Рие. Если слухи верны, она непробиваема. Если уж что-то возьмет в голову — не отступится. Или ты найдешь этот посох, или она и в самом деле сведет с ума.

А вот тут, пожалуй, он прав. Я успела пообщаться с этой… две ночи подряд и уже чувствую себя выжатой. Каждую ночь… всю оставшуюся жизнь… надолго меня не хватит.

— Ну и, в конце концов, — продолжал Тайрон. — Достать артефакт — единственный способ понять, не лишилась ли ты рассудка. Иначе все время будешь думать об этом… до тех пор, пока действительно не обезумеешь.

— Тебе-то что с того?

— Любопытно, — эльф неподражаемо передернул плечами.

— Книжки почитай, если нечем заняться, — посоветовала я.

— Книжки кончились — хмыкнул он в ответ. — У меня было слишком много времени на чтение. Надоело.

— Жить тоже надоело?

— Можно сказать и так, — Тайрон посерьезнел, и сразу показался куда старше.

Я поймала его взгляд… стало зябко.

— Я хочу забыть. Забыть этот кошмар, и начать жить. Не прятаться по углам, не гоняться за каким-то призраком — просто жить.

Его улыбка была очень-очень грустной:

— Думаешь, это так просто — забыть?

Я спрятала лицо в ладонях — не стоит показывать слезы. И врать себе тоже не стоит. Так, как было, уже не будет. Хотя бы потому, что мертвых не воскресить. Жить дальше, каждую ночь бояться заснуть — потому что приснится или кошмар или эта, как ее там… и неизвестно, что хуже. Каждое утро размышлять — а не сошла ли с ума окончательно. Неизвестно сколько шарахаться от каждого встречного. Я боюсь людей — и боюсь остаться одна. Когда можно сорвать голос в крике — и никто не услышит, лишь ухмыльнутся.

Эльф молча ждал. По крайней мере, в его глазах мне не мерещится похоть. Не хочется с визгом отпрянуть от прикосновений — даже если они выглядят достаточно бесцеремонными.

Я в последний раз шмыгнула носом, вытерла слезы:

— Имей в виду: при ближайшем рассмотрении я — не подарок.

— Я тоже, — усмехнулся он. — Пойдем выбирать тебе кольчугу. Да, о золоте не беспокойся, мне все равно некуда его тратить.

Лавка находилась на одной из центральных улиц. Хозяин вышел из-за стойки и поклонился:

— Что желает господин витязь?

— Не я. — Уточнил Тайрон. — Вот этой даме нужна кольчуга.

И с отсутствующим видом уселся на скамье у стены. Хозяин понимающе кивнул и вышел за товаром. Когда он вернулся и выложил на прилавок первую партию, я едва не застонала. Похоже, бронник решил, что у возлюбленной воина случилась очередная женская дурь, и она решила обучиться воинскому искусству. Спорить с бабами себе дороже, вон и витязь молча

сидит в углу. Значит, не одобряет, но препираться устал. Правильно сделал, почувствует девка, что такое полпуда железа на плечах, набьет пару синяков и отступится. А если так, и ее спутнику не жаль денег, почему бы не предложить что-то красивое, но бесполезное. Из тех парадных вещей, которые серьезные воины всерьез не принимают — и удар не держат, и двигаться мешают. Зато с позолотой.

Как ни странно, в доспехах и оружии я разбиралась. Пришлось. Я невольно улыбнулась, вспомнив, как отец решил обучать меня воинскому делу наравне с братьями. Конечно «наравне» — сильно сказано, мальчишек он начал натаскивать едва ли не с рождения. Но мама все равно устроила скандал. В конце концов, в человеческом теле и без всяких железяк полно болезней. Если мужчинам охота играться в эти игрушки — пусть, себе, но девочке незачем. Отец только рассмеялся в ответ. И разумеется, сделал по-своему. «Любой из моих детей должен уметь защитить себя, если что». Точка. Когда он начинал говорить таким тоном, спорить становилось бесполезно — даже маме. А я и не пыталась. Боевая магия давалась гораздо труднее лекарских заклятий. Про меч и говорить нечего. Но отец не отступался. Жаль только, что той ночью это не помогло…

Я прогнала непрошенные воспоминания и посмотрела на хозяина лавки:

— А парчовых нет?

— Чего? — не понял он.

— Ну, кольчуг. Парчовых. А то эти — вылитые бальные платья, но тяжеловаты будут. Для бала. А из парчи бы в самый раз.

Тайрон в углу хмыкнул. Бронник озадаченно вытаращил глаза.

— Убери это барахло, — приказала я. — Блеску много, пользы мало. Принеси что получше. За золотыми побрякушками я к ювелиру пойду — толку больше будет.

Хозяин сгреб товар с прилавка. Следующая партия была более приличной. И взяв в руки небольшую — наверняка делали на несовершеннолетнего отпрыска знатного рода — вороненую кольчугу, я поняла, что больше перебирать нет смысла. Эта вещь явно приберегалась «для ценителя». Попросила разрешения примерить, еле слышно вздохнула, когда тяжесть металла опустилась на плечи. Ну вот, теперь вместо платьев — кольчуга, а лекарский нож, наверное, заменит меч. Дожили…

Да, эту вещь точно делали на отрока. Даже длина в самый раз.

— Сколько хочешь за нее, мастер? — спросила я, и едва не

охнула, услышав цену.

— Мы покупаем, — вмешался Тайрон.

И расплатился, не торгуясь.

— Спасибо за помощь, — съязвила я, едва дверь закрылась за спиной.

— Надо же было посмотреть, хватит ли у тебя ума самой попросить совета.

— Как видишь, не хватило.

— Зато хватило на то, чтобы выбрать лучшую вещь в лавке. Не ожидал, надо признать.

— А если бы я ничего не понимала в броне? Отдал бы деньги за красивую безделку?

Он пожал плечами:

— Не знаю. Если бы попросила помощи, подсказал бы.

— А если нет?

— Значит, ты либо более глупа, либо более самонадеянна, чем кажешься. И то, и другое лечится только одним способом.

— Угу. Могилой.

— Иногда и так, — не смутился он. — Чаще — опытом.

Я вздохнула. Мало мне бед, так еще и этот свалился на голову…

— Что теперь?

— Теперь пойдем домой. У меня приличная коллекция оружия — подберешь что-нибудь по руке.

— С чего бы такая щедрость, — буркнула я.

Он остановился, взглянул сверху вниз. Нетрудно, в принципе, так смотреть, когда собеседник ниже чуть ли не на две головы:

— Тебе никогда не приходилось приносить домой плачущего котенка?

Лестно, нечего сказать. Ну хоть не врет — и то ладно.

Эльф меж тем добавил:

— Но если хочешь, могу рассказать что-нибудь о том, что твоя красота подобна цветку, и любой сочтет за счастье последовать за ней…

Кажется, я зарычала. Потом выругалась:

— Нам в ту сторону, — спокойно сказал он.

— Хочешь, чтобы я сама тебя прибила?

— Попробуй. — Тайрон безмятежно улыбнулся.

Я снова ругнулась и пошла с ним. Каков бы он ни был — он был рядом. А я до смерти боялась снова остаться совсем одна.

Дом был недалеко от центральных улиц. Здесь начинали строить еще в те времена, когда стены вмещали город с изрядным запасом. Глухой забор, огораживающий приличных размеров двор — роскошь, недоступная жителям окраин, где дома лепились

едва ли не один на другом. За стеной обнаружился сад, хотя, собственно садом его было трудно назвать — настолько дикими и неухоженными казались заросли. Ни тебе тщательно разбитых клумб, ни дорожек, выложенных галькой. Буйная, лезущая во все стороны зелень и узкая тропинка под нависающими ветками. Стены дома тоже покрывали какие-то вьюнки, которых я, к стыду своему, не смогла опознать. Они росли так густо, что снаружи было непонятно, сложен дом из бревен или камня. Замка на двери не оказалось, но вход закрывало хитро сплетенное заклятье. Разобраться в нем я не успела — Тайрон снял заклинание небрежным мановением руки:

— Заходи.

Внутри стены оказались деревянными, покрытыми тонкой резьбой. Рисунок не столько был изыскан сам по себе, сколько подчеркивал красоту дерева. Я остановилась, восхищенная, провела ладонью по стене. Янтарное дерево казалось теплым и словно живым. Оно источало едва заметный аромат смолы, лесной травы и еще чего-то неведомого. Не знаю, была ли то магия, но вдруг стало легко и спокойно. Почти как в прежней жизни.

Голос Тайрона спугнул наваждение:

— Пойдем, покажу оружейную.

Столько железа я не видела даже в лавках. Мечи, сабли, новомодные рапиры. Ножи — от здоровенных боевых, до стилета, который дама сможет спрятать за подвязкой. Копья, булавы. Луки. И ни одной затрапезной вещи — за любой экспонат этой коллекции знатоки бы заплатили золота по весу, и радовались бы потом удачной покупке.

— Сколько лет ты собирал все это?

— Не помню, — эльф пожал плечами. Этот жест уже начинал раздражать. Равно как и небрежный тон. Ну да, что ему десяток веков.

Лук отпадал сразу. У меня не хватило бы сил как следует натянуть тетиву любого из того, что здесь были — все, как один, на рослого сильного мужчину. Хотя какая разница — все равно стрельба мне так и не далась, сколько отец не бился. Вот нож бросить — это могу. Я взяла в руки набор метательных ножей — неожиданно тонкой работы для вещи, которые все равно рано или поздно растеряешь. Вынула из ножен один, взвесила на руке.

— Мишень там. — Тайрон пристально наблюдал за моими манипуляциями.

Первый нож ушел выше, чем нужно, второй воткнулся точно в середину крестовины, прибитой над дверью. Надо же, дома не слишком-то выходило, а тут — на тебе. Жить захочешь — еще не

то получится.

— Пояс с ножнами закажем новые, этот явно велик. Ножи можешь взять. Выбирай меч. — Голос Тайрона был скучающе-спокоен. Зараза, мог бы оценить.

Меч я увидела сразу. Для мужчины маловат, для меня в самый раз. Из многажды перекованной и закаленной стали. Плавно сужающееся к острию лезвие длиной с мою руку. Удобная рукоять без украшений. Никаких заклинаний. Честный меч, для честного боя.

— Этот.

— Хороший выбор. Ножны принесу позже. А сейчас, — меч в его руке появился как будто из ниоткуда, — посмотрим, на что ты способна.

— Боевым? — оторопела я.

— Страшно? — его ухмылка больше походила на оскал. — А на самом деле предупреждать не будут. И жалеть тоже.

— Но… — я едва успела присесть, клинок свистнул над головой.

— Потом будем работать с учебными. А сейчас я хочу увидеть, как ты будешь драться за свою жизнь. Чтобы знать твой максимум. Или не хочешь учиться?

— Хочу, но… — просто блокировать бесполезно, он намного сильнее. Подставить, дать чужому клинку соскользнуть, самой уйти в сторону.

— Ну так покажи, на что способна. Нападай.

Легко сказать. На самом деле чудо, что до сих пор получалось просто защищаться. Силы были, мягко говоря, неравными. Все же я попробовала…

— И только-то? — смех обжег, точно яд. — Хоть бы заклинание бросила, что ли.

Чего он добивался? Хотел унизить? Разозлить? Думать об этом особо было некогда. Заклятье? Вряд ли сейчас я смогла бы вспомнить и простейшее. Но даже если бы и смогла, секунды, нужной на его сотворение не было. Осталось лишь шипение разрезаемого воздуха и рвущее жилы усилие тела, уходящего от стали. А потом вдруг все кончилось, и я обнаружила, что стою, упираясь лопатками в стену, а перед глазами пляшет острие чужого клинка.

— Боишься? — Клинок медленно переместился к шее.

Как заставить голос не дрожать, когда кожа чувствует холодок отточенной стали, а разум отказывается понимать, что происходит?

— Нет.

— Боишься. — Лезвие плотнее прижалось к коже.

— Нет. — Я посмотрела ему в глаза, — Слишком сложно для того, чтобы всего лишь убить.

— Боишься, — удовлетворенно заключил Тайрон. — Просто не хочешь показывать. А ты не подумала, что я могу просто ненавидеть людей — всех подряд? За то, что мой народ вынужден был уйти из этого мира, устав воевать с теми, кого мы считали младшими братьями? За то, что вы, неизвестно почему, возненавидели нас?

Внезапно страх действительно ушел. Осталась лишь жалость к народу, что был здесь первым, и чье время прошло.

— Если я умру, у тебя на душе станет легче?

— Может быть.

— Что ж, сама виновата. Не надо было доверять первому встречному.

— Умнеешь на глазах.

— Ну и чего тогда ждешь? — только не зажмуриться.

Тайрон широко улыбнулся и убрал оружие.

— Прости. Хотел знать, чего ты стоишь на самом деле.

Я медленно провела рукой по шее. Какое-то время тупо смотрела на кровь на ладони, а потом взорвалась.

— Да пошел ты… Хотел он знать, видите ли. Мой дом сгорел, семья мертва, за спиной трупы, а ты проверяешь, не наложу ли я в штаны при виде меча! — от обиды на глаза навернулись слезы, — Пропади оно все пропадом, обойдусь и без твоей помощи, и без твоего любопытства!

Уйти не получилось. Тайрон схватил за руку и через минуту как-то так вышло, что я прижималась к его плечу, а он гладил по голове и что-то шептал.

— Прости, — я шмыгнула носом в последний раз. — Больше не буду устраивать истерики.

— Рубашку можно выжимать, — он улыбнулся, и улыбка оказалась теплой. Совсем не похожей на ту ехидную усмешку, к которой я уже успела привыкнуть.

— Не извиняйся, сам перестарался. Думал, лучше сердиться, чем плакать.

— Больше не надо.

— Не буду. Чая хочешь?

Тайрон собирал на стол, а я бесцеремонно разглядывала эльфа. Он двигался совершенно бесшумно, и совершенно не так, как люди. При посторонних он передвигался иначе. Интересно, насколько трудно постоянно прикидываться человеком?

— Ты правда ненавидишь людей?

— Сейчас нет, — он подал дымящуюся кружку, сел рядом. —

Раньше. Когда понял, что остался один и никогда не смогу рассказать, кто я. — В его голосе появилась горечь. — За что люди возненавидели нас? Ведь мы были добры к ним.

Я покачала головой. Вдохнула бесподобный аромат травяного чая. Вздохнула.

— К чему притворяться — ты ведь все понимаешь на самом деле.

Он покачал головой:

— Зависть? Этого я не понимал никогда.

— Зависть… Мне шестнадцать. И большинство сверстниц давно замужем. Многие — с детьми. Еще пара лет — буду перестарком, и мужа не видать. Те, кому под тридцать, нянчат внуков. Кто смог до них дожить, конечно. В сорок они старухи, света не видящие от болезней. А для тебя века — только рябь на реке времени. В моем роду жили долго, непростительно долго, лет по восемьдесят — сто. И на нас косились — колдуны, и тут им везет. А ты можешь сказать: «с тех пор листья у моего дома осыпались лишь пятьсот раз». И это будет не бравада, а спокойное утверждение. Как по-твоему воспримет это тот, для кого промежуток в десять раз меньше — целая жизнь? Кто ежедневно видит костлявую рядом с собой? Каково умирать, зная, что кто-то рядом будет жить даже когда на свете исчезнет память о твоих правнуках?

Тайрон пристально смотрел мне в лицо:

— Ты тоже ненавидишь меня за это?

— Нет. Для этого я слишком молода и глупа. — Я улыбнулась. С ним рядом было легко и спокойно. И безопасно. — Может, если доведется дожить до старости, я вспомню тебя и взвою от зависти. А пока — просто не знаю, что делать с вечностью, достанься она мне.

— Так и я не знаю, — сказал он.

Мы молчали, неторопливо потягивая травяной взвар. Наконец, Тайрон поставил на стол пустую кружку и легко поднялся:

— Пойдем. Купим тебе что-нибудь поудобнее юбок, и начнем заниматься. Если хочешь найти свой посох и остаться живой, придется еще много чего узнать. Тебя учили старательно и с любовь, но пока этого совсем недостаточно.

5

Ночевать я осталась в доме эльфа. Просто не осталось сил на то, чтобы добраться до постоялого двора. В свое время отец на занятиях гонял нещадно, но то были цветочки по сравнению с тем, что устроил Тайрон. Вечером меня едва хватило на то чтобы стащить сапоги. Даже возиться, разбирать постель не стала — просто рухнула поверх покрывала как была, в кожаных штанах и холщовой рубахе, и провалилась в сон. Чтобы посреди ночи проснуться оттого, что кто-то тряс за плечи. Я завопила, шарахнулась, слетела с постели, больно приложившись локтем об пол, вскочила…

— Это я.

Маленький шарик света озарил лицо Тайрона. Я всхлипнула и осела на беспомощно подогнувшихся коленях.

— Ты кричала. Я пришел проверить, попытался разбудить, и — вот… — он развел руками. — Извини.

Кричала? Что-то снилось, но припомнить не вышло — лишь снова накатил ужас.

Тайрон подошел ближе, протянул руку, помогая подняться. Я выпрямилась, ощущая себя дура-дурой.

— Прости.

Эльф небрежно пожал плечами:

— Бывает.

Окинул взглядом и усмехнулся:

— Не стоит спать в одежде. В этом доме бояться нечего.

На нем самом были только штаны — ни рубахи, ни обуви. Ладно хоть совсем голяком не примчался — хорошо я, похоже, вопила. Громко.

Я опустилась на кровать, обхватив себя за плечи. Потерянно повторила:

— Прости.

Тайрон присел напротив — глаза в глаза.

— Это пройдет. Может быть, не так скоро, но — пройдет. Я знаю.

— Тебе-то откуда знать?

— Было. — Коротко ответил он. — Прошло.

Поднялся и молча прикрыл за собой дверь.

Я долго смотрела ему вслед. Наконец, разделась, юркнула под одеяло, с тоской предвкушая еще одну бессонную ночь. И почти сразу же уснула.

Эта зараза вломилась в мой сон, как к себе домой.

— Так когда выходишь?

— Сейчас. Вот как проснусь, так сразу и побегу.

Она небрежно пожала плечами. Вокруг сразу возникло пространство — до того я не видела ничего, кроме лица Рии. Впрочем, «пространством» это назвать было трудно — серая пустота. Советница опустилась на неизвестно откуда возникшее под ней кресло с мягкой обивкой и высокими подлокотниками. Спина прямая, голова чуть склонена на бок, скучающий взгляд — знатная дама, снизошедшая до простолюдинки. Я разозлилась: в конце концов, это мой сон, или чей? Так какого я тут стою перед этой, будто провинившаяся школьница? Если она может создать себе кресло, то и я… а вот не буду. Я плюхнулась прямо на «пол», уселась, скрестив ноги, благо, штаны позволяли.

— Так все же, — голос Рии был скучающе-спокоен, — когда выходишь?

Я подперла кулаком подбородок, глядя на нее:

— Слушай, не могу понять: тебе нужен посох или мой труп? Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что… Может, мне сразу утопиться? Мороки точно будет куда меньше.

— Я бы давно объяснила, куда идти, если бы кое-кто не упирался, как ослица.

— Фи, — поморщилась я, — пристало ли благородной даме выражаться, точно посудомойка?

— Запоминай дорогу.

Она удивительно хорошо умела не слышать то, чего не хочется. Перед глазами развернулась карта… вернее даже не перед глазами а где-то в том, что называется «внутренним взором». Так, совсем весело… она еще и в мозгах у меня копаться может?

— Могу, — раздался ехидный смешок. — Так что врать не советую. Ладно, об этом потом, смотри на карту.

Нет, так прямо копаться — вряд ли. «Слышать» то, о чем я думаю, скорее всего. По большому счету — ведь и когда мы с ней «говорим», никто не сотрясает воздух. Это же сон. Только два разума.

Но все равно приятного мало. Ладно, об этом поразмыслю, когда проснусь. Что там с картой?

Лирен… приграничье. Очень неспокойные места, здесь даже купеческие обозы напоминают маленькие армии. Да уж, занесло… значит, на запад, через горы, потом по предгорьям чуть южнее… пещера. Надо отдать Рие должное — окрестности пещеры она показала так отчетливо, как будто я сама только что разглядывала сброшенные давним оползнем камни, обросшие вьюнком, высоченные сосны и черный провал в никуда. Она что,

там была?

— Живая — не удосужилась, — ответила та. — А теперь все проще.

Да чтоб тебя! Могла бы хоть из вежливости подождать, пока вслух спрошу.

Но топать до этой штуки…

— Там только половина. Где вторая — пока не знаю.

Замечательно! И сколько ей понадобится, чтобы узнать? Мне что теперь, всю жизнь угробить на поиски ее идиотского артефакта? Хотя… гораздо больше шансов, что жизнь окажется очень короткой.

— Далековато топать, — сказала я вслух. — Поближе портал сделать не могла?

— Не могла. Здесь магия работает не совсем так, как в живом мире.

Стоп, а она где? Не жива, не мертва… Мир теней, через который проходят души по дороге в посмертие… и где они бродят, покинув тело, когда человек засыпает. Вот, значит, почему она шастает по моим снам. И ведь не закроешься, получается. Никак не закроешься.

— Портал пришлось привязывать к определенным ориентирам… долго объяснять.

Не хочешь — не надо. Я тоже сейчас не склонна обсуждать теорию.

— Но в одном ты права, — заметила Риа. — Здесь действительно не стоит ходить одной. Найми телохранителя.

Какого, к демонам, телохранителя? Она что, не… Стоп. Не думать. Я сама не знала, откуда пришла уверенность, что этой стерве не стоит знать о Тайроне. Может, просто хотелось оставить ее в неведении хоть о чем-то.

— Я — что?

— Ничего. — Огрызнулась я.

— Ничего, так ничего. Возвращаясь к главному: когда ты намерена выйти?

Я глубоко вздохнула:

— Там в пещере — все спокойно?

— Не знаю. Бывает, что в таких местах заводится нежить.

Совсем славно.

— Хорошо. Я приволоку тебе посох. — Ох, ну что я несу, дался мне этот артефакт. Но ведь не отвяжется, чтоб ее. — Но при одном условии — ты перестанешь каждую ночь вламываться в мои сны. Когда выйду — точно не скажу, но не прямо завтра — точно. Оружие, доспех, телохранитель — это деньги. Большие деньги.

— Можно украсть.

— Ага. Телохранителя тоже украсть? Нет, конечно, если ты готова ждать, пока меня выпустят с каторги, после того, как попадусь на краже, можно и попробовать. А можно и по-другому. Целителю, владеющему магией, платят хорошо… очень хорошо. На патент должно хватить того, что у меня уже есть, а дальше — заработаю. Так что с деньгами я разберусь — но понадобится время.

— Какие гарантии в том, что ты просто не тянешь время?

— Какие гарантии? — фыркнула я. — Ты копаешься в моих мозгах, как своих собственных, и не можешь отличить правду от лжи?

Она побарабанила пальцами по подлокотнику.

— Хорошо. Каждую ночь — пожалуй, действительно, не стоит. Но и совсем оставить тебя без присмотра я тоже не могу. Буду навещать раз в неделю.

И то хлеб.

Она исчезла, не попрощавшись.

Проснувшись, я долго смотрела в темноту. Если верить тому, что пишут — мир теней — отражение нашего, и след любой души там тоже есть… или сама душа, когда человек спит. Тайрон — не человек! И если у эльфов другое посмертие, значит, в нашем мире теней, отражении человеческого, его нет. Отлично. От того, что Риа знает обо мне все становилось удивительно мерзко. Так что пусть будет хоть что-то, что окажется ей неведомо. Может, и пригодится козырь в рукаве. Читать мои мысли советница может только во сне, значит, и отследить, чем я занимаюсь днем, тоже не сможет. Тогда, самое главное — во сне не думать о чем попало. И помнить, что лучший способ соврать — сказать правду. Ту ее часть, которая не имеет никакого отношения к тому, что действительно важно.

Я перевернулась на другой бок, довольно улыбнулась — посмотрим еще, кто кого — и снова заснула — теперь уже до утра.

Утром меня никто не будил. Слезть с кровати удалось только со второй попытки. Болело все — даже те мышцы, о которых и не подозревала. Наверное, так себя ощущали заржавевшие големы из сказок. Моя одежда, аккуратно сложенная, лежала на сундуке в углу. Поверх белел лист пергамента. «Бадья с теплой водой в соседней комнате» — прочитала я — «Буду ждать в трапезной».

Я осторожно выглянула за дверь — никого. Сгребла одежду в охапку и шмыгнула мыться. После горячей воды стало легче. Мышцы по-прежнему ныли нещадно, но по крайней мере можно было двигаться не как умирающая от старости черепаха. Я

оделась, расчесала волосы. Остановилась перед зеркалом на стене. Долго вглядывалась в полированную бронзу. Странно, мне казалось, что отражение должно бы стать старше на десяток лет. А на самом деле ничего не изменилось. Те же русые волосы с золотистым отливом — врут все про поседевших за ночь, оно и к лучшему. Те же серые глаза. Та же курносая мордашка шестнадцатилетней девчонки. Я вздохнула и пошла завтракать.

Спускаться по лестнице пришлось очень осторожно. Не легче оказалось пристроить протестующие мощи на лавке. Тайрон откровенно разглядывал меня, и во взгляде прыгали смешинки. Ну да, весело, должно быть. Он и вчера-то не казался уставшим.

— Как себя чувствуешь?

— Издеваешься. — Это был не вопрос, а утверждение.

— Чуть-чуть. — Он широко улыбнулся, придвигая тарелку с хорошим ломтем жареного мяса.

— Как старая развалина. — Наверное, надо было соврать, что все прекрасно. Хотя все равно не поверит — не совсем же он идиот.

День прошел в занятиях, но вечером делать оказалось совершенно нечего. После вчерашнего, Тайрон убавил нагрузку, и хотя устала я как собака, падать и умирать прямо на месте, как вчера, не хотелось.

Тайрон удобно устроившись прямо на ковре, бездумно глядел на языки пламени, пляшущие в камине. Я слонялась от стены к стене. Измерив шагами комнату в четвертый раз, остановилась:

— В доме есть книги?

— Есть. — Он поднялся одним движением, кажется, даже не опираясь рукой о пол. — Пойдем, покажу.

Я шагнула за дверь и едва не завизжала от восторга. Стены большой залы от пола до потолка были заставлены книгами. Я медленно пошла вдоль стены, разглядывая корешки, читая названия. «Начертания стран и земель» — будет время, посмотрю, пригодится. «Яды растительные и минеральные» — интересно, кого это он травить задумал? Но прочитать надо будет внимательно. Особенно разделы о признаках отравления и противоядиях. «Сравнительные аспекты школ боевой магии: дицийская против латрийской» Так, похоже, я отсюда долго не вылезу. Снова география. Магия. Незнакомые руны. Еще незнакомые руны. Стоп… а вот эту книгу я знаю. Я осторожно сняла с полки увесистый том. Нет, переплет был другим. Простая кожа, бронзовые уголки. Та, что стояла у нас дома, была украшена не в пример богаче. И какая разница, что ни дома, ни здесь я не могла прочесть даже названия. Книга о магии исцеления передавалась от матери к дочери как драгоценность.

Даром, что первоначальный текст прочитать не мог никто — но к каждой странице был приложен текст с подстрочным переводом. По крайней мере, так гласила семейная легенда. Не знаю насколько точен был перевод, но заклинания там были совершенно бесподобные. Все — точнее, все, что мне давались — предельно эффективные, в построении же напоминая изящное кружево. Правда, освоить я смогла чуть больше половины — остальные не давались, хоть ты тресни.

Здесь перевода не было. Но причудливые извивы рун складывались в такой же узор… Я бережно перелистывала страницы. Книга была как память о доме, пусть у этой другой хозяин.

— Все равно не поймешь, что там написано.

— Дома был перевод. Или то, что мы принимали за таковой.

— Позволь не поверить. Эта книга в единственном экземпляре.

— Может быть. — Я не стала спорить. Просто припомнила первую страницу. Вот, заодно, и проверим, насколько хорош перевод.

— «Родник исцеления» Писано… так и не научилась выговаривать это имя… Воистину, драгоценна доблесть воинов, что защищают наш дом. Но, отдавая им дань благодарности, в этом труде мы поведем речь о том источнике, в котором нуждаются и воины, и философы. Мы будем говорить об искусстве целителя… Ты целитель?

Тайрон выхватил у меня из рук книгу.

— Кто ты такая?

Я озадаченно уставилась на него. Он шагнул ближе, взял за плечи, глядя сверху вниз — присутствие было ощутимо грозным.

— Это наша книга. Я собирал все, до чего мог добраться, пока их не пожгли за ненадобностью. Эта — последняя копия. Откуда ты знаешь, о чем она?

Я потеряла дар речи:

— Ты хочешь сказать, что это — эльфийская магия??? Быть не может. Я читала, что люди не могут повторить эльфийских заклятий. А кое-что из этого сделать я могу.

— Вот я и спрашиваю — кто ты такая?

— Я все рассказала.

— Все рассказала. — Повторил он. — Деревенская девочка. Как так вышло, что тебя научили колдовать и махать мечом, но так и не удосужились объяснить главное — как работать головой? «Просто деревенская девочка». Много ты видела деревенских девочек, знающих грамоту?

Пришлось признать:

— Ни одной.

— Деревенская девочка, которая говорит почти абсолютно правильным языком, а не на диком крестьянском жаргоне. Хорошо, дети магов — всегда дети магов, они будут грамотны хоть в столице, хоть в лесной глуши, если родители хоть чего-то стоят. Но… Видит тень сознания. Знает, что написано в «роднике исцеления». Хороша «просто деревенская девочка».

— Тайрон, пожалуйста! Я знаю только лишь, что такая же книга у нас передавалась от матери к старшей дочери. Не знаю, сколько времени. Последние пятьсот лет точно, как раз со времен войны магов. Конечно, если семейные легенды правдивы хотя бы наполовину. Может, дольше.

Он что-то сказал.

— Что?

Он повторил. Потом добавил что-то еще, пристально вглядываясь в мое лицо. Язык был странным — очень мелодичным и одновременно звенящим.

— Тайрон, я не понимаю.

— И лжи не чувствую, — он, наконец, соизволил изъясняться по-человечески. Интересно, с кем все-таки я связался?

— Могу уйти, — обиделась я.

— Не стоит. Люблю загадки.

Только этого не хватало для полного счастья. Я демонстративно повернулась к полкам. Взяла книгу о боевых заклинаниях.

— Чернила и пергамент на столе. Если захочешь что-то записать.

Я кивнула.

Он усмехнулся и закрыл за собой дверь.

Время сливалось в бесконечную учебу. Днем — бой. Доставалось изрядно: меч, кинжал, бой без оружия… Надо отдать ему должное — эльф был терпелив и осторожен — хотя синяков на мне хватало. Деревянным мечом трудно убить — но дать почувствовать, что может быть хуже — запросто. Так, чтобы тело само начало уходить от ударов. Пара часов в кольчуге — чтобы тело привыкло к нагрузке. Впрочем, и без нее мало не казалось — несколько часов в день размахивать мечом, прыгать, уходить от ударов, падать, подниматься, снова падать… Через неделю новые штаны висели на мне, будто на огородном чучеле.

А вечера я отдавала библиотеке. Чем занимался в это время Тайрон — даже не представляю. Не до него. Нужно было освежить в памяти разделы, касающиеся лечения ран — не так уж часто доводилось с этим сталкиваться. Подучить боевые заклинания —

большей частью они были омерзительны. Разобраться в картах — как на грех, географию я всегда игнорировала, пришлось учить заново. Мало ли, где окажется вторая половина посоха. Так что пришлось запоминать города, и как проложены между ними дороги, где путь пересекают реки и мосты… Хорошо, что никогда не приходилось жаловаться на память. А еще лучше было то, что выматывалась я за день так, что засыпала, едва донеся голову до подушки. Хотя кошмары и не отступали — но по крайней мере уснуть удавалось сразу, не глядя часами в потолок, тоскливо перебирая перед глазами лица родных.

Посох Хаоса… еще в первый день в городе, добравшись до библиотеки я попыталась разузнать о нем побольше. И почти ничего не нашла. Конечно, в приграничье вряд ли найдется хорошее собрание книг — последняя война отбушевала тут тридцать лет назад, что не успели вывезти — то сгорело, а собрать библиотеку заново не так просто. Но все же, знать бы хоть что-то кроме краткого упоминания о том, что создал Посох Хаоса живший пять веков назад Калсин из Догара, тогдашней столицы. Если верить тому, что было написано, тот маг, помимо всего, баловался некромантией… но именно он потребовал объявить некромантов вне закона, из-за чего началась первая и единственная в истории гражданская война магов. В которой Калсин и погиб. А некромантия с той поры так и осталась вне закона, даже книги все пожгли.

Жизнеописаний Калсина в здешней библиотеке было — хоть завались. А вот про посох промелькнуло только в одной — мол, создал он нечто позволяющее открывать границы между мирами, но убоялся зла неведомого из-за грани, и хоть уничтожить тот артефакт рука не поднялась, разделил надвое и части затерялись. Чего ж такого он испугался, интересно? И как эти части соединять обратно?

Книги я выбирала сама. Тайрон не помогал — но и доступ к ним не ограничивал. Иногда заходил в библиотеку, устраивался читать в кресле у окна. Пару раз, спросив разрешения, заглядывал в мои записи, но от замечаний воздержался. А чаще я была предоставлена самой себе. Пока, недели через три, увлекшись, не уснула прямо за столом, уронив голову на страницы.

Проснулась я оттого, что солидный том выдернули из-под щеки, и голова стукнулась о столешницу. Рядом стоял Тайрон.

— Доброе утро.

— Доброе… — я с трудом распрямилась: за ночь тело затекло.

— Стоит один раз оставить без присмотра… — он покачал головой.

— А что, собственно, случилось?

— Собственно — ничего. Если не считать того, что ты не отдохнула.

— Велика важность!

Он приподнял бровь:

— Думаешь? Через четверть часа жду тебя в зале.

Четверти часа едва хватило на то, чтобы кое-как привести себя в порядок. Спать хотелось безумно. Отчаянно зевая, я взялась за деревянный клинок.

Тайрон атаковал без предупреждения. Тяжелая деревяшка весьма чувствительно огрела меня по ключице.

— Труп, — констатировал эльф. — Дочитанная книга стоит твоей жизни?

— Дело не в книге!

— Правда?

На этот раз я едва успела отдернуть голову, чуть не получив по макушке.

— Реакция отвратительная. Ползаешь, точно сонная муха.

— Можно подумать, в дороге всегда будет удаваться выспаться!

— Не всегда, — согласился он. — Но если бы сейчас все происходило по-настоящему, ты была бы мертва. Из-за собственной беспечности.

Я закусила губу и атаковала. Коснуться его не удалось как, впрочем, и всегда. Но заставить Тайрона отступить — уже что-то. А он вдруг просто высвободил левую руку и ударил в живот.

Я отлетела к стене, свернулась на полу, тщетно пытаясь вдохнуть. Меч вылетел из рук еще раньше.

— Так нечестно! — первое, что вырвалось, едва темнота перед глазами немного рассеялась.

Эльф не торопясь приблизился. Усмехнулся:

— Тем, кто сжег вашу деревню тоже говорила, что так нечестно? Помогло?

Я разозлилась. И, недолго думая, лягнула его в колено. Мимо. Дернула ногу обратно, по пути зацепив носком его щиколотку и достав таки второй ногой колено. Выбивая опору. Он упал. Я рванулась туда, где на полу лежал мой меч. Подхватила, обернулась, готовая защищаться. Эльф уже снова был на ногах, замер напротив, чуть пригнувшись, настороженный, клинок наготове. Несколько секунд мы мерялись взглядами. Потом он вдруг опустил оружие, улыбнулся. Я не смогла сдержать торжествующей ответной улыбки — достала таки! Ничего, дайте мне пару веков, и посмотрим, кто кого.

— На сегодня хватит, — Тайрон отстегнул ножны. — Иди,

думай, что взять в дорогу. Завтра с утра выходим.

— Как завтра?

— Теперь тебя можно выпустить из дома и не бояться, что порежешься своим же мечом. К чему тянуть дальше?

Через час я постучалась в комнату Тайрона, держа в руках исписанный лист пергамента.

— Я бы хотела кое-что купить…

— Сколько денег тебе нужно?

Интересно, он даже не спросит, для чего? Может, я собираюсь уволочь с собой все содержимое ближайшей ювелирной лавки. Я протянула ему лист:

— Не знаю здешних цен. Как думаешь, сколько это может стоить?

По большому счету, будь я дома, список был бы короче раза в три. Большинство нужных мне трав держит в доме любой уважающий себя целитель, постоянно обновляя запас. Беда только, что времени не было — ни на сбор, ни на приготовление. Так что остается только покупать. Нужны бинты — магия-магией, но иногда сил не остается ни на что, кроме обычной перевязки. Нужен хороший нож. Нужны обеззараживающие фиолетовые кристаллы. Нужно… да много чего нужно.

— Уверена, что этого достаточно? Если считаешь, что может пригодиться что-то еще — думай сейчас, в дороге может получиться и так, что взять будет негде.

Я кивнула:

— Знаю. С другой стороны, переть-то это мне — у тебя и без того вещей будет… Плюс доспех, плюс оружие. Еда. Еще куча всяких нужных мелочей. Нет, вообще-то я могу и на целый обоз развернуться — планируешь обоз?

— Нет, — рассмеялся Тайрон. — Сейчас принесу деньги. Или может, просто сходить с тобой в город? — спросил он. — Чтобы не искать полдня нужные лавки?

Искать лавку — не самое страшное. Беда в том, что я боюсь ходить по городу одна. Боюсь людей… Я здесь почти месяц и ни разу не высовывала носа дальше сада за забором. Страшно.

— Если ты не собирался заняться чем-нибудь важным.

— Пойдем. Уложить вещи я могу за пару часов.

Чтобы добраться до лавок зелейного ряда нужно было пройти через рыночную площадь. И чем ближе к ней мы подходили, тем хуже становилось. Слишком много людей — даже присутствие Тайрона не спасало до конца. Хотелось сжаться, стать маленькой и незаметной. Я изо всех сил старалась не подавать вида… плохо старалась, наверное, потому что Тайрон, шедший чуть впереди и

справа, оглянулся, пристально посмотрел на меня и молча взял за руку. Я подняла глаза и неуверенно улыбнулась. Вцепилась в эту сильную ладонь. Так мы и шли через торговые ряды.

Похоже, лавка была не из дешевых. Резная дверь, колокольчик над которой негромко прозвенел, когда она открылась. На стенах — кованые светцы тонкой работы. Сейчас они не горели — через затянутые тонкими слюдяными пластинами окна попадало достаточно света. До белизны выскобленный пол. И запах — невероятный, кружащий голову запах экзотических масел и пряностей. Я долго придирчиво перебирала вязанки трав, рассматривая, правильно ли они засушены, обнюхивая и едва ли не пробуя на зуб. Зато хозяин, после пары вопросов распознавший «понимающего» покупателя буквально расцвел, и еще с полчаса мы обсуждали различия в действии декоктов и настоев, как правильно отогнать маслянистые составляющие, которые невозможно извлечь водными вытяжками, и прочие вещи, нагоняющие тоску на нормальных людей. Наконец, расплатившись — хозяин лавки проводил нас до самых дверей, приглашая заходить еще — мы вышли.

После уютного ароматного полумрака зелейной, площадь буквально обрушилась со всех сторон — солнце, люди, шум… Пришлось сделать усилие для того, чтобы не шмыгнуть обратно в лавку. Тайрон вопросительно посмотрел на меня — я покачала головой. Справлюсь. Должна справиться — не могу же я теперь всю жизнь цепляться за него, как ребенок за подол мамкиной юбки.

— Обратно пройдем через храмовую площадь, — сказал эльф. — Так будет дольше — но народу поменьше.

Я благодарно кивнула. От рыночной храмовую площадь отделяла недлинная улица — дома здесь стояли вплотную, едва ли не громоздясь друг на друга. Тем невероятней казался простор. На самом деле, она едва ли была больше рыночной — но по сравнению с толчеей торговых рядов храмовая казалась пустой. Лишь кое-где по краям площади, там, где собственно, и стояли храмы, появлялись нечастые прохожие. И рядом с людьми величественные постройки казались еще более невероятными. Как водится, здесь были алтари трех самых почитаемых богов. Игне — покровитель воинов и боевых магов, тех, кто всегда готов защитить свой дом. Лазар, потворствующий целителям. Люта, хранящая покой домашнего очага — к ней приходят добронравные жены и матери.

Я замедлила шаг, проходя мимо храма Лазара. Тайрон тут же обернулся — глаза у него на затылке, что ли?

— Хочешь зайти?

— Да… — я шагнула было к двери и остановилась. — Нет. — Опустила голову, тихо повторив:

— Нет.

Я не могла туда войти. Теперь — только в самом крайнем случае. Только спасая чью-то жизнь — и никак иначе.

Тайрон молча ждал. Я снова оглядела площадь:

— Ты воин… можешь зайти к Игне? Мою молитву он не примет. — И вход в его храм мне тоже заказан. Слишком уж разные наши боги.

— Мою тоже. Но я могу поговорить со жрецом… объяснить. Что ты хочешь попросить?

— Доброго посмертия… Ирвилл, Эгилл, Эльрик, Артур.

Эльф кивнул. Я осталась ждать.

Когда-то Арт поделился секретом — чтобы не зареветь, когда очень хочется, надо задрать голову и посмотреть в небо. Это даже помогало — иногда. Стыдно реветь из-за разбитой коленки. Или из-за соседского мальчишки, забросившего любимую куклу в дупло, где живут осы. Это помогало… я уставилась в небо, смаргивая слезы. Коленку в две минуты залечила мама. Гил с Риком выкурили ос, едва не спалив дерево, но кукла осталась почти невредимой, только платье пришлось отстирывать от сажи. А потом Арт расквасил нос тому мальчишке.

Я торопливо смахнула слезы — незачем плакать на глазах у любопытных прохожих. Да и толку-то в тех слезах — разве они могут хоть что-то вернуть? Ничего не осталось. В храм Лазара не войти, Игне никогда не принимал таких как я, а Люта… женой и матерью мне уже не быть.

Тайрон вышел из ворот храма.

— Жрец понял, в чем дело. Он попросит.

— Спасибо, — прошептала я. — Пойдем.

6

— Государь, мне не нравится твое решение.

Король откинулся в кресле, покрутил в руках только что допитый кубок.

— Сядь, Ритан. И говори.

Советник послушно опустился напротив.

— Сейчас мы знаем, где эта девка. Как только она покинет город — мы ее потеряем. Единственный вариант — разослать описания по всей стране — ибо кто знает, куда ее понесет — но ты не хуже меня знаешь, насколько легко проворонить нужного человека, когда есть только словесное описание. Я считаю, что ее надо взять на воротах и допросить. Ну, или если окажется, что в ближайшее время она никуда не собирается — прочесать город, рынки… в общем, способы давно известны. А дальше действовать исходя из полученных сведений.

Тарилл продолжал играть кубком:

— Девушка — марионетка, это очевидно. Если мы возьмем ее сейчас — кукловода потеряем. И что тогда? Еще один заговор на пустом месте?

— Она назвала имена. Заговор был. Назовет и кукловода.

— Если он ей известен — это раз. А второе — и главное, — король подался вперед, — она не называла имен. Она подтвердила, что отец и двое старших братьев — кстати, все убитые у нее на глазах — умышляли против власти.

— В чем разница?

— Разница в том, что нельзя назвать имена, которых не знаешь. Но можно сказать «да», чтобы на миг избавиться от боли. Плоть слаба.

— Оговорить невиновных? — нахмурился Ритан.

— Ты же не глуп, — усмехнулся король. — Не говори, будто для тебя внове подобные вещи.

— Я считаю, — медленно проговорил советник, — что невиновному боги дадут достаточно сил, чтобы выдержать допрос с пристрастием и стоять на своем. Поэтому признание — подтверждение вины.

— Вот как… Такая твердость в убеждениях похвальна… А не хочешь ли проверить на себе?

— Государь…

— Ладно, хватит об этом, — король дернул щекой. — Опросным листам я не верю. В том, что заговор существует — почти не сомневаюсь, но что за ним стоял Ирвилл — чушь.

— Его прочили в боевые маги государя. Он мог и вспомнить об

этом.

Король от души расхохотался:

— Через столько лет? Когда-то, вместо того чтобы держать удар, он предпочел просто исчезнуть. Что могло случиться такого, что человек, полжизни проведший в глуши, вдруг решил рваться к власти? Особенно человек, всегда от души презиравший те игры, которым мы тут так увлеченно предаемся.

— Государь, прошло двадцать с лишним лет. Люди меняются.

— Возможно. В любом случае — мне нужен тот, кто дергает за веревочки. Пусть девушка дойдет до конца — и тогда все станет ясно.

— А если будет поздно?

Тарилл пожал плечами:

— Значит, я где-то просчитался. А за ошибки надо платить.

Уходили мы утром. Пока Тайрон обходил дом, проверяя, закрыты ли все ставни и двери и добавляя к замкам заклинания, я мысленно перебрала содержимое мешка. Не так уж много в нем было вещей, да и те… почему-то никак не получалось думать о купленном Тайроном как о «своем». Моим там был только гребень да маленькое зеркальце. И конспекты. То платье, что было куплено в первый день в городе, я решила не брать. В дороге штаны удобнее. Хоть и считается, что порядочная женщина такое не наденет. Плевать. Порядочные женщины не душат спящих и не учат боевые заклятья.

Тайрон шагнул на порог, держа в руках связку листов пергамента:

— Возьми. Перевел для тебя.

Я посмотрела на страницу, покрытую аккуратными разборчивыми буквами. «Родник исцеления». Написано в пять тысяч шестьсот тридцать девятом году от первой звезды…

— Спасибо. Нет слов… — Это было как память о доме. С внезапной тоской вспомнилась наша библиотека. До сих пор я оплакивала людей, но при мысли о нескольких десятках томов, погибших в огне, сжалось сердце. Подумала вслух:

— Смешно. Погибли люди, а я готова плакать о книгах.

Эльф понял, о чем я:

— Все правильно. Люди смертны. Книги не должны погибать.

— Да. Люди смертны.

Я в последний раз погладила пергамент, аккуратно завернула его в провощенную кожу, сложила в мешок. Тайрон подхватил свой:

— Готова? Пойдем.

Город уже проснулся, по улицам спешили занятые своими

делами прохожие. Годовалый бутуз, смешно переваливаясь, подкатился мне под ноги. Рубашонку мальчишки покрывала искусная вышивка, те узоры, что мать вышивает для сына. Рубахи дочерям расшивают по иному.

Мать подхватила малыша, извинилась. Я проводила ее взглядом.

— У тебя еще будут дети, — негромко сказал Тайрон.

Я угрюмо усмехнулась. Даже если и будут — мне уже никогда не расшить рубашек ни детям, ни мужу. Только руки женщины, что дарует жизнь, а не отнимает ее, могут вышивать обереги на одежде близких. Руки, не обагренные человеческой кровью.

Говорить не хотелось. Уже выходя за ворота, подумала — славная подобралась компания. Эльф, едва не свихнувшийся от тоски и одиночества. И девица, до сих пор не решившая, на каком она свете. Чудно.

Почти сразу за городом начинался лес. Там, где я выросла, леса были совсем другими — светлыми, солнечными, звенящими. Сейчас вокруг плотной стеной стояли ели. Тяжелые лапы висели по краям узкой дороги, закрывали солнце. Лишь кое-где, у самой дороги светлым пятном мелькали березы. Темно и сыро.

Правда, очень скоро мне стало не до елок. Нет, Тайрон-то как раз не торопился. Шагал себе легко и спокойно и дорога словно сама ложилась ему под ноги. Насвистывал какие-то мотивчики, смотрел на облака. Горожанин на прогулке, да и только. Еще бы цветочки начал собирать. Если бы не быстрые взгляды в мою сторону, можно было бы счесть, что Тай вообще забыл о моем существовании. Вот только скорость, взятая им, была чуть-чуть больше той, что была удобна для меня. Там, где он шел словно по бальному залу, я находила какие-то колдобины, под ноги подворачивались камни. Так что вскоре я перестала глазеть по сторонам. Только внимательно смотрела под ноги. А в голове осталась лишь одна мысль — не дождется. Пусть глупо, но просить пощады я не собиралась. Тайрон несколько раз пытался завязать разговор, я сердито отмалчивалась. Во-первых, стоило поберечь дыхание. А во-вторых — и в главных — просто боялась, что выскажу этому… типу, все, что думаю. А ссориться не хотелось.

На ночлег мы остановились поздно. Когда был сварен и съеден немудреный походный ужин, стало почти темно. Тайрон, не мудрствуя лукаво, просто расстелил плащ на землю. Его дело, конечно, но я не собиралась демонстрировать чудеса аскезы. Тем более, что нарубить лапника — пара минут.

— Защиту поставишь сам?

Он покачал головой:

— Сегодня ее поставишь ты. И посмотрим, доживем ли до утра.

— Готов рискнуть? — фыркнула я.

Он не ответил — просто выжидающе смотрел. Я сосредоточилась. Охранные заклятья не боевые, обычно получались неплохо, и на этот раз не должны подвести. Особенно, если не обращать внимания на любопытный взгляд Тайрона.

Сперва простой круг, доступный даже детишкам. Сил в нем немного, но предупредить — предупредит, и загодя. Земля — она помнит обо всех своих детях. И о порождениях мрака, что ходят вокруг. Она может оградить — так что зло просто пройдет мимо, не заметив. Вплести огонь, дающий жизнь и тепло — но всегда готовый испепелить, неважно, создание из плоти и крови, или бестелесное.

— Пожалуй, хватит, — подал голос Тайрон. — Кто учил тебя колдовать? Только родители?

— Да.

— Интересно… — протянул он. — Явное влияние столичной школы. Но построены совершенно не по правилам. Я бы сказал — полный хаос… но это сработает.

В памяти всплыл голос матери: «Правила нужны. Особенно, пока учишься. Но тебе уже пора составлять свои. Когда ты рисуешь узоры для вышивки, думаешь ли о законах симметрии и гармонии цвета?»

— Перестань придумывать загадки, Тай. Я устала и хочу спать. Нету в моих заклинаниях ничего странного.

— Тебе откуда знать? — усмехнулся он. — Сравнивать не с чем, так?

— Так, — признала я. Всех, кого я знала — дальнюю родню по матери, тоже целителей. Было ли их колдовство необычным — не знаю. Ну, еще пару раз наблюдала, как пускают фейерверки на ярмарках. Тоже не бог весть что. Мы собирались перебираться в столицу — ближе к осени, когда в тамошней академии начнется учебный год. Чтобы попасть в академию нужно было быть не моложе семнадцати и не старше двадцати пяти лет. Родители хотели просто вернуться в столицу всей семьей, тем более, что где-то там был дом, принадлежавший роду отца, и загнать нас учиться.

Тайрон подбросил дров в костер. Всполохи пламени осветили лицо, руки с узкими запястьями, длинными пальцами. Руки ученого, не воина. Но я видела, как они играючи управлялись с тяжеленным двуручным мечом — просто так, размяться. Кем он был в своем мире? И что осталось от эльфа после веков и веков,

проведенных среди людей? Хотя… какая мне разница, на самом-то деле?

— Почему ты не нашла жениха? — он решил сменить тему.

— Не все ли равно?

— Сама говорила, что в твоем возрасте большинство девушек замужем. Ты красива, не глупа, судя по всему не бесприданница… до недавних пор. Так почему?

Темнота по ту сторону пламени делала собеседника неосязаемым. Я грустно усмехнулась:

— Тай, я же колдунья. Ведьма. Кто в здравом уме возьмет такую в жены? Даже если и найдется безумец, родственники быстро объяснят, что к чему. С ведьмой можно встречаться. Можно даже… — я осеклась, махнула рукой. — Но жениться нужно на девушке своего круга. Сильной и работящей, не то что эти белоручки-магички. С крепким телом и широкими бедрами. — Как же спокойно я об этом говорю. А ведь совсем недавно был жив парень, что так и не рискнул пойти наперекор родителям, живо объяснившим, что с ведьмой можно делить постель, но нельзя жить. Мы разругались вдрызг, а еще через неделю сожгли деревню. Надо же, вспомнила о нем только сейчас. Вот тебе и любовь…

— Таким как я остается искать жениха на стороне. Или, выйдя из брачного возраста, наплевать на условности и просто родить ребенка. Ведьмам прощают и не такое. — Я завернулась в одеяло. — Хватит об этом. Теперь уже все равно. Давай спать, что ли.

Я знала, что Риа появится. Не могла не появиться. В это раз она не стала даже тратить время на приветствия.

— Почему ты вышла одна?

— О, ты и это видишь? — в этот раз я решила не сидеть на полу. Но и создавать себе изящное кресло не стала. Пусть будет лавка. Обычная деревянная лавка, стоящая вплотную к бревенчатой стене. Риа всем своим видом демонстрирует, что она птица высокого полета. Ну так я буду деревенщиной. Простой деревенской девкой, наглой и необразованной.

Может быть, все сложилось бы по другому. Ведь поначалу я действительно была ей благодарна. Если бы она дала мне время подумать, понять, что ничего уже не вернуть. Может быть, я пошла бы за этой вещью хаоса просто из признательности. Но сейчас… Терпеть не могу, когда на меня начинают давить. Тем более, когда просто ставят перед фактом: «ты должна». Сдохни, но сделай.

— Кстати, до конца недели еще два дня.

— Неважно. Я же сказала: найми телохранителя. Денег не

хватило?

— Дело не в деньгах.

Я уже знала, как буду оправдываться. Примет ли Риа в расчет мои объяснения или нет — неважно. Важно то, что все будет чистой правдой, и, одновременно не придется рассказывать о том, что спутник у меня уже есть. Если я не могу избавиться от ночных кошмаров и перестать бояться людей, так пусть это хотя бы станет моим оправданием.

— Если не в деньгах, то в чем? — она таки сотворила себе кресло с изящными резными ножками. Уселась, испытующе глядя на меня.

— Я… не смогла. Испугалась.

Бояться — не стыдно. Признать свой страх — тем более. А если советница считает иначе — ее дело.

— Чего?

— Людей. После того, как… Я боюсь людей. Остаться вдвоем с незнакомым мужчиной не смогу. Никак.

— Чушь! — фыркнула Риа. — Ни один профессионал даже не подумает…

— Я понимаю это. Умом — понимаю. Но…

— Ну так почему тогда…

— Да потому! — все-таки сорвалась на крик. Ладно, сейчас не до того, чтобы удержать лицо. Тем более, что все равно не смогу. Потому что воспоминания всплыли сами. Всплыли? Ворвались в разум, сметая последние остатки реальности, вышвыривая обратно в то место и время, где… Холод… ледяной камень вокруг. Чужие руки, бесцеремонно шарящие по телу. Не трогайте меня! Чей-то смех…

Когда вернулось то подобие реальности, что было во сне, оказалось, что я сижу на коленях, свернувшись в комок, обхватив голову руками, судорожно хватая ртом воздух. Все. Это все кончилось. Это все в прошлом. Забыть… не думать, забыть…

Я, наконец, смогла дышать. Медленно выпрямилась.

Риа пристально смотрела на меня и на лице… сочувствие? Вот уж не ожидала.

— Прости. Я думала — это просто блажь.

— Я… — голос сорвался, пришлось замолчать. — Нет. Не блажь.

— Хорошо. — Риа снова стала бесстрастна. — Но одна ты не справишься.

— Придется. — Я поднялась на ноги. — И давай больше не будем об этом. Ты спасла мне жизнь. Я принесу тебе посох. И будем квиты. Как я до него доберусь — мои проблемы.

Она усмехнулась:

— Если ты умрешь, мне придется искать кого-то другого. Так что это и мои проблемы. Но телохранитель, действительно отпадает. Я подумаю.

Тратить время на то, чтобы попрощаться, она тоже не стала.

Неделя прошла спокойно. Через пару дней удалось приноровиться к дороге. Камни и выбоины перестали лезть под ноги, и оказалось, что Тайрон идет хоть и достаточно быстро, но не настолько, чтобы приходилось лететь за ним сломя голову, проклиная все на свете.

Первое время дорога была нахоженной. Несколько раз мы обгоняли неспешно двигающиеся караваны. При виде чужаков охранники хватались было за оружие — но поняв, что нас только двое, успокаивались. Мы раскланивались с возницами, перекидывались парой слов и расставались — без приязни, но и без обид.

Не обошлось и без лихих людей.

День клонился к вечеру и мы собирались уже искать место для ночлега, когда из кустов шагнули четверо мужчин.

— Опа, а вот и компания, — ухмыльнулся один.

Я посмотрела на Тайрона. Тот и бровью не повел. Шел вперед, как ни в чем не бывало.

— Поделился бы деньгами, парень, — продолжал меж тем незнакомец. — Да и девчонкой заодно.

Еще один обнажил меч.

Я застыла. Внутри что-то противно сжалось, сердце заколотилось часто-часто. Тайрон, продолжал идти вперед. Еще несколько шагов — плавных, текучих.

— Прячься!

Я дернулась было в сторону — и снова замерла. Стрела вылетела откуда-то сбоку, с глухим стуком вонзилась в землю у ног. Я взвизгнула. Тайрон покрыл оставшееся до разбойников расстояние одним прыжком, когда-то успев сбросить наземь дорожный мешок. Там, где он только что был, трепетало оперение еще двух стрел. Сверкнули клинки. Я вздрогнула, приходя в себя. Подумала о ножах на поясе — но прицелиться было невозможно. Невозможно было выделить кого-то одного среди этого страшного танца под звон стали. Взгляд метнулся на все еще дрожащие древки стрел. Лучники где-то в кустах на обочине. Кажется, по одному с каждой стороны. Впрочем, неважно, магия на то и магия, чтобы убивать наверняка, неважно, одного или нескольких. Главное, правильно выбрать заклинание. На изящные построения не было времени. Я отшвырнула котомку, резко развернулась — поток пламени слетел с ладони. Грубо, но действенно. Огонь бесшумно пролился на заросли, с ревом

заплясал на зелени, пожирая ее словно сухостой. Раздался вой — страшный, нечеловеческий. Прямо на меня летел живой факел. Я отшатнулась в сторону, задыхаясь чужой болью. И тут же удар в лопатку швырнул вперед, уронил на четвереньки. Я ошарашенно уставилась на изрядную часть стрелы, торчащую из груди. По древку на землю текла кровь. Моя кровь. Попробовала пошевелиться — и боль догнала разум, заставив закричать. За спиной затрещали ветки. Сейчас он выйдет, и… а я даже не могла обернуться чтобы увидеть свою смерть. Только слышать, как бухают его сапоги. Тень коснулась лица. Я сжалась в ожидании последней боли. Вот, сейчас…

Тело упало рядом. Я с трудом повернула голову. Глаза застила пелена. Разбойник лежал ничком. Под затылком торчала рукоять кинжала.

— Жива? — раздался встревоженный голос Тайрона.

Я хотела ответить, но вдохнуть не получилось. Закашлялась, сплюнула кровь. Если не шевелиться, то терпеть можно. Еще бы не дышать…

Эльф присел рядом. Затрещало ломающееся древко. Дернул вниз окровавленный остаток стрелы. Я взвыла. Снова навалился кашель. Кровь текла по подбородку.

Тайрон помог перевернуться на спину. Разорвал рубашку. Я скосила глаза, разглядывая рану. Судя по ее расположению, не так все страшно, легкое пробито. Может, ребро сломано. Лопатка — точно. Считай, дешево отделалась. Пройди стрела на ладонь левее — и все. Стало смешно — вот уж воистину, лекаря ничем не исправишь, даже сейчас прикидывать, что задето и как лечить…

— Если… Сними боль, — кровь шла горлом, мешала говорить. — Дальше… сама.

— Не выдумывай. С такой раной я справлюсь. — Тайрон покачал головой. — Телохранителем я оказался никудышным, прости.

Я не ответила — мир плыл перед глазами. Вроде не должна потерять много крови. Шок?

Тайрон положил ладонь на рану:

— Потерпи, пожалуйста. Будет больно.

А то я не знаю. Тело ненавидит, когда его начинают подхлестывать магией. А способ ответить у него всегда один — боль.

Тепло руки превратилось в жар. Пронизывающий насквозь, нестерпимый. Словно жидкий огонь пролился на рану, растекся с кровью по телу, рванулся изо рта криком.

— Все.

Я села. Голова уже не кружилась. Посмотрела вниз, на

небольшой розовый шрам. Ничего страшного, уберу позже.

Сбоку послышался шорох. Я обернулась. Тайрон вскочил, настороженный, в руке словно возникший из ниоткуда нож.

Один из разбойников был еще жив, сучил ногами, пытался уползти. Какая-то часть сознания вяло подумала, что его еще можно спасти, если заняться прямо сейчас. Тайрон наклонился над ним, блеснул нож. Разбойник захрипел и затих. Эльф выпрямился, вытирая лезвие обрывком чужой одежды.

— Его можно было вылечить, — сказала я. Голос дрожал.

— Зачем? — абсолютно спокойно поинтересовался он.

Я снова оглядела побоище. Четверо. Еще один — рядом со мной. Тот, кого я сожгла заживо уже не шевелился, но огонь еще горел — он будет гореть, пока тело не рассыплется пеплом. В нос ударил резкий запах паленого. Снова закружилась голова.

Тайрон оказался рядом в мгновение ока, обнял, не давая снова растянуться на земле. Я прижалась к нему, спрятала лицо на груди.

— Все кончилось — тихо сказал Тай, гладя меня по волосам. — Все в порядке. Ты молодец.

Перед глазами снова промелькнуло — бьющийся на земле факел. Рука Тайрона с ножом. Те же руки, которые сейчас гладили по голове, утешая… Я едва не отшатнулась. Не хватило сил — слишком кружилась голова. Вцепилась в его рубашку. От одежды пахло травами. Этот запах успокаивал и в то же время странно волновал. До сознания вдруг дошло, что выше талии на мне ничего нет. Я шарахнулась, подтянула коленки к груди, залилась краской.

— Ага. — Ухмыльнулся он. — Раз вспомнила об одежде, значит и в самом деле все в порядке.

Тайрон поднял с земли мой мешок, бросил рядом:

— Одевайся.

— Отвернись, — внезапно охрипнув, попросила я.

Он хмыкнул, но просьбу исполнил. Я торопливо вытряхнула из мешка запасную рубаху, оделась. Встала — ноги держали. Головокружение тоже прошло.

— Пошли? — спросил он.

— Подожди.

Я подошла к последнему. Вынула из тела нож, вытерла об его одежду. Срезала кошелек.

На лице Тайрона промелькнуло отвращение:

— Мой народ называет это мародерством.

— А мой народ говорит — что с боя взято, то свято, — с вызовом отозвалась я. — Хоть будет на что порванную одежду сменить.

Он развернулся:

— Догонишь. Смотреть на это я не собираюсь.

Я забросила туго набитый кошель в мешок. К остальным не прикоснулась.

— Даже враги не заслуживают такого отношения, — сказал Тайрон, когда я нагнала его.

— Враги не заслуживают, — согласилась я. — Эти — не заслуживают называться врагами. Нелюди, считающие, что сила дает право на все.

— Нелюди, — усмехнулся спутник. — Они люди. Можешь сколько угодно называть их «нелюдью», но они — люди. Только от людей никогда не знаешь, чего ждать. То ли величайшей подлости, то ли столь же великого благородства. Самые опасные существа в этом мире. Самые непредсказуемые.

— Я тоже человек, — тихо напомнила я.

— Вижу. А я — нелюдь.

— Прости, — я смутилась.

— Не стоит, — усмехнулся он, и в голосе звенела ярость, — С нелюдью можно не считаться.

Я готова была провалиться сквозь землю. Повторила:

— Прости.

— Можешь не извиняться. В конце концов, мне бы надо униженно благодарить за то, что еще жив. За то, что твои сородичи, смилостивившись, не добили когда-то.

Я шагнула вперед, встала на пути, поймала его взгляд:

— Тайрон, я никогда бы не поставила тебя на одну доску с… этими. И не подумала, что мимолетно брошенное слово может оскорбить. Приношу свои извинения. Ты таков, каков есть, и я горжусь тем, что знаю тебя.

Он долго, пристально смотрел в глаза. Я не отвела взгляд. Увидела, как маска холодного бешенства сменяется лицом.

— Принято, — сказал он наконец. Взъерошил мне волосы. — Пойдем… человечек. Скоро вечер, надо найти место для ночлега.

А потом наезженные места закончились. Перестали встречаться люди. Приграничье само по себе пользовалось дурной славой, но здесь места были и вовсе нехорошие. Поговаривали, во время войны магов здешняя провинция приняла сторону некромантов. Ну, и поплатилась: победители выжгли эти места дотла. Они были очень злы — после того, что некроманты наворотили в Догаре столицу пришлось перенести — никто не хотел жить на страшном месте. Словом, после того, как в «некромантском логове» погуляла армия, здесь тоже пару веков не было никого. Мало-помалу люди снова начали обживаться в этих местах — но они по-прежнему считались небезопасными.

Даже деревня, на которую мы набрели, была огорожена крепким частоколом.

День клонился к вечеру, и Тайрон решил попроситься на ночлег. Согласился кузнец. Все знают, что у кузнецов свои отношения с богами. Тот, кому подвластно железо, не боится нечистых духов, которыми могут оказаться чужаки.

Он жил бобылем уже много лет — с тех пор, как умерла родами жена, оставив дочь. И эта девочка как-то смогла уберечь дом от того запустения, что появляется у жилья, оставшегося без женской руки. Добела выскобленные полы, пестрые покрывала в тон занавесочкам на окнах. И букетик ромашек на столе. Дочери было лет двенадцать. Длинная пушистая коса, толщиной с мою руку, карие глаза в обрамлении длинных ресниц, чистая нежная кожа, какая бывает лишь у детей. Она проворно собирала на стол, я любовалась ею… пока она не повернулась. Другую щеку покрывало уродливое сине-багровое пятно.

Трапеза не блистала роскошью, но было видно, что хозяин подал на стол все, что нашлось в доме.

Утром я сказала:

— Позволь отблагодарить за гостеприимство, почтенный хозяин. Если ты не против, я могла бы вернуть твоей дочери ту красоту, которой она должна обладать по праву.

Девочки не было в доме — она вышла покормить скотину.

Кузнец недоверчиво покачал головой:

— Я не раз говорил с травниками. Никто ничего не может сделать.

— Травники — народ мудрый, — степенно согласилась я, — Но есть вещи, недоступные им. Подвластные только магии.

На ладони затрепетал язычок пламени. Заклинание простенькое, но впечатляющее.

— Я могу излечить твою дочь.

Надо было все приготовить, пока девочка не вернется. Будь она младенцем, все было бы проще. Всего лишь напомнить телу, каким оно должно быть. Сейчас этого было мало — надо еще и заставить девочку поверить в то, что больше нет нужды прятаться от любопытных жалеющих глаз.

Дома я бы устроила целый ритуал. Сперва попросить принести какую-нибудь траву, которую обязательно нужно срывать именно в новолуние. Да не один раз — якобы немудрено ошибиться, разыскивая в темноте нужную травку. Специальный настой готовился бы еще по крайней мере неделю. И само заклинание творилось бы где-нибудь в глухом лесу под покровом ночи. Да так, чтобы человек вздрагивал от каждой тени. Чтобы поверил, что теперь все будет по-другому, не может не быть после

таких-то испытаний.

Сейчас устроить представление не получится. Придется работать с сознанием напрямую, с помощью магии. Право слово, проще не поспать пару ночей, чем заставить человека поверить в то, что он заслуживает чуда.

Девочка шагнула на порог и остановилась в недоумении. Ставни были закрыты, и комната погрузилась во мрак. На столе две чашки источали приторно-сладкий дым. Между ними тускло мерцало зеркало в два локтя в поперечнике. Маленькое зеркальце из моего мешка стало больше раз в десять. Иллюзия. И изображение в нем тоже будет непомерно большим.

— Подойди сюда, Дилия.

Она ойкнула. Ну еще бы, ни один из живущих ныне не откроет свое настоящее имя чужому. Якобы это дает колдуну полную власть над человеком. Всего лишь байки, но девочка испугалась. Вот и славно.

— Подойди сюда.

От волнения она дышала часто и глубоко. Вдоволь нахватается дурманящего дыма. Я заставила ее встать перед зеркалом, сама осталась за спиной.

— Смотри.

Хлопок в ладоши — тоже просто эффектный жест, а не насущная необходимость. Над головой девочки засиял шар света. Из зеркала не нее глядело лицо — многократно увеличенное. Она отшатнулась.

— Смотри! — мой голос был жестким, в нем звучал приказ, и она не посмела ослушаться. А нить заклятья уже тянулась, и в чары, исцеляющие тело вплеталось колдовство, действующее на разум. Голос обволакивал, зачаровывал, заставлял забыть обо всем и подчиняться, и верить… Мешки с мукой таскать легче, честное слово.

Широко раскрыв глаза, Дилия смотрела, как уродливое пятно на щеке уменьшается, как на его месте возникает чистая нежная кожа.

— Смотри внимательно, — на самом деле, слова уже не имели значения. — Смотри и запоминай, как ты красива.

Свет погас. Порыв ветра распахнул дверь, погасил курильницы, вынес на улицу остатки сладкого дыма. Я открыла ставни и дала девочке снова ставшее маленьким зеркало.

— Вот такая ты на самом деле. — Сказала уже обычным тоном.

Она плакала. Кузнец буквально ворвался в открытую дверь, остолбенел, глядя на дочь. И кинулся в ноги. Я выслушала его со спокойным достоинством, как и подобает целителю. Заставила

подняться. Поклонилась на прощание.

— И стоило так надрываться, — спросил Тайрон, едва мы вышли за околицу.

Я хотела отмолчаться, но эльф не унимался:

— Если бы дело было в столице, за гонорар от подобной работы ты смогла бы купить всю эту деревеньку на корню. — Ворчал он. — А для того, чтобы «отблагодарить за гостеприимство» достаточно было благословить семью и скот, чтобы болезни год обходили стороной. Сил бы ушло гораздо меньше. И сейчас у тебя не дрожали бы руки и не кружилась голова. Ради чего?

— Зато она теперь будет чувствовать себя нормальной девушкой, а не убогонькой, от которой каждый брезгливо отводит взгляд.

— Тебе-то что до того?

— Ровным счетом ничего. — Я тряхнула волосами, отгоняя головокружение.

— Тогда зачем?

— Чтобы вспомнить, что умею не только убивать, — тихо сказала я. Достала из мешка кошель — тот самый, снятый с тела — размахнулась и зашвырнула его через частокол.

7

День за днем дорога ложилась под ноги, и порой начинало казаться, что в целом мире не осталось ничего, кроме темного, непролазного леса, полузаросшей дороги и нас двоих. Насколько я помнила карты, дальше впереди жилья не было вплоть до другой стороны горного хребта. Дальше, в предгорьях и самих горах разбойничали орки — сколько не гоняли их, а извести под корень так и не смогли, уж слишком хорошо умели прятаться. Но пока опасаться стоило только нечисти, если она водилась в здешних лесах. Оказалось, что водилась. В этот раз я успела ощутить смутную опасность, когда Тайрон просто отшвырнул меня за спину и прыгнул вперед, выхватывая меч. Навстречу ему летел здоровенный волк. И еще два следом.

Все-таки не зря Тайрон до сих пор заставлял заниматься едва ли не каждый вечер. Один из трех зверей упал с моим ножом в глазнице. От второго Тай увернулся, рубанув мечом с разворота. Но третий, сам молниеносно изменив направление, налетел на эльфа, сбил с ног, вцепился, подбираясь к горлу. Я бросилась было к ним — бесполезно, по земле катался рычащий клубок и непонятно было, кто где. Рука с ножом, оскаленная пасть, перекошенное лицо, слипшаяся от крови шерсть… Волк взвизгнул, захрипел, забился, наконец, затих. Тайрон вытащил нож из горла зверя, медленно столкнул в сторону навалившуюся тушу, сел, тяжело дыша. Он был в крови с ног до головы — сразу и не поймешь, как подступиться. И совершенно каменное выражение лица. Перед кем, спрашивается, героя строит, я же все чувствую, все… Снимающее боль заклинание. Следом — еще одно, остановить кровь. Опустилась рядом:

— Дай, посмотрю.

Он мотнул головой:

— Подождет. Это оборотни. Слишком быстро восстанавливаются.

— Поискать осину?

Только так можно убить оборотня. Или серебром, но серебряного оружия у нас не было.

Эльф снова покачал головой:

— Можешь не успеть. Надо магией.

Он едва заметно поморщился — ну да, болеть уже не болит, но слабость никуда не денется. Закрыл глаза: чтобы сосредоточиться потребовалось видимое усилие. Полился мерный речитатив заклинания. Слов я не понимала, но сама магия… смысл был ясен. Добраться до души этого создания. Приласкать

искалеченную. И отпустить. В то посмертие, что она заслужила. Слова… Я поняла, что могу подобрать и свои. Глубоко вздохнула и начала плести заклятье. Где-то краем глаза почувствовала, как изумленно напрягся Тай. Свое он закончил и был готов вмешаться в любой момент. Потому что если я ошибусь, развоплощение превратиться в разупокоение. Но я справилась. Поняв, что помощь не нужна, эльф разобрался с оставшимся. Вот только лицо его после этого было белее рубахи. Можно обмануть разум, заставив не чувствовать боль. Но тело все равно возьмет свое.

Я помогла Тайрону лечь, осторожно придерживая за здоровое плечо. Спросила, срезая остатки рубахи:

— Ты можешь заразиться этим?

Если бы дело касалось человека, первое что пришлось бы сделать — выгнать заразу. Иначе в следующее полнолуние станет одним оборотнем больше.

Он через силу улыбнулся.

— Нет. Только люди.

Уже хорошо. Гнать обратно уже разошедшуюся по телу дрянь — занятие не из приятных.

Под густо покрывающей тело кровью трудно было что-то разглядеть. Я начала аккуратно промокать ее остатками одежды. Боги, он еще и колдовал в таком виде! Прокушенное предплечье — судя по всему, и кость сломана. Грудь исполосована, висящие лохмотья мышц… Плечо разворочено в суставе, обрывки связок вперемешку с осколками костей. Сломанная ключица, хорошо хоть, артерию, что под ней, не зацепило. Сразу и не поймешь, за что хвататься.

Я с удивлением почувствовала, что к глазам подступают слезы. Странно — раньше мне приходилось видеть такие вещи — диких зверей около нашей деревни водилось достаточно — но никогда… никогда это не выводило из равновесия. Чего, собственно, рыдать, когда работать надо. Так что изменилось сейчас? Я сердито провела по лицу запястьем — ладони уже были в крови — и заставила себя сосредоточиться. Аккуратно срастить кости, собирая их по кусочку. Вправить сустав. Медленно, очень тщательно, по десять раз перепроверяя саму себя, собрать связки. Сшить магическими стежками мышцы. Кожа — самое простое. Сетка тонких шрамов — часть пропадет сама, когда тело полностью восстановится, остальное можно убрать потом, когда я не буду валиться с ног от усталости. Сколько я провозилась — пару часов? Больше. Нет, все-таки хорошо, что не надо думать о заразе.

Обрывки рубахи уже ни на что не годились. Я достала из мешка припасенную ветошь, полив водой из фляги, оттерла

кровь, сколько смогла, тут ведро извести можно. Надо найти воду, здесь на каждом шагу родники и ручьи. Согреть — пусть отмоется, а то даже волосы слиплись от крови. Да я и сама измазалась по уши. Хорошо, что стоит жара — Тайрон может пока побыть без рубахи. Надо… надо похоронить этих. Сколько всего «надо» — а мне даже шевелиться не хочется — только рухнуть и спать…

— Все.

— Спасибо. — Он провел пальцами по моей щеке. — А сейчас-то плакать зачем?

Разве? Я моргнула. И в самом деле… Вытерла лицо рукавом, тяжело поднялась:

— Пойду похороню их. Тебе надо отдохнуть, а я не хочу ночевать рядом с непогребенными телами.

— Мне не нужен отдых. — Он начал было вставать.

Вот поэтому многие целители и не любят снимающие боль заклинания. Не болит — и сразу море по колено. А то, что на самом деле все на живую нитку собрано, уже никого не волнует. Снять заклинание, что ли? Как скрутит по-новой — сразу геройствовать расхочется…

— Тайрон, пожалуйста, — голос сорвался, и мне пришлось на миг замолчать. Глубоко вздохнула — надо разозлиться, тогда точно реветь не буду. — Ты, конечно, можешь изобразить стального голема, которому все нипочем. Рука не будет двигаться по крайней мере до завтра, но для стального голема это мелочь, правда? Можешь делать что хочешь — но все, ради чего я только что провозилась несколько часов, пойдет прахом. Хочешь остаться калекой — валяй, твоя жизнь. Но только перед этим обратись к другому лекарю — а мне жаль потраченных трудов.

— Извини.

Я помогла ему замотаться в одеяло — жара жарой, а знобить будет еще как. Потом подошла к убитым. Три нагих тела. Человеческих. С трудом оттащила к краю дороги одного, второго. Третье тело было женским. Из глазницы торчал мой нож.

— Если будешь умирать с каждым, кто пал от твоей руки, долго не протянешь.

Я оглянулась на Тайрона.

— А по-другому не выйдет. Я целитель. Это дар чувствовать чужую боль. Когда раны нанесены кем-то другим, или просто болезнь — тогда легче — это как отзвук. Как дальнее эхо. Но если целитель наносит раны сам — это превращается в… — я замялась, подбирая слова. — Как отражение в зеркале.

— Так плохо?

— Это дар. — Повторила я. — За все надо платить.

Выдернула из тела нож, привела в порядок. Оттащила труп к остальным. Бросила заклинание — ничего сложного, просто поток огня. Странно, он способен испепелить живого человека, но бесполезен против не до конца убитого оборотня.

Порыв ветра унес пепел.

Я нашла среди наших вещей топорик — нужны дрова. Дрова, вода… А больше всего — силы. Хотя бы простейшее охранное заклинание нужно поставить — Тайрон сейчас драться неспособен, а от меня никогда не было много прока. Ох… ну пусть снова будет огонь — простейший круг, который пропустит «своего» — того, кто был внутри, когда его накладывали — но испепелит любого чужака, попытавшегося его перешагнуть. На одного хватит. В конце концов, людям здесь взяться неоткуда, а оборотни не бегают стаями.

Я сходила за дровами, развела костер, приготовила поесть. Потом натаскала и нагрела воды — родник и в самом деле нашелся неподалеку. Помогла Тайрону отмыть кровь — с одной рукой у него не очень-то хорошо получалось. С тоской посмотрела на заскорузлую одежду — ладно, завтра, возиться со стиркой я сегодня неспособна. Суну пока в ручей, камнем придавлю… до утра, глядишь, отполощется. Все равно мы тут застряли на пару дней. Наконец-то можно лечь и ничего не делать…

Разговаривать не хотелось. Дело было даже не в убитых. Мне приходилось отнимать раздробленную упавшим деревом ногу. Приходилось видеть вываленные из живота внутренности. Раскроенный топором череп — было дело, как-то в деревне мужик допился до горячки, да соседа и рубанул… Сосед, кстати, крепким оказался — выжил, только что лицо перекосило. Но ничто из этого не заставило даже участиться дыхание. Не до того было. Так почему же сейчас я едва не разревелась, как избалованная барышня, вместо того, чтобы спокойно заниматься делом? Перепугалась, наверное — только и всего.

После этого случая мы надели доспехи. Казалось глупым тащиться по жаре, напялив на себя железяки, но окажись Тайрон в кольчуге, его бы не потрепали так, что пришлось отсыпаться весь следующий день.

А потом впереди выросли горы. Вершины этих громадин терялись в облаках. Я поежилась. Никогда раньше не видела гор, и они мне не понравились. Было что-то гнетущее в этих кручах. Словно напоминание о вечности. А дорога знай себе лезла куда-то вверх между отвесных стен. Если раньше меня раздражал бесконечный лес, то теперь я вспоминала про него едва ли не с

нежностью. Лучше уж живые деревья, чем мертвый камень вокруг день за днем. День за днем становилось холоднее. Подумать только, внизу — середина лета.

— Как бы не было бури, — озабоченно проговорил Тайрон, глядя в небо. Тучи висели так низко что, казалось их можно потрогать руками.

Я поежилась — и без того продувало насквозь. Куда уж хуже. Но ветер все усиливался, бил в лицо, и скоро стало невозможно не только идти. Даже дышать против потока воздуха было трудно. Мы устроились за здоровенным валуном. Ветер проникал и сюда, но за большим камнем хотя бы можно было сидеть, не опасаясь улететь в пропасть. И, словно мало было пронизывающего насквозь ветра, повалил снег. Мокрые, ледяные хлопья падали с неба, липли к лицу, проникали под одежду, норовили соскользнуть за шиворот. Я скукожилась, обхватив колени руками, но тепла от этого не прибавилось. И казалось, что этому не будет конца. У нас были с собой дрова — но поди разведи огонь на таком ветру…

— Надо найти какое-нибудь укрытие, — сказал, наконец, Тайрон. — Иначе замерзнем.

— В двух шагах ничего не видно. Заблудишься!

— Тут негде заблудиться. Справа — скала, слева — пропасть.

Час от часу не легче.

— Сдует!

Он помотал головой:

— Сиди здесь, никуда не высовывайся, и жди меня.

Он прижался к стене, пошел боком, сливаясь с ней и через полминуты пропал из виду. Я осталась одна. Ветер выл в ушах, колючими иглами бил в лицо — я уже перестала понимать, с какой стороны он дует, казалось, отовсюду одновременно. Время тянулось медленно-медленно. Я готова была поклясться, что с тех пор как Тайрон ушел, прошла вечность. Устав пялиться в слепящую снежную пелену, закрыла глаза. Вяло подумала, что, кажется, стало теплее. И провалилась в уютную темноту.

Очнулась я от того, что Тайрон немилосердно тряс за плечи. Лениво подняла веки:

— Тай, отвяжись. Дай поспать, только согрелась.

— Да не согрелась ты, а замерзаешь! — он пробормотал что-то под нос, ругался, наверное. — Вставай!

Я с трудом разогнулась — тело затекло. Снова ударил ветер. Тайрон подхватил одной рукой, прижал к себе, не давая упасть. Мы медленно побрели вдоль скалы.

— Здесь есть расщелина. И дальше пещера. Я не смотрел очень далеко… но вроде безопасная, пошли.

Я посмотрела на узкую трещину в стене и поняла, что лезть туда совершенно не хочется. Боком, медленно, цепляясь одеждой о стены мы пробрались внутрь. Расщелина оказалась не такой уж глубокой. Всего несколько ярдов, а дальше открывалась пещера. Слабый свет магического огонька толком не разгонял мрак, стены и потолок по-прежнему терялись в непроглядной темноте. Зато здесь не было ветра.

Тайрон тоже зажег огонь. Шар размером с кулак повис у него над головой, стало намного светлее. Эльф обошел пещеру мягким, настороженным шагом.

— Коридор прикроем защитными заклинаниями, и можно будет ночевать спокойно. Глядишь, к утру утихнет.

Я съежилась у костра, глядя в огонь, изо всех сил стараясь не дрожать слишком уж явно. Хорошо, что снаружи мы оба замерзли до невозможности, можно списать все на мороз. Ночевать спокойно, как же. Холод и сплошной камень вокруг. Не хватает только факелов на стенах, и тогда я точно начну с визгом метаться по пещере, окончательно потеряв голову от страха.

Тайрон меж тем, убедившись, что оба наших плаща мокры насквозь, аккуратно разложил их сушиться. Расстелил на камнях сложенный пару раз полог, под которым мы обычно ночевали во время дождя, вытряхнул из мешков одеяла.

— Иди сюда.

Я изумленно воззрилась на эльфа — постель он соорудил только одну. Тай поймал мой взгляд, хмыкнул:

— Вообще-то я имел в виду, лишь то, что вдвоем теплее. Но если настаиваешь, перестелю, трясись от холода и дальше.

Наверное, мои горящие щеки засветились в темноте не хуже магического огонька. Ну и дура! Я осторожно устроилась рядом с Тайроном, прижалась к теплому боку. Почувствовала, что перестала дрожать и поняла, что вместе с холодом ушел и страх.

Разбудило меня ощущение, что земля проваливается. И грохот. Попробовала вскочить — под ногами дрогнуло — и снова оказалась на полу. Еще толчок и все стихло. Свет мы зажгли почти одновременно.

Около стены прибавилось валунов, но оцепенела я не от этого. Расщелина, через которую мы сюда попали, исчезла. Осталась лишь трещина, в которую едва ли можно было вставить лезвие ножа.

Я провела пальцами по камню. Еще раз. Не веря. Не в силах осознать.

— Что будем делать?

— Спать, — спокойно ответил Тайрон.

Он рехнулся?

— Ложись спать, — повторил он. — Оттого, что сейчас начнешь суетиться и рвать на себе волосы, ничего не изменится. Мы здесь часа четыре. Выспимся, и будем выбираться.

— Как?!

— Найдем выход. Вчера по полу тянуло сквозняком, значит, где-то он есть.

— Тогда пойдем искать!

Он вздохнул, взял меня за руку, точно малыша, подвел к постели:

— Ложись. Неизвестно, сколько придется идти под землей. И будет ли возможность для отдыха. Сейчас она есть.

В его словах был смысл, но…

— Тайрон, я боюсь. — Села на разобранную постель, обхватила руками колени. — Если выхода не будет?

— Будет.

Он опустился рядом на колени, посмотрел в глаза, сказал терпеливо, спокойно, словно ребенку:

— Выход будет. Пожалуйста, постарайся успокоиться и поспать.

Я заставила себя лечь:

— Постараюсь.

Тайрон вытянулся рядом, обнял, провел ладонью по волосам:

— Снова дрожишь… Спи, не бойся. Все будет хорошо.

Все будет хорошо. Уткнувшись носом ему в грудь, лежа в кольце таких сильных и надежных рук, я повторяла эти слова, точно заклинание. Все будет хорошо. Он что-нибудь придумает. Все будет хорошо…. И сама не заметила, как уснула.

Проснулась в полной темноте и какое-то время не могла сообразить, где я. На секунду показалось, будто я снова в подземелье, в камере, нахлынул ужас. В следующий миг вспомнила, что произошло. Страх ненамного отступил. Я пошевелилась, почувствовала, как разжались объятья Тайрона. Сразу стало светло — эльф уже не спал. Похоже, вид у меня все-таки был перепуганный, потому что он улыбнулся:

— Приводи себя в порядок, ешь и пойдем.

Сам он казался абсолютно спокойным. Мне бы такие нервы.

Коридор был достаточно широк, чтобы идти рядом и не мешать друг другу. Потолок терялся в темноте. Неровный пол заставлял глядеть вниз. Не знаю, сколько времени прошло, когда я заметила под ногами движение. Испуганно подпрыгнула.

— Крыса, — сказал Тайрон.

— Откуда она здесь? Крысы водятся только рядом с людьми…

— Или не-людьми. Но разумными…

Огонек над его головой погас.

— Убери свет. Пожалуй, не стоит привлекать внимание.

— Если я буду натыкаться на стены в полной темноте, то привлеку внимания гораздо больше, — проворчала я. — В отличие от некоторых, я в кромешной тьме видеть не способна.

— Я тоже, — улыбнулся он. — Для этого есть заклинание. Смотри. И запоминай.

Ощущения были странными. Да, все стало видно, точно под потолком взошло солнце. Но оттенки оказались необычными. По правде, я бы не смогла сказать, какого цвета были стены на самом деле. Мне они представились мертвенно-голубыми. А очередная крыса, шмыгнувшая по полу, словно светилась. Я осторожно обошла лежащую на полу кучу костей увенчанную явно нечеловеческим черепом. Орк? В другое время я бы вцепилась в череп, разглядывая со всех сторон, да и кости бы изучила — когда еще доведется. А сейчас… Разумеется, ничего плохого валяющийся незнамо сколько лет костяк не сделает, но даже перешагивать через него отчего-то не хотелось.

Было холодно, сыро и неуютно. И еще в воздухе, казалось, витало что-то. Словно отзвук давнего колдовства. Или померещилось?

Впереди показалась развилка.

— В какую сторону? — спросила я.

— Если двигаться в том же направлении, что и на поверхности, то сюда, — показал Тайрон. — Но я загляну в соседнюю. Просто чтобы не оказалось, что оставили за спиной кого-то опасного. Подожди здесь.

Я кивнула. Прислонилась к стене, оглядываясь. В воздухе явно висело что-то недоброе…

Куча костей, которую я недавно перешагнула, стала вытягиваться. Костяшки резво прилаживались друг к другу. Через несколько секунд на меня шел скелет.

Я заверещала так, что у самой заложило уши. Все, что так долго и с таким трудом вдалбливалось, вылетело из головы. Попятилась, отмахиваясь мечом словно дубиной.

Тайрон появился через секунду, показавшуюся мне вечностью. Не тратя время на оружие, выкрикнул заклинание. Кости вспыхнули холодным пламенем и рухнули обратно бесформенной грудой.

Я обнаружила, что сижу, сжавшись, на полу. Встать удалось не сразу, колени ощутимо дрожали. Голос тоже.

— Что это?

Тайрон с отвращением разглядывал лежащий на полу костяк:

— Некромантия. Орки иногда баловались. Кто-то тут

поэкспериментировал.

— Голову бы оторвать этому… экспериментатору.

— Может, уже оторвали, — рассеянно отозвался он, вглядываясь в тьму впереди.

Двинулся так уверенно, будто знал, куда идти.

— Ты был здесь?

— Нет. Но идти здесь можно или вперед или назад. Что сзади, мы знаем. Если впереди будет тупик, вернемся к развилке и начнем все сначала.

Я вздохнула. Вот и разговаривай с ним.

Почему-то больше развилок не попадалось. Но здесь явно было нечисто. По дороге встретилось еще несколько оживающих на глазах скелетов. Справиться с ними оказалось не так уж трудно. Если бы я не перепугалась так в первый раз, то могла бы обойтись без помощи. Как же я устала бояться…

Не знаю, как долго мы брели по бесконечным коридорам. Несколько раз останавливались отдохнуть, потом поднимались и снова шли в стылую темноту. Постепенно пришло безразличие, стало казаться, что мы будем вечность идти по этой пещере, но почему-то это казалось неважным.

В воздухе что-то мелькнуло. Тайрон взмахнул клинком. Я нагнулась, чтобы разглядеть упавшее на пол существо. Маленькое мохнатое тельце, нелепые крылья, все вместе размером не больше моей ладони. Что за странная живность, и почему Тай схватился за меч?

— Слинкер. Где-то рядом выход, Эти твари всегда гнездятся недалеко от устья пещеры.

— Твари? — я еще раз окинула взглядом трупик. — Они опасны?

На вид и не скажешь.

— Ядовиты. Паралич и смерть за несколько минут. Поодиночке достаточно медленные и неуклюжие. Но обычно селятся стаями.

Час от часу не легче.

— И что делать?

Тайрон пожал плечами:

— Пещерные твари не выносят звука и яркого света. Сейчас наколдую… сколько-то уложу, а дальше вспоминай боевые заклинания и постарайся не попасть под клинок. Глаза закрой.

Грохот — на миг показалось, что свод пещеры рушится на голову. Вспышка, ослепляющая даже сквозь закрытые веки. Я открыла глаза. Пол густо устилали горящие тельца, оставшиеся в живых слинкеры заполошно метались по пещере. Тайрон толкнул меня за угол, сам шагнул вперед, разбрасывая заклинания — на

этот раз такие, в которых главной была скорость, а не изысканность. Где не успевала магия, в ход шла сталь. Я бросила молнию — не целясь, промахнуться было трудно. Еще одну. Живности становилось все меньше: эльф тоже не терял времени даром.

У лица мелькнула морда с распахнутыми челюстями. Я взвизгнула, отмахнулась, впечатывая тварь в стену. Тайрон обернулся на визг.

Он отвлекся на какую-то долю мгновения, но этого хватило, чтобы слинкер вцепился в запястье. Медленно-медленно начал падать.

Вот когда я закричала по-настоящему. И рванулась к нему. Разум словно застила пелена, осталась лишь одна мысль — это из-за меня. Из-за моего дурацкого визга. Боевые заклинания творились как будто бы сами — не помню, что именно я колдовала, но когда пришла в себя, мертвые твари ковром покрывали пол, а я стояла на коленях рядом с Тайроном.

Он не шевелился. По левому запястью расползалась чернота. Дыхание было неровным, прерывистым. На застывшем лице жили лишь глаза, и в них плескался страх. Каково умирать бессмертному? Все сознавая, но не в силах сопротивляться.

Надо было торопиться, пока паралич не захватил дыхательные мышцы. А я не знала, ни что это за яд, ни как его нейтрализовать. Оставались только грубые методы. Заставить яд двигаться против тока крови. Обратно. Тело не любит, когда так бесцеремонно вмешиваются в его законы и мстит. Как всегда, болью.

Тайрона выгнуло судорогой, раздался крик. Но именно этот крик означал, что яда больше нет.

Эльф медленно сел, словно еще не до конца доверяя собственному телу. Посмотрел в глаза:

— Спасибо. Такие долги трудно отдавать. Но я постараюсь.

Я опустила взгляд, почему-то смутившись. И только сейчас почувствовала, как отступает страх.

Страх потерять его.

Эта простая мысль была так неожиданна, что я оцепенела. Вот уж угораздило…

Тайрон поднялся, тронул носком тельце на полу:

— Лихо ты их.

— Испугалась.

— Очень эффективно пугаешься. — Усмехнулся он. Мотнул головой. — Пойдем, выход близко. Видно свет.

По мне, так было темно, хоть глаз выколи. Если не считать магического зрения, естественно.

Тайрон шел вперед, я бездумно смотрела ему в спину.

— Идешь, или жить здесь собираешься?

Вздрогнула, словно просыпаясь, почему-то залилась краской, пошла следом.

Неправда. Это просто страх остаться одной. Привычка. Симпатия. Что угодно, только не… Только не любовь.

Я шагнула из-под каменного свода. Надо же, задумалась настолько, что не заметила, как закончилось подземелье. Я огляделась по сторонам.

Дорога шла по дну извилистого ущелья. Стены его, изрезанные прихотливыми трещинами, казались не такими уж высокими. Некоторые из расселин были ничуть не уже той, по которой, собственно, и шла дорога. Похоже, перевал мы миновали под землей, и дальше будем спускаться.

Оказывается, Тайрон что-то говорил.

— Аларика, ты слушаешь?

Я встрепенулась.

— Извини. Что ты сказал?

— Что с тобой творится?

Звон оружия где-то впереди спас меня от ответа. Ругань, крики, конское ржание. Тайрон осторожно двинулся туда, держа меч наготове. Он шел вроде бы неспешно, но чтобы не отстать от него, пришлось бежать. Дорога вилась между скал. Поворот, еще один…

Здесь ущелье расширялось, к нему примыкало еще одно. На дороге хозяйничал десяток орков. Тела на земле — несколько орочьих, три человеческих. Три же оседланные лошади стояли в стороне. Похоже, орки промышляли грабежом.

Тайрон рванулся вперед, и, казалось, это не меч, а его ненависть разит наповал. Эльф был страшен. Он не бился — он убивал. Убивал всех, кого касался, прежде, чем те успевали что-то понять.

Моя помощь явно была ненужной. Но люди на земле… Двое мужчин — похоже, телохранители. И женщина. Одного взгляда хватило, чтобы понять — мужчинам уже не поможешь. А вот женщина…

Темные волосы рассыпались вокруг, трава красная от крови. Но она был еще жива, хоть и на грани. Тень сознания еще трепетала. И — вот тебе раз — не такая, как у людей.

Я занялась раненой. Кто-то пырнул ее в живот, повредив внутренности, а потом рубанул сверху наискось. Кровь из разорванной артерии под ключицей лилась уже не толчками, а ровной струей. Пульса на шее не было. Дыхания тоже. «Не успели» — потерянно подумала я, но эта мысль пролетела и

исчезла. Поспешно затягивая рану у шеи (все остальное могло подождать), снова пригляделась к тени сознания. Она выглядела едва уловимой, но пока ее видно, раненую еще можно спасти.

— Митейтель? — выдохнул Тайрон. Рухнул рядом на колени. Прямо в кровь, но, похоже, ему было все равно. Дрожащей рукой прикоснулся к ее лицу.

— Митейтель…

Он был едва ли не бледнее лежащей. Я стиснула зубы. В груди заныло. Ладно. Ревновать будем потом. Сейчас главное успеть.

Я расстегнула дорогой пояс из позолоченных колец, рванула одежду, обнажая раненный живот.

— Не смей! — закричал Тайрон. Он схватил меня за руку, и взгляд был диким. — Или ты и с ней хочешь обойтись как…

— Она жива! — заорала я в ответ — Посмотри внимательней, придурок! Помоги остановить кровь, я попытаюсь удержать душу.

И перестала обращать на него внимание. Любой уважающий себя колдун может справиться с кровотечением. Пусть топорно, пусть потом останутся страшные шрамы — сейчас не до красоты. Тай справится. И я устремилась за уходящей душой. Догнать. Уговорить вернуться. Сами боги не могут удержать жизнь, если душа не хочет оставаться в этом мире. А я не знала, как ее остановить. Как убедить душу, уставшую от груза бесконечного времени и беспросветного одиночества в том, что жизнь все же имеет смысл. И, не придумав ничего лучше, стала вспоминать. Как искрится драгоценными бликами роса. Как поет соловей среди цветущей черемухи. Тихий шепот дождя. Тонкий запах свежескошенной, умирающей травы. Летний ветер, ласкающий кожу. Шорох разноцветных листьев под ногами. Все то, что придает миру — не смысл, нет — просто радость. Потому что счастье — это обычная жизнь. Нужно просто увидеть ее.

Бесплотная тень остановилась. Оглянулась. Уже что-то.

Я заставила себя снова увидеть окружающее:

— Помоги. Объясни ей, почему ты еще жив. Я — всего лишь человек, моих слов недостаточно. Расскажи, что удерживает тебя в этом мире.

Он коснулся ее висков, кивнул с отрешенным видом.

— Проводить?

— Справлюсь.

Я кивнула и занялась ранами. Кровь Тайрон остановил, но это была работа воина, не целителя. Быстро затянуть сосуды, не дать умереть на месте, чтобы потом целитель смог спокойно восстановить поврежденные ткани. Я и сама только что поступила точно так же — на нормальное кропотливое лечение не было

времени.

Из расщелины послышался шум. Топот по крайней мере пары десятков ног и ругань. Я вскочила, готовя молнию.

Безжизненное тело рядом шевельнулось, появилось дыхание. Тайрон поднял безумный взгляд:

— Хватай ее в седло и уходи. Я прикрою. Вытащи, если сможешь.

— Нет, — слова вырвались прежде разума. — Одна не уйду.

— Дура, забирай Митейтель и уноси ноги! — он бесцеремонно схватил меня в охапку, забросил на коня. Поднял раненую, осторожно устраивая поперек другого седла.

— Я не смогу без тебя! — закричала я. — Не смогу вытащить ее одна!

На самом деле, дело было не в «вытащить». Но правду ему знать незачем. Как и то, что я…

Заготовленная молния ударила в скалу. Посыпались камни, перекрывая дорогу — не намертво, но повозиться придется…

— Давай быстрее, это их задержит!

Тайрон кивнул, выговорил заклинание — груда камней стала куда выше.

Кони понеслись по дороге. Остановились мы только когда мертвые скалы сменились лесом. Лошади тяжело поводили боками. Надо же, выдержали. Похоже, Тайрон кинул какое-то заклинание, иначе давно бы пали. Мне было не до того — все это время думала только о том, чтобы удержаться в седле — всадница из меня еще та.

— Там впереди город, — устало махнул рукой Тай.

— Далеко?

— Часа два… если поторопиться — меньше, но кони падут.

Я пригляделась к эльфийке. Плохо. Очень.

— Можем не довезти.

— Давай остановимся. Доведешь дело до конца, потом поедем дальше.

Я покачала головой:

— Не выйдет. После того, как закончу лечение, ей нужен будет покой. Минимум неделя сна. Если разбудят — умрет.

— Но хоть что-то ты можешь сделать сейчас?

— Не кричи, Тай. Все, что могу — сделаю. Постараюсь дотянуть до города. Если сил хватит, вытащу.

Он коснулся моей руки:

— Если она останется жива, я… — отвернулся, не договорив.

Это были самые долгие два часа в моей жизни. Хвала богам, все силы уходили на заклинания, удерживающие Митейтель на грани. Некогда было думать о своем. Голос Тайрона долетал

словно издалека, но все равно его слова резали по живому. А ему, похоже, просто надо было выговориться и все равно, кому.

— Я любил, а она предпочла моего брата. Они были счастливы вместе, дело шло к свадьбе… и я нашел силы это пережить. А потом пришло время уходить. Порталы между мирами можно было открыть только в определенных местах — слишком сложная магия, слишком привязана к миру. И оставаться, не вступая в отрытую войну с людьми было невозможно. Наш род уходил последним. У реки, на переправе над водопадом, на нас напали. Орки. Люди, присоединившиеся к ним. Мы остались защищать переправу: две дюжины воинов. Те, у кого не было ни жен ни детей… кинули жребий. Никто не надеялся уцелеть — главное было дать уйти остальным и подороже продать свои жизни. Лерон… я пытался его отговорить, ведь о нем было кому плакать… Я выжил. Один. И умер бы от ран там, у реки, если бы через несколько дней этим путем не проходили купцы. У них нашелся целитель, не пожалевший сил на нелюдь. Но когда я добрался до портала, он был закрыт.

Почему она осталась? Если бы знать раньше… Если бы я знал, что она здесь, то нашел бы, чего бы это не стоило…

И слушая его против обычного бессвязную речь я все отчетливей понимала, что из этого города придется уйти одной. Как бы не повернулось дело. Хвала богам, у меня не было сил думать об этом. Держать заклинания. Все остальное потом.

Мы довезли Митейтель до города. Живой. Стражник в воротах присвистнул, глядя на окровавленное тело, что Тайрон бережно прижимал к себе:

— Где ее так?

— На выходе с перевала. Орки.

Парень выругался:

— Вроде всех уже тварей повывели — нет ведь, лезут откуда-то… Где остановитесь? От головы к вам придут, разобраться надо.

— Я здесь никогда не был, — ответил Тай. — Может, подскажешь что? Чтобы чисто было, и народа немного. Сам видишь…

— Вижу. У Старого Гармея тихо и чисто. Правда, дорого там…

— Неважно. Где это?

— Два квартала прямо от ворот, потом через дом налево. Если что — спросите, подскажут. И за целителем оттуда послать недалеко.

— Спасибо, — Тай подал ему монету. — Целитель не нужен… — он кивнул в мою сторону. — Она справится. А за

остальное — спасибо. Будешь о нас докладывать, передай, что раньше, чем через неделю мы отсюда никуда не тронемся.

Вопреки обычному, в этот раз комнату сняли на троих. Тайрон со своей ношей направился было к одной из постелей.

— Не стоит, — подала я голос, — давай на стол. И работать удобнее, и легче будет потом прибрать.

Если бы там, на дороге, у меня было больше времени. Чтобы не дать яду из поврежденного кишечника всосаться в кровь. А теперь зараза уже разошлась по телу и медленно убивала. И не было способа нейтрализовать ее — только удалить. Заставить вернуться в рану, из которой она пошла в кровь. Хорошо что эльфийка без сознания. Я не удержу одновременно заклятье, гасящее разум и те, что понадобятся для излечения. А так скорее всего не придется опасаться болевого шока, хотя лучше бы подстраховать заклинанием. Тайрон сможет помочь? Надо спросить…

Я уже сталкивалась с подобным. Тогда мужик из нашей деревни пошел проверить силки и наткнулся на медведицу с выводком. Сутки он полз домой, запихивая в живот вываливающиеся внутренности. Потом мама два дня пролежала пластом, да и мне пришлось несладко. Хотя я просто удерживала его без сознания, не давая боли проникнуть в разум.

— Что я могу сделать? — спросил Тай.

— Принеси чистой воды. Много. И пустую бадью.

Пока он добывал воду, я перетряхнула мешок. Достала склянку с теми темными, с фиолетовым металлическим отливом кристаллами, что иногда встречаются в шахтах. Такие убивают любую заразу. Развернула аккуратно завернутый в кожу острый лекарский нож.

Тайрон принес кадку. Вышел, вернулся, поставил рядом пустую. Я развела кристаллы в воде. Стянула одежду с раненой. Тайрон прикусил губу, глядя на беспомощное тело. Заострившиеся черты лица, восковый оттенок кожи. Почти покойница. Но пока жива. И я собиралась сохранить ей жизнь, чего бы это ни стоило.

— Помощь нужна?

— Удержи ее без сознания. Иначе умрет от боли.

Он кивнул, встал в голова. Длинные пальцы коснулись висков лежащей. Поколебался немного, и все же спросил. То единственное, что сейчас для него имело смысл.

— Сможешь спасти ее?

Я выдержала его взгляд:

— Что смогу — сделаю. Но всемогущи лишь боги.

Он кивнул:

— Я не буду ни в чем обвинять тебя, если…

Нож удобно устроился в пальцах, точно перо. Руки подрагивали от усталости — впрочем неважно. Я знала — стоит начать, и дрожь пройдет.

— Не смотри.

— Хорошо, — обиженно проговорил Тай. — Я уважу твои тайны.

— Да какие там тайны! — все-таки я слишком устала, не надо бы кричать. — Я видела здоровенных мужиков, который падали в обморок, увидев, как рожает жена. Может, ты и крепче — но проверять не буду. Никто не выдержит, когда режут дорогого чело… — Осеклась. Они оба не были людьми. Жаль, что я вспомнила об этом слишком поздно.

— Извини, — он послушно закрыл глаза.

Я вздохнула, собираясь, и рассекла кожу.

Будь рана Митейтель чуть больше, можно было просто снять с нее те скрепы, что наложил Тайрон. Но из полости живота яд придется просто отмывать и разрез должен быть длинным.

Магия останавливает кровь мгновенно. Еще четыре разреза по краям живота — чтобы был должный отток. Заклинание, выгоняющее яд обратно. А дальше — рутинная работа. Вылить воду. Подождать, пока вытечет. Снова бросить заклинание. И снова вода. Пока бадья не опустеет. Потом аккуратно затянуть раны.

— Все, Тай, — выдохнула я наконец. — С тобой — все. Положи ее на постель, пожалуйста.

Я пошатнулась, вцепилась в стол. Оставалось самое сложное. Наложить ключ, который продержит заклинания, удерживающее ткани, до тех пор, пока повреждения не заживут. Пока израненное тело не вспомнит, каким оно должно быть. Голова закружилась. Я прикусила губу — до крови, боль помогла разуму проясниться. Это заклятье раз начав, остановить невозможно. Оно будет тянуть силы из мага, пока не будет наложено полностью. Или пока не убьет колдуна. А вслед за ним неизбежно умрет и тот, кого пытались спасти. Потому что сорвавшийся ключ снесет и те заклинания, к которым был привязан.

Так плохо мне еще не было. С магией из тела словно уходила жизнь. Бил озноб. Ноги подкосились, и я сползла на пол, свернулась калачиком, чтобы хоть как-то унять дрожь. Только не останавливаться, дочитать… Как хорошо, что эффект ключа не будет зависеть от интонации, с которой произнесены слова. Главное, дочитать, образы я удержу, если не потеряю сознание. В глазах темнело, кажется, пошла носом кровь Нет, не успею, все зря, до чего же жаль. Не думать об этом, работать, пока я

осознаю, что делаю, еще не все кончено. Почувствовала, как эльф подхватил на руки, усадил на коленях.

— Держись, — прошептал он. Его сила была подобна родниковой воде. И эльф щедро делился ей, отдавая то немногое, что осталось у самого. И я все-таки смогла закончить заклинание. Тяжело перевела дыхание, заставила себя оторвать голову от его плеча. Посмотрела на Митейтель — поворот головы дался с трудом. Насколько можно было разглядеть сквозь пляшущие перед глазами мушки, все хорошо. Исчезла синева на губах и дышит вроде ровно. Перевела взгляд на бледное до зелени лицо Тайрона. Комната поплыла вокруг, если он разожмет руки, упаду. Как же трудно удержать взгляд, когда мир упорно пытается провалиться в звенящую серую полутьму. Выдохнула:

— Все. Теперь она будет спать. Долго. Неделю, может две, — строго говоря, это был не сон. Просто почти полная остановка жизненных процессов. Все силы тело бросало на свое восстановление. Но объяснять это было невмоготу. — Когда исцелится, проснется сама. Ни в коем случае не допусти, чтобы ее что-то разбудило. — До чего же трудно сосредоточиться, нужно ведь сказать что-то еще, что-то важное… ах, да. — Кормить не надо. Вообще трогать не надо.

Успела заметить слезы в его глазах. И с чувством выполненного долга потеряла сознание.

8

— Государь, мне по-прежнему все это не нравится. — Ритан крутил в пальцах перо. — Время идет, а мы все ждем неизвестно чего. Где гарантии, что девушку направляют, а не она сама просто бродяжничает. И даже если ее действительно кто-то ведет — где гарантия, что она доберется живой до цели, каковой бы та ни была?

— Какие могут быть гарантии в этом мире? — хмыкнул король. — Можно только планировать с той или иной степенью уверенности.

— Но если ты уверен, что ее направляют — не спрашиваю, откуда, просто принимаю как данность — то мы снова возвращаемся к началу. К чему ждать, чем все закончится, постоянно опасаясь провала, когда можно узнать имена у самой девки… ведь не призрак же ее ведет! Да и тебе пора заняться более важными делами…

Карн покачал головой:

— Ритан, что случилось? Ты всегда был разумен, а сейчас приходится объяснять очевидное. Хорошо, мы узнаем одно имя, дальше? Где, как ты говоришь, гарантии, что этот один человек и есть причина всего, а не очередная пешка? Где доказательства, в конце концов — слова девушки, за здравость ума которой никто не поручится после того, что ей пришлось пережить? Нет, я подожду, и буду ждать столько, сколько будет нужно для того, чтобы увериться — все нити заговора у меня в руках. А что до дел… позволь мне самому решать, что сейчас важно. Ступай.

Советник поклонился и вышел.

Тайрон был первым, кого я увидела, проснувшись. Он сидел рядом, уперев локти в колени, опустив голову на сцепленные ладони. Волосы упали вперед, закрыли лицо. Было в его согбенной фигуре что-то, от чего защемило сердце.

— Она поправится, — сказала я. Голос прозвучал хрипло.

Тайрон вскинул голову, улыбнулся:

— Жива!

— А что мне сделается? — удивилась я. Он волновался? И, вообще-то, Тайрон сейчас должен караулить у другой кровати.

— Прошла неделя. Я начал бояться, что ты себя выжгла.

Неделя? Да уж, похоже, недалеко до того было. Опасная все-таки штука — магия. Не рассчитаешь, и заклинание вместе с силой заберет жизнь. В этот раз повезло, очень повезло.

— Митейтель?

Он оглянулся:

— Спит.

Бледное осунувшееся лицо, темные круги под глазами… Я села, придерживая одеяло:

— А ты сам-то спал?

— Не мог, — улыбка получилась виноватой. — Боялся… Что ты заплатишь своей жизнью за ее. Это было бы… нечестно.

Странно, обычно он не подбирал слова по полминуты. Устал, наверное, только и всего. Неделя без сна, наедине с двумя полумертвыми девицами. Поневоле станешь косноязычным.

— Тай, можно, я оденусь?

Он кивнул, отвернулся, отошел к окну. Наскоро натянув одежду, я склонилась над Митейтель. Спокойное дыхание, отчетливое ровное сердцебиение. Все в порядке. Похоже, проспит еще долго.

Тайрон все еще стоял спиной к комнате, опершись о подоконник. Словно разглядывал за окном что-то интересное. Я подошла ближе, тронула его за плечо:

— Ляг, отдохни, Тай. Или свалишься. Она выздоровеет. Все хорошо.

Он обернулся, посмотрел в глаза. Взгляд казался совершенно потерянным, как будто происходило что-то, чего он никак не мог понять. Да что с ним такое?

— Ты могла умереть.

Я пожала плечами:

— Может, и могла. Не умерла ведь.

— Но ты знала, что рискуешь жизнью?

Он пристально смотрел лицо, будто ответ был очень важен. Но почему? Что вообще происходит?

— Знала.

— Тогда почему?

— Что «почему», Тай?

— Почему ты рисковала жизнью ради нелюди? Эльфийки, которую видела впервые в жизни?

Я вздохнула. Почему-почему… тебе хоть раз приходилось держать в руках ускользающую жизнь? Впрочем, это-то наверняка приходилось. А знать, что ты — последняя надежда? Когда жизнь уходит, утекает песком меж пальцами, каплями воды в клепсидре, и уже нет времени думать о цене — лишь бы успеть…

— Потому, что обещала тебе сделать все, что смогу.

— Уходишь от ответа. «Все, что смогу» не подразумевало «обменять чужую жизнь на свою».

Я невесело усмехнулась:

— Именно это и подразумевало. «Все» — значит,

действительно, все что смогу, не выискивая лазеек и не оглядываясь на последствия.

— Я бы никогда не попросил о таком. — Еле слышно произнес он.

— Именно это ты и сделал, Тай. — Безжалостно припечатала я. — И, правду говоря, мне все равно, понимал ли ты, о чем просишь.

На самом деле, будь я одна, все равно бы попыталась вытащить эльфийку. Но как далеко была бы готова зайти? Хотелось бы верить, что все равно было бы «все, что смогу», но… Ответа не было.

— Ты попросил. Я согласилась. Мой выбор и мое решение. Больше говорить не о чем.

— Знала, чем рискуешь, и все равно… почему?

— Потому, что видела твое лицо, когда ты думал, что она умирает. Потому, что я…

Осеклась, отвернулась. Чуть не вырвалось. Нет, все, хватит с меня.

— Потому что ты — что?

— Тайрон, отвяжись, — сказала я грубо. — Ты устал и несешь невесть что. Я еще не пришла в себя и голодна. Выспись. Потом, если хочешь, продолжим этот дурацкий разговор. Пока у меня ответ один — не знаю.

И хлопнула дверью, покинув комнату.

В трапезной народа почти не было. Я облегченно вздохнула, увидев деревянные стены и свет, льющийся из окон. Попросив хозяина подать что угодно, на его усмотрение, устроилась в углу. Вроде бы должна быть голодной, но кусок в горло не лез.

Вот ведь, угораздило. И теперь можно сколько угодно твердить, что он — не человек. Поздно.

Смущаться каждый раз, как встречаются взгляды, искать повод прикоснуться, и вздрагивать от каждого прикосновения. И все время вспоминать, как он смотрел на нее. Знать, что он рядом только потому, что считает себя обязанным, а на самом деле думает о ней, только о ней…

Нет уж, спасибо. Лучше одной. Кончится дело трупом в канаве или нет, но оставаться рядом, зная, что к тебе относятся лишь как уличному котенку… Пожалели зверюшку, подобрали, пригрели, налили молока и привязали бантик. Но все равно котенок не станет ничем больше забавной игрушки. Хватит с меня. Вот только дождусь, когда Митейтель придет в себя, увижу, что все в порядке, и ноги моей больше рядом не будет. А пока — просто держаться от них подальше. Чтобы не травить душу. Чтобы Тайрон не понял…

— Прошу прощения… — раздалось над головой. Я подняла взгляд. Надо мной возвышался незнакомец. Похоже, надо меньше думать и больше смотреть по сторонам. Тогда не придется подскакивать от незнакомых голосов над ухом.

— Прошу прощения, — повторил он. — Госпожа, я от городского головы.

Ах, да… в воротах предупреждали. Только чего ж они тянули-то неделю, когда орки на единственной дороге грабят?

— Садись, — я указала на стул напротив. — В ногах правды нет, а говорить, похоже, придется долго.

Он кивнул, и устроился за столом.

— Пива? Вина? — предложила я.

Он мотнул головой и продолжил:

— Когда вы со спутником въезжали в город, с вами была раненая… как у нее дела, кстати?

— Поправляется.

— Рад за нее. Как это произошло?

Я помолчала, разглядывая его. Скрывать мне, собственно, нечего… ну то есть много чего — но к Митейтель это никак не относится. Но лучше бы ему разговаривать с Тайроном. Да, и этот человек действительно тот, за кого себя выдает?

— Прошу прощения, почтенный, — осторожно проговорила я, — но прежде чем что-то рассказывать, я бы хотела быть уверенной, что на самом деле говорю с человеком от городского головы. Пойми меня правильно — скрывать на самом деле нечего — но и болтать на каждом углу о том, что с нами случилось тоже незачем.

— Согласен. — Он вынул из кошеля свиток с печатью. — Ты грамотна?

Я кивнула, внимательно изучая пергамент. На самом деле, понятия не имею, на что смотреть. Имя, род… хорошо, запомним. Подпись головы, оттиск перстня с гербом на печати. Что толку, откуда мне знать, как они должны выглядеть, никогда не имела дел с такими вещами. Ладно. Главное, не говорить лишнего.

— И все-таки, — я вернула свиток, — тебе лучше поговорить с моим телохранителем.

Давным-давно Тайрон сказал, что лучше представляться так… «тем более, что это почти правда» — хмыкнул он тогда. Путешествующая пара, если они не говорят о себе как о муже и жене, всегда вызовет вопросы и шепотки за спиной. Но путешествующий по делу лекарь с телохранителем тоже неплохой вариант, сплетен будет поменьше.

— Я уже говорил с ним. На следующий день после того, как вы пришли в город. Теперь хочу услышать то же самое от тебя,

госпожа.

Знать бы, что Тайрон ему сказал. Ладно, откуда и куда мы идем по «моим семейным делам» мы обговорили давным-давно, что до орков, тут никаких тайн. Хочет знать детали — его право. Я начала рассказывать.

Мужчина внимательно слушал, потом засыпал вопросами. Где именно все произошло, сколько орков… сколько — можно подумать, я считала. Интересно, Тай запомнил? Сколько было телохранителей у раненой. Развернул было карту, я покачала головой:

— Прости, почтенный, здесь я не сильна. Если мой телохранитель не смог указать тебе место, то я тем более ничем не могу помочь.

Он кивнул и продолжил расспросы.

Наконец, он сказал:

— Благодарю тебя, госпожа. Теперь я вижу, что вы действительно пришли в город без злого умысла… Ответь мне только еще на один вопрос — есть ли у тебя патент целителя?

Так… Ладно, патенты — они тоже разные бывают. Маме вон и вовсе не требовался — в городах она не бывала, а до деревенских знахарок никому дела нет.

— Я намеревалась купить новый, когда придем в Ривеллен. До сих пор я никуда не выезжала из родного города, и мой старый патент был действителен только там. — Проверять никто не будет, невелика птица. Гильдии обмениваются сведениями только о тех патентах, что дают право практиковать в любом городе Сэйргии, и купить такой может лишь выпускник академии, чьи имена внесены в реестр, ежегодно рассылаемый по стране.

— Я не стала брать его с собой — все равно на месте придется сдавать экзамен в Гильдии. Не беспокойся, я не намерена практиковать здесь, в Дольвере. Если только… — я помедлила, — ты не сочтешь практикой лечение раненой, что мы подобрали на дороге. Но я не взяла с нее ничего… и не намереваюсь брать. Таким образом, закон не будет нарушен.

— А как же ваш кодекс, запрещающий лечить бесплатно? — прищурился он.

Я мило улыбнулась:

— В кодексе предусмотрены исключения. К тому же, он запрещает лечить. Про «спасать жизнь» кодекс умалчивает.

Мужчина рассмеялся:

— Хорошо. В любом случае, недоразумения с кодексом ты будешь улаживать внутри гильдии. Всего доброго.

Он поднялся.

— Прошу прощения, почтенный, — окликнула я. — Скажи,

здесь есть гильдия магов?

— Конечно.

— А не знаешь ли ты, пускают они в свою библиотеку?

— Пускают — за деньги, разумеется.

Замечательно. Самое то, чтобы занять голову. Если нагрузить разум работой, на эмоции сил не останется. Да и эта парочка не будет мельтешить перед глазами. Надо только спросить у трактирщика, как туда добраться.

Разумеется, вечером голова раскалывалась. Вот и славно. Все лучше, чем думать, о том что все равно уже не изменить.

Я уснула, едва донеся голову до подушки, и ничуть не удивилась, увидев порядком поднадоевшее лицо Рии.

— Что с тобой случилось? Я не могла достучаться… рана, болезнь?

— С магией перебрала. — Призналась я. — Говорят, неделю без сознания провалялась.

— Да, неделю, — подтвердила советница. — Что произошло?

— Женщину на дороге подобрала, раненую. Пока до города добрались… в общем, сил не подрасчитала.

— Дура! — взорвалась Риа. — Из-за какой-то чужой бабы едва не подохнуть! Ты что, не понимаешь, насколько важно…

— А не заткнулась бы ты? — медленно закипая проговорила я.

— Да как ты смеешь!

— Еще как смею. Потрудись припомнить, что ты для меня — тоже чужая баба… из-за которой я пару раз едва не подохла. Поэтому будь любезна, заткнись.

— Потрудись припомнить, что я вытащила тебя из застенка.

— А то ты позволишь забыть… Риа, какого рожна ты прикладываешь столько сил для того, чтобы сделать и без того поганую ситуацию еще поганей? Полагаешь, то, что я после общения с тобой хожу злая и невыспавшаяся сильно повышает шансы выжить?

— Ну так не делай глупостей, и я слова лишнего не скажу. О тебе же забочусь.

Я расхохоталась. Риа уже давно исчезла, как всегда не потрудившись попрощаться, а я все смеялась и не могла остановиться.

На следующий день я снова ушла в библиотеку. И на следующий. Магические головоломки не оставляли времени для праздных размышлений. Не знаю, как проводил это время Тайрон, но в те недолгие минуты, что я его видела, он казался потерянным. Словно что-то вышибло у него землю из-под ног. Я не спрашивала, в чем дело. Теперь уже не имеет значения. Со

своей бы жизнью разобраться.

И все же так вышло, что именно я была рядом, когда очнулась Митейтель. Тайрон как раз завтракал внизу. Один — меня не позвал. Может, заметил, как старательно я его избегаю, и разобиделся. А может, ему было просто наплевать. Скорее всего второе.

Я собирала вещи: судя по всему на днях можно будет уходить. И вдруг почувствовала, что в комнате что-то изменилось. Обернулась. Митейтель смотрела на меня, и в глазах была такая тоска, что стало страшно.

— Зачем? Я хотела умереть.

Мило. Это теперь так принято выражать благодарность. Хотела бы — я бы тебя не вытащила. Никто бы не вытащил.

— Сами боги не могут удержать душу, если она не намерена оставаться. Я бы не смогла ничего сделать, если бы ты не хотела жить.

— Что ты можешь знать об этом? — в голосе не было ни злости, ни пренебрежения. Только тоска.

В самом деле, что? Почему я, потеряв все, лишь еще сильнее стала цепляться за жизнь? Ответить не успела — в дверях стоял Тайрон.

— Ты? — удивилась она.

Я перевела взгляд с одной на другого. И тихо вышла.

Вернулась относительно рано. Библиотека закрывалась за час до заката и обычно я появлялась на постоялом дворе когда уже горели фонари. Но в темноте не выйти за городские ворота, значит надо было покинуть город раньше.

Внизу, в общей зале, сидел Тайрон. Увидел меня, махнул рукой, хлопнул по лавке рядом с собой, приглашая сесть. Я послушалась. Тем более, что он сидел в облюбованном мной уголке. Есть хотелось, и было бы глупо искать другое место.

— Будешь? — Тайрон поставил передо мной полупустой кувшин с вином.

Он что, решил надраться? Зачем? Я мотнула головой и повнимательней пригляделась к эльфу.

Пьян. Никак иначе не истолкуешь этот лихорадочный блеск глаз, румянец на щеках, не слишком четкие движения. Посторонний, наверное, не заметит, но я слишком долго была рядом.

— Что случилось?

— Ничего, — он криво улыбнулся. — Ровным счетом ничего не случилось. Просто я понял кое-что… и это «кое-что» мне совершенно не нравится.

— Объяснил, называется.

Он пристально посмотрел на меня:

— Хорошо. Откровенность за откровенность: почему ты от меня прячешься?

Я уставилась на доски стола, чувствуя, как щеки наливаются тяжелым румянцем. Заметил все-таки… ну, и что ему сказать?

— Вот то-то и оно. — Усмехнулся Тайрон. — Квиты.

Он резко поднялся и направился на улицу не замечая или делая вид, что не замечает моего растерянного взгляда. Даже среди гула голосов было слышно, как тяжело хлопнула дверь. Ох, ну вот… нет, хватит. Пошла-ка я отсюда.

Митейтель не спала. Я молча вытащила из под койки дорожную сумку. Шагнула к двери. Нехорошо, наверное, просто так исчезнуть, без объяснений. Но что, собственно, сказать?

— Ты любишь его? — донеслось сзади.

Я обернулась.

Она была настолько красива, что даже не получалось позавидовать. Никому ведь не приходит в голову завидовать совершенным формам древних статуй. Ими можно только восхищенно любоваться. И что с того, что эта невозможная красота ходит и дышит?

— Какая разница? Он любит тебя. Все остальное уже не имеет значения. — Правы были древние — любовь и кашель не утаишь. Значит, можно не опускаться до вранья.

— Это можно было легко исправить. Просто позволить мне умереть. Он погоревал бы какое-то время, а потом понял, что любит не меня, а свои воспоминания. И дальше все просто.

Я усмехнулась:

— «Какое-то время» может и затянуться на пару веков. Я столько не проживу. — Наверное, надо бы злиться, ревновать, что там еще бывает в таких случаях? Но, странное дело, мне было ее жаль. Мне, смертной девчонке было жаль ее — вечно юную, до невозможности прекрасную и бесконечно одинокую. Одинокую, несмотря на Тайрона, потому что от него она не примет ничего кроме дружбы, такие вещи заметны всем, кроме… Ох, да мне-то какая теперь разница! Соперница? Смешно. Мы друг другу не ровня.

— Так дело только в том, что ты не доживешь? Иначе ты предоставила бы событиям идти своим чередом? — яда в ее голосе хватило бы на неплохих размеров город.

Я подошла ближе, наклонилась над прекрасным лицом:

— А ты так хорошо знаешь людей, правда? Настолько хорошо, что не веришь, будто смертный может руководствоваться не только своей выгодой? Ты не ошиблась и в этот раз — я думала о себе. О том, как буду потом смотреть в зеркало, зная,

что позволила тебе умереть. И немного — о том, какой взгляд был у Тайрона, когда он собирался умереть ради того, чтобы дать мне хоть небольшую возможность увезти тебя.

Какое-то время мы молча мерялись взглядами.

— Он любит не меня, а память о своей любви. — Повторила Митейтель. — Так же как и я — воспоминания о его брате. Наш народ никогда не умел смотреть вперед. Баллады, герои, память… прошлое, всегда прошлое. Может быть, поэтому нам не нашлось места в настоящем. Дай ему время понять это.

Я отвернулась. Открыла дверь. Сказала, не оборачиваясь.

— Мне все равно.

Прощаться не стала.

Я знала, куда двигаться дальше. По предгорьям вдоль того хребта, что мы перешли. Потом дорога поворачивала на запад, а мне надо было еще какое-то время на юг по лесу, к отрогу в глубине которого и жили когда-то гномы. Коня я не взяла — в лесу от него больше забот, чем пользы Да и не такая уж я хорошая наездница. Пешком было спокойнее.

Одинокая женщина далеко не уйдет — слишком уж легкая добыча для любого, кто пожелает. Днем я шла, накинув морок, редкие путешественники видели лишь оборванного мальчишку, останавливаясь на ночь, тщательно маскировала костер. На мое счастье, никто не заинтересовался одиноким нищим пацаном, да и охранные заклинания тревожили лишь дикие звери. Может, хорошо пряталась, а может и в самом деле просто повезло. Собственно, по большому счету эту дорогу и дорогой-то называть было нельзя — так, направление.

Я шла так быстро, как только могла. Загнать себя за день до полусмерти, чтобы не осталось сил думать. Это помогало, но не слишком. Все равно без Тайрона было пусто. Не хватало его улыбки, мимолетных прикосновений, даже его подколок. Ничего, привыкну. Время лечит все.

А потом с дороги пришлось уйти. Несколько десятков шагов — и она исчезла за ветвями. В непролазном лесу можно было ходить кругами вечность. И стало совсем некогда думать о посторонних вещах — только следить за направлением. Да стараться не переломать ноги о коряги. Где-то в этих местах до войны магов стояла столица… ее стерли с лица земли вместе с жителями. Если верить летописям, планировался «акт устрашения», а вышло наоборот — озлобленный народ организовал ополчение дополнительно к регулярной армии. Сейчас на том месте, где был город, наверное никаких следов не осталось. Время слишком быстро стирает творения рук

человеческих.

И все-таки я дошла. Довольно долго простояла перед черным провалом, собираясь с духом. И шагнула под каменные своды.

Огонь зажигать не стала, воспользовалась магическим зрением. Совсем некстати вспомнила Тайрона. С ним было бы спокойнее. С ним я вообще ничего не боялась. А сейчас было страшно. Настолько, что хотелось завопить дурным голосом и ринуться обратно, не разбирая дороги. И вроде ничего особенного пока не встретилось, но в воздухе висело нечто… Отзвуки творимой некогда некромантии. Давний запах боли и смерти. И почему эта, как ее там, советница прежнего короля прицепилась ко мне. Что, во всей стране нет путных боевых магов?

Пещера была огромной. Как ни старалась, даже магическим зрением я не смогла увидеть потолок, да и ширина такая, что можно устраивать строевые учения. Повороты, развилки, переходы… На второй развилке я вытряхнула из мешка лист пергамента с походной чернильницей и стала записывать повороты. Подумала еще немного, и оставила кляксу на стене на уровне глаз. Будем надеяться, что чернила не кончатся раньше, чем дойду до места. Еще бы знать, куда идти и как должно выглядеть это самое святилище в недрах горы. Пока не было никаких признаков того, что здесь некогда обитал подгорный народ. Впрочем… я пригляделась к стене. Слишком уж она была ровная. И пол тоже. Может, и в самом деле гномья работа.

Здесь жили. Впрочем, «жили» — немного неправильное слово. Оголодавшая нежить. Уже знакомые скелеты. И вурдалаки. Магия привязывала их к этому месту, не давая разбрестись по окрестностям, и они пожрали даже крыс. Хорошо, что каждый из них был сам по себе. Объединись нежить и устрой охоту — тут бы мне и конец пришел. А еще хорошо, что они не были разумными. Ничто не трепетало в них перед смертью, не врывалось в мое сознание агонией чужой души.

Я убивала. Меч был в ножнах — сталь плохо справляется с уже раз умершими. Зато огонь не подводил. Самым трудным было не подпустить к себе пылающее чудовище — потому что и в огне у них была только одна цель — жрать.

Увидеть, бросить заклятье и бежать со всех ног. Дождаться, пока упадет и рассыплется в пепел. Идти дальше. Не тянет на героическую битву со злом — ну и пусть его. Зато жива. Хорошо, что их было немного, за пару часов мне повстречалось лишь четверо. После каждого приходилось отдыхать — боевая магия нещадно тянула силы. И убив четвертого я поняла, что не могу бросить даже простейшее заклятье. Надо было отдохнуть. Вот только убедиться, что из той развилки никто не появится…

Он вылетел именно оттуда. Здоровенное клыкастое создание с огромными когтями. Поговаривали, эти когти могут играючи расправиться с литым нагрудником. Я потянулась к магии — тщетно. Оставалась лишь сталь. Увернулась от когтей. Тварь прыгнула снова, налетела на подставленный клинок. С визгом отпрянула. И только. Рана, которая для человека была бы смертельной, вурдалака даже не замедлила. Я шарахнулась в сторону, бросила нож. Попала. А в следующий миг когти пропороли кольчугу, вонзившись в плечо. Я даже не успела крикнуть, когда другая лапища полоснула по шее сбоку, разорвав артерию Проваливаясь в темноту успела с каким-то странным удовлетворением подумать, что съедят меня хотя бы не живьем. Где-то на грани сознания услышала крик, показавшийся знакомым. И все исчезло.

9

Звезды светили сквозь ветви деревьев. Пахло хвоей и земляникой. Где я? Что-то коснулось плеча. Руки? Я шарахнулась в сторону.

— Это я, — раздался знакомый голос.

— Тай???

Свет! И в самом деле он… Но… Я коснулась шеи — идеально гладкая кожа, ни следа от…

Волной накрыл запоздалый страх. Я съежилась в комок, чтобы унять дрожь.

— Как?

— Не знаю, — ответил Тайрон. — Я бы не справился с такой раной, просто не успел бы. Кровотечение слишком сильное, ты умирала у меня на руках, и ничего нельзя было поделать. А потом ткани вдруг стали восстанавливаться сами. Что это за заклинание?

— Не знаю. Ни что за заклятье, ни кто наложил. Может, и я, не помню. Вообще плохо помню все, что было до появления Рии. — Я замолчала, снова провела рукой по шее. В голове не укладывается…

— Где мы? Откуда ты взялся?

— Догнал. Пришлось поторопиться.

— Спасибо.

— Стоит на минуту оставить без присмотра… — в его голосе прорезалась злость. — Что за фортели выкидываешь? Жить надоело?

— А тебе не все равно? — огрызнулась я. Страх потихоньку отступал, но голова пока соображала неважно.

— Было бы все равно — меня бы здесь не было.

— А что с Митейтель?

— Ничего особенного. Через неделю после того, как ты ушла не попрощавшись, отправилась домой. Помог ей нанять охрану… на том и распрощались. Как я мог бросить тебя, если обещал защиту?

— И только в этом дело? — прошептала я.

— Слова недостаточно?

Я обхватила руками колени, опустила голову. Слово… Этого мало. Слишком мало. Но прогнать его не хватит сил. И уйти снова тоже. На самом деле, можно даже не пробовать, если уж вышел на неделю позже меня и догнал. Да и не бегать же теперь от него всю оставшуюся жизнь, даже если она и обещает стать слишком короткой. А, пропади оно пропадом, пусть все идет как

идет!

Тайрон накинул плащ на мои плечи, сел рядом, чуть приобнял:

— Пожалуйста, не делай так больше.

— Что?

— Не бросайся невесть куда, сломя голову. Я едва не опоздал. Еще бы чуть-чуть…

— Знаю, Тай. Спасибо. Мне тебя не хватало…

Он вздохнул, прижал чуть покрепче.

— Дурочка маленькая. Куда ты полезла одна?

Я промолчала. Просто сидеть вот так рядом, слушать шелест листьев, ощущать запах трав от его одежды…

И не заметила, как уснула.

Риа не замедлила явиться:

— Не зря я советовала нанять телохранителя.

Снова уже ставшее привычным изящное кресло, снова скучающе-надменное выражение лица. Пусть ее… тем более, что ругаться совершенно не было сил. Подумав с полмига, я сотворила лес. Такой, к которому привыкла дома. Прозрачный, звенящий березняк, поляна, заросшая земляникой — тот же густой, теплый запах, что и там, в настоящем лесу. Я прислонилась спиной к белому стволу, слушая, как шелестят листья и трещат кузнечики в траве.

— Аларика!

— Да, ты была права. — Я улыбнулась, подставляя лицо солнцу. Пусть ее… Позудит и отстанет.

— Что-то ты стала слишком беспечна.

Я снова улыбнулась:

— А надоело бояться.

И в самом деле, надоело. Может, после пережитого сегодня просто не осталось эмоций, кто его знает…

— И собачиться с тобой надоело. Так что можешь не тратить время.

— Вернись в город, постарайся нанять кого-нибудь. Не суйся второй раз одна.

— Не… — протянула я. — Лень в город тащиться. Да и денег не хватит. К тому же, мы уже об этом говорили.

— Сейчас ты не похожа на человека, который чего-то боится. — Фыркнула Риа.

— А я больше и не боюсь. Да, и тебя, собственно, тоже.

В конце концов, это мои сны. А тебе нечего в них делать, надоела. На самом деле ведь все просто… как я раньше не догадалась? Страх мешал задуматься по-настоящему. Между мной и советницей выросла густая стена боярышника —

хаотичное переплетение ветвей, колючки с полпальца.

— Да как ты смеешь! — раздалось с той стороны.

Я отщипнула земляничину, сунула в рот:

— Я здесь хозяйка. Ты, конечно, вломишься снова… будешь вести себя по-человечески — может, и останешься. А сейчас — пошла вон!

Она еще успела крикнуть что-то нечленораздельное и исчезла. Я плюхнулась навзничь в траву, счастливо засмеялась. Посох все-таки придется достать, раз уж обещала. Тем более, что это единственное, что сейчас держит Тайрона. Совсем ты, милая, ума лишилась, если готова лезть в лапы вурдалакам только ради того, чтобы мужика рядом удержать… которому до тебя, по большому счету и дела-то нет. Лишилась так лишилась… Посох все равно придется притащить — как ни крути, жизнь мне эта зараза и в самом деле спасла, а долг платежом красен. Но превращать сны в кошмар я ей больше не позволю.

Утром Тайрон долго и придирчиво рассматривал прорванную кольчугу.

— Ладно. От когтей все равно не поможет. Скользящий удар удержит. Решай сама — идем сначала в Ривеллен чинить, потом возвращаемся, или сначала достаем артефакт?

— Сколько до города?

— День пути.

Я покачала головой. Нет. И без того после вчерашнего не по себе.

— Сперва в пещеру. Иначе у меня просто не хватит смелости войти.

— Как знаешь, — Тайрон, казалось, какое-то время размышлял, потом спросил: — Может, я один схожу? Незачем тебе снова на когти лезть.

— С ума сошел! Да я же рехнусь от страха, сидя тут и ожидая — то ли ты выйдешь, то ли вурдалак какой-нибудь… то ли вообще никто не выберется.

— Как знаешь, — повторил он, — Тогда запоминай, как работать с неупокоенными.

Я внимательно слушала — в принципе, что-то подобное тому, что мы проделали тогда с оборотнями. Только в этот раз обращение идет к тому неведомому, что вместо души удерживало жизнь в искалеченном посмертно теле… не отпустить, а уничтожить. Образы… слова… а вот в этот раз слова, похоже, придется бездумно затвердить, как попугай. Плохо. Слишком легко ошибиться с интонацией.

— Надо бы научить тебя языку, — заметил Тайрон. — Жаль,

раньше не подумал… сейчас было бы проще.

Я кивнула.

— Ладно, нет смысла жалеть об уже сделанном. — Эльф поднялся. — Выберемся обратно — начнем. Все поняла?

— Да.

Он легко улыбнулся:

— Тогда пойдем?

С ним действительно не было страшно. Совсем. Нет, поиски не превратились в беззаботную прогулку. Новые заклинания тянули намного меньше сил, чем, те, которыми я пользовалась раньше — но все равно пришлось несколько раз остановиться и отдохнуть. И даже когда одно из чудищ все же умудрилось подобраться на расстояние клинка, в два меча управиться с ним оказалось куда проще. Еще бы знать, где именно разыскивать… и что именно. Риа показывала мне изображения посоха — но, похоже, художники сами представляли то, что рисовали лишь по описаниям, потому что на трех разных изображениях было три разных посоха. Они сходились в одном: красное дерево и кристалл в навершии. А был ли посох хаоса гладким или резным, какова обработка камня — тут каждый рисовал то, во что горазд.

Если бы луч огонька, что висел над головой Тайрона, не блеснул на кристалле, мы искали бы этот посох до скончания века. Похоже, в свое время Калсин поставил его в небольшом сундучке, намереваясь вскоре забрать. Всего-то неделя пути от Догара. И не вернулся… Время сгноило дерево, превратило кованые обручи и железные заклепки в груду ржавого металла. А посоху ничего не сделалось. Гладкое древко красного дерева длиной в локоть, причудливо, совершенно несимметрично ограненный кристалл горного хрусталя в навершии. Палка и палка…

— Тай, это оно?

Эльф присел рядом, не забывая оглядываться по сторонам.

— Похоже на то.

Я проверила — никаких магических ловушек ни вокруг, ни на самом посохе. Осторожно коснулась древка. Нет… не простая палка, от исходящей от нее чуждой силы по спине пробежал холодок. Очень непростая. Ну хоть издалека не фонит — значит, можно будет таскать эту вещь с собой и не бояться, что отследят по ней, или что она привлечет внимание какого-нибудь излишне любопытного мага.

Я закинула посох в мешок.

— Все. Возвращаемся.

— Вот чего я не понимаю, Тай, так это зачем было огород

городить?

Дни все еще были слишком долгими для того, чтобы идти от рассвета до заката, и мы коротали вечера за разговорами. Тайрон сидел, глядя в огонь, я валялась на траве, уставившись в небо, просвечивающее сквозь кроны.

— К чему такие сложности — портал между мирами — когда я могу навскидку вспомнить несколько видов порчи, которая сведет в могилу за месяц, и комар носа не подточит?

— Я тоже не понимаю, — произнес Тайрон после долгого молчания. — Король умер от непонятной болезни… действительно непонятной, все столичные лекари только разводили руками. Даже попрощаться никого не подпустили, боялись, что причина смерти короля какая-то новая неведомая зараза, и она пойдет гулять по столице. Да, ходили слухи, что болезнь наслал боевой маг государя. Тот, что стал потом королем. Он, разумеется, делал вид, что про слухи ничего не знает, и вообще, обращать внимания на такой бред ниже его достоинства. — Эльф покачал головой. — Свести в могилу — это понятно. Но — вышвырнутая из тела душа, бродящая где-то между мирами…

— Думаешь, Риа врет?

— Не уверен. Может, душа Юрилла и в самом деле осталась между мирами, так же как это случилось с самой советницей. — Он потянулся, устроился рядом: — Несмотря на странную смерть, открыто оспорить завещание никто не рискнул. А покушения на нового короля, говорят, были… до тех пор, пока почти все ветви королевского рода не ушли в небытие.

Я подвинулась так, чтобы локоть коснулся Тайрона. Словно невзначай.

— Но почему она прицепилась ко мне? Что за идиотский довод «может, внучка ректора столичной академии сможет»…

— Ну, я бы на ее месте сделал ставку не на то, что ты внучка ректора… а вот дочка Ирвилла Термалла вполне могла родиться не целителем, а очень перспективным боевым магом… Хотел бы я посмотреть на парней… жаль, что все так повернулось.

Я напряглась:

— Тайрон… я не называла тебе ни имени отца, ни своего рода. Откуда ты знаешь, кто есть кто?

Он тихо рассмеялся:

— Я помню, как звали ректора. И его сына. Эта история в свое время наделала много шума…

— О чем ты?

Он снова улыбнулся:

— Жил-был в столице молодой маг. Один из лучших

выпускников академии. Злые языки, правда, поговаривали, что дело было в отце-ректоре. Но вряд ли его прочили в боевые маги государя только за отцовские заслуги, верно? А юноша вдруг взял и влюбился. В деревенскую знахарку без рода без племени, неведомо как оказавшуюся в столице…

Я слушала, и голова шла кругом. Неужели прав был Тай, когда говорил, что в столице слухи разносятся куда быстрее, чем в любой деревне?

— Отец был против. Сын не уступал. Однажды ссора дошла до того, что они едва не прокляли друг друга. А на следующий день ректор погиб. Кто-то говорил, что один из учеников, не совладав с собственноручно придуманным заклинанием, вызвал демона. Другие — что юноша просто ошибся на экзамене… Как бы то ни было, ректор выжег себя в поединке, защищая ученика. А наш герой, похоронив отца, как подобает, заколотил дом и покинул город. Ушел со своей возлюбленной, не дожидаясь выпуска. Сказал, что в столице его больше ничего не держит. Взял с собой только семейную библиотеку.

Так вот, значит, почему он не рассказывал…

— А через несколько лет боевым магом государя стал друг сына ректора. Как его звали, догадаешься?

— Быть не может…

— Три друга. Они и в самом деле были друзьями. Но перед каждым экзаменом студенты заключали пари — кто будет лучшим на этот раз. Ирвилл Термалл. Тарилл Карн. Третьим был юноша, что вызвал демона — но после той ночи о нем мало кто слышал… говорили, будто он повредился рассудком. Забавная штука — жизнь.

Да уж, куда забавнее-то…

— Потом сменилась династия. А еще через год дружина графа сожгла деревню на своих землях… никому не нужную деревню в неделе пути до ближайшего города. И почему-то последняя, кто остался в живых подтвердила, что существовал заговор против короля.

— Я ничего не знаю ни о каком заговоре! — голос сорвался.

— Верю. И под пыткой говорила то же самое?

— Не помню… — простонала я. Тело колотил озноб. Я села, съежилась, охватив руками колени — не помогло, все равно было холодно.

— Думаю, потом они бы гордо доложили бы королю о раскрытом заговоре… Неважно, что главного обвиняемого не смогли взять живым… Даже нашли бы сообщников. Еще пару дней там — и ты согласилась бы оговорить кого угодно.

— Хватит!!! — из кустов вспорхнула птица, согнанная

криком. Я вздрогнула. Добавила тише:

— За что мне это, Тай?

Не заплачу. Назло им всем не заплачу.

Тайрон мягко привлек к себе, точно напуганного ребенка:

— Все кончилось. Это больше никогда не повторится. Я никому не дам тебя обидеть, слышишь?

Сил ответить не было.

10

В этот раз Риа была вежлива до предела.

— Все получилось?

— Это он? — у меня в руках появилась копия посоха.

— Да. Вторая часть — в столице. В хранилище артефактов академии.

Час от часу не легче!

— И как его оттуда… — договорить я не успела.

Все изменилось. Исчезла советница, вокруг выросли каменные стены, замерцали факелы. Передо мной стоял мужчина — высокий, широкоплечий, в богатом одеянии… вот только лицо почему-то расплывалось, я никак не могла его разглядеть, и шитье на одежде стремительно менялось, как будто он менял одеяния.

В животе скрутился ледяной узел. Почему мне так страшно?

— Ну, здравствуй.

— Кто ты?

— Надо же — на вид соплячка-соплячкой. Как это мои ребята тебя упустили?

— Кто ты?!

— Нет, ну как это похоже на Рию — загребать жар чужими руками. Что она тебе обещала?

Я не ответила. Впрочем, его это и не интересовало.

— Мальчишку, которого она нарядила в корону, Риа защитить не смогла. А тебя и подавно. Хочешь умереть быстро?

— Нет!

— Тогда будет медленно. Или приносишь ту штуку, что прибрала к рукам, ко мне. Или мои люди тебя найдут. И тогда умирать будешь долго. Ты ведь помнишь, как это бывает?

Камень. Холодный скользкий камень со всех сторон. Дрожащее пламя факела. Страх. Боль. Разум уже не подчиняется — только животный ужас и боль. Крик. Вконец сорванный голос. Ведро воды на голову. Не трогайте меня! Не надо…

Тайрон немилосердно тряс за плечи.

— Да проснись же! Что с тобой?

Я хватала ртом воздух, не в силах отдышаться. Приснилось… Если бы не… Если бы всего этого уже не было. «Тогда умирать будешь долго». Не надо!

— Тай, пожалуйста… — голос не слушался. — Если он доберется… убей меня сам. Я не хочу снова…

Судорожно вцепилась в ворот его рубахи:

— Только не все сначала, Тай… лучше ты… так хотя бы

быстро…

Он наотмашь хлестнул по лицу. Голова мотнулась. На какой-то миг это отрезвило.

— Спасибо, — сказала я держась за горящую щеку. Поняла, как это звучит и рассмеялась. Громко, с ужасом ощущая, что не в силах остановиться. Сжала кулаки, так что ногти впились в ладони. Помогло.

Тайрон держал за плечи, вглядывался в лицо. Напряженный, внимательный:

— Что случилось?

Вслед за словами рванулись слезы. Он молча слушал. Наконец, я успокоилась, вытерла лицо рукавом:

— Уходи, Тай. Собирай манатки и уходи. — Это было глупо, неправильно, и нелогично. Зато честно. Если охота начнется всерьез, долго мне не протянуть. Но так не придется думать о том, что потащила за собой в могилу любимого.

— Вот как… — протянул Тайрон.

Обиделся. Замечательно. Тем вернее уйдет.

— Да, так. Сама справлюсь.

— Я уже видел, как ты справляешься.

— Не твое дело.

— А теперь послушай меня, — он схватил за руки сильно и жестко — не вырвешься. — Слушай и запоминай, повторять не буду.

Еще чуть-чуть, и я испугаюсь его.

— Не зарывайся, девочка. Бросить на произвол судьбы того, кому обещал помощь и защиту — это ты предлагаешь? Это у вас, людей, так принято?! Отказаться от слова только потому, что вдруг запахло жареным? Так меня еще никто не оскорблял.

Он отпустил мои руки, даже не отпустил — оттолкнул. Я смотрела в сузившиеся от ярости глаза, потеряв дар речи.

— Я видел столько крови, что тебе не снилось. Сложил погребальный костер брату. Своим друзьям. И едва не шагнул туда сам… А потом приходишь ты и говоришь, что история, в которую ты ввязалась — не без моей, кстати, подачи — слишком опасна, и посему я могу быть свободен. Девчонка, которая и меч в руках толком не удержит!

Он вскочил, шагнул туда-сюда, снова опустился напротив:

— Аларика, запомни раз и навсегда: все, что касается моей жизни, решаю я сам. Поэтому так просто от меня не избавишься. И еще — прежде, чем тебя убьют, им придется перешагнуть через мое бездыханное тело. Слово есть слово.

— И только? — опять… опять он говорит о чести. Лишь о чести…

— Не только. — Он подался вперед. — Ты и в самом деле не понимаешь?

Я покачала головой. Тайрон отвернулся с досадливым жестом:

— Ладно. — Голос снова был спокойно-ироничным. — Считай, что мне нужно просто скоротать вечность.

Сел рядом:

— Спать будешь?

— Нет. Не смогу.

Он бросил на колени фляжку:

— Тогда держи. Будем пить и горланить песни.

Несмотря ни на что, я рассмеялась.

Мы пришли в город ближе к полудню. Я отчаянно зевала, рискуя вывихнуть челюсть. Тайрон шагал легко, что-то насвистывая под нос. Словно и не сидел всю ночь рядом, разговаривая ни о чем и обо всем…

Город был большим — больше всех, что я видела до сих пор. Здесь сходились торговые пути — и те, что вели с горных перевалов, и те, что приходили от моря. Постоялые дворы чуть ли не в каждом квартале, огромный шумный рынок, в центре — лавки едва ли не в каждом доме. Уличные музыканты, орущие нищие, многоголосый говор — после тишины леса город оглушал, ошарашивал. Через четверть часа у меня разболелась голова и хотелось только одного — добраться до постоялого двора, забиться в комнату и спать… Похоже, это было слишком заметно, потому что Тайрон первым делом нашел, где остановиться. Потом забрал продранную кольчугу и ушел искать бронника, оставив меня отсыпаться.

Я думала, что просплю до утра — но хватило лишь на пару часов. И когда Тайрон осторожно постучал в дверь, я лежала одетая на кровати, бездумно пялясь в потолок и размышляя, чем занять себя до ночи. Голова все еще казалась чугунной. Нет, ночью надо спать, а не вопить от страха…

— Послезавтра утром будет готова, — сказал Тай. — Сразу и уйдем.

Я кивнула.

— Ужинать будешь? Я заказал на двоих — попросить принести сюда, или?

— Нет, — я поднялась. — Пойдем, посидим. А то проваляюсь так весь вечер… Правда собеседник из меня сегодня не ахти, переживешь?

— Переживу, — улыбнулся он.

Я лениво ковырялась в тарелке, больше глядя по сторонам, чем утоляя голод. Вокруг тоже не было ничего интересного…

просто надо же куда-то смотреть. Да, тяжеленько мне далась прошлая ночка. Если король начнет шастать по снам с таким же постоянством, что и Риа — надолго меня не хватит. Когда она появится, нужно будет спросить, как он узнал… и подумать, как закрыться. Должен быть способ. Нужно как-то справиться со страхом — напуганная я совершенно перестаю соображать — и хорошо подумать… Вот завтра и подумаю — все равно целый день куда-то девать… За столом, на который я бездумно смотрела, как раз устраивались четверо мужчин. В кольчугах, в руках шлемы — судя по всему городская стража, только что сменившаяся с поста. Наверное, мой остановившийся взгляд был слишком пристальным — один из них обернулся.

Этого. Не. Может. Быть. Я вцепилась в столешницу побелевшими пальцами. И видя, как парень стремительно меняется в лице, поняла, что не ошиблась.

Он очнулся первым — медленно, словно не веря, поднялся из-за стола, двинулся ко мне. Я вылетела навстречу, остановилась в паре шагов. Этого не может быть.

— Аля? Это в самом деле ты? — хрипло спросил он.

— Рик?! — выдохнула я, шагнула вперед на непослушных ногах. Он подхватил, обнял, впечатывая щеку в жесткое железо кольчуги. Я что-то лепетала, то ли смеясь, то ли плача.

— Живая. — Повторял он. — Живая…

Я, наконец, вспомнила о реальности, огляделась. Стражники разглядывали нас, откровенно любопытствуя. Остальным не было дела.

— Парни, я пошел. Потом объясню — оглянулся Рик. Те кивнули и перестали обращать внимание.

— Пойдем, сядем и поговорим, — Я потащила его за руку. Тай поднялся навстречу.

Мужчины обменялись церемонными поклонами. Я снова засмеялась — неизвестно чему — и плюхнулась за стол.

— Церемониальная часть закончена. Эльрик, Тайрон.

— Познакомила, называется, — фыркнул Рик. Замер, присматриваясь к Тайрону.

— Позволено ли будет спросить — та тень сознания, что я вижу…

Эльф ответил не менее пристальным взглядом. Казалось, он колебался. Наконец, кивнул:

— Ты не ошибся.

Эльрик снова поклонился:

— Польщен знакомством. И доверием. Сестре повезло со спутником.

Тайрон кивнул, тронул меня за плечо:

— Я к себе. Утром увидимся.

Я проводила его взглядом. Рик тоже смотрел вслед.

— Я не брежу? Эльф, настоящий, живой эльф?

— Не бредишь, братец, — улыбнулась я.

— Чудные дела творятся… — Эльрик покачал головой. — Рассказывай.

— Сперва ты. Каким чудом ты жив?

Он горько усмехнулся.

— Гил прикрыл. Мне попало из пращи — там и свалился без памяти. А он, наверное, до самого конца надеялся если не выстоять, то хотя бы отвлечь внимание от остальных. Он ведь всегда считал себя старшим…

Старше он был ровно на полчаса. Но подобная мелочь Эгилла никогда не волновала. Он был самым старшим — и точка.

— Гил их, похоже, здорово разозлил. Хорошо, что ты не видела, что сделали с телом. Я едва узнал… — голос брата дрогнул. — Очнулся утром — никого живого. Сложил костры для всех. Отцу, маме Гилу, Арту. На то, чтобы как должно похоронить деревенских сил не хватило, просто зарыл, день провозился. Искал тебя среди тел… Не нашел, и даже не знал, то ли радоваться, то ли бояться… какое чудо спасло?

— Скажешь тоже, чудо. Сам-то сюда как попал? — я намеренно увела разговор в сторону. Глупо, все равно придется вспоминать, но…

— Да, в общем, ничего особенного. Затянул раны, отоспался. Когда малость пришел в себя, решил добраться до Нережа. Жить-то как-то надо было, а то дома нет, денег нет. Всего добра, что на себе. Повезло — в дороге обоз нагнал, купец старым знакомцем оказался, мы с отцом как-то его караван провожали до столицы. Думал не узнает, несколько лет назад дело было, а вот ведь, вспомнил. Не посмотрел даже, что оружия при мне никакого — магией, говорит, если что, подсобишь. Караван в Ривеллен шел. Как до места добрались, не обидел купец, расплатился честь честью. А я огляделся, да и решил остаться. Какая разница, где?

— Рик, но почему в страже? Разве мало работы для боевого мага?

— Магия не спасла никого из наших, — глухо ответил он. — Так что в ней проку?

Что проку? Что проку в ветре? В бегущей воде? Что проку в пьянящем ощущении силы? Отказаться от этого — все равно, что добровольно лишиться зрения. Рик поймет это. Когда сможет пережить и свыкнуться с потерей. Когда-нибудь…

— Теперь твоя очередь.

Я вздохнула.

— Сбежала. Встретила Тайрона. А потом меня наняли… для одного дела.

— Сестренка, так не пойдет. Перестань темнить.

— Рик, пожалуйста, — я в последний раз попыталась отвертеться. — Ты всерьез хочешь знать, что именно можно сделать с пленником?

— С пленницей, — он скрипнул зубами. — Прости. Как ты выбралась оттуда?

Я рассказала, старательно обходя все, что было связано с мертвой советницей, нынешним королем и посохом. Дыр в рассказе было — медведь пролезет. Но Эльрику было не до того.

— Боги… — выдохнул он. — Ты убивала? Ты, целитель, убивала???

Я кивнула.

— Боги… — повторил он. — Это же рехнуться можно… чувствовать все и…

— Хватит, Рик. — Чуть жестче, чем нужно. — Я не хочу вспоминать.

— Прости.

— И не надо меня жалеть. — Голос предательски зазвенел. — Все закончилось, и вспоминать о прошлом я не намерена. Смогла пережить, значит и забыть смогу. Только не напоминай.

— Не буду. Что теперь?

— Меня наняли… для одного дела. Извини, не могу рассказать.

— Это «одно дело», — медленно произнес брат, — подразумевает итогом чью-то внезапную смерть?

— Нет. — Здорово. Собственный братец принял меня за наемного убийцу на задании. Дожили. — Я целитель, а не…

Осеклась. А ведь вру. Сколько смертей у меня уже за спиной, и сколько еще будет? Да и навряд ли король оставит в покое. А значит, как раз его смерть и может оказаться «итогом». Или моя, что куда вероятнее. Но Эльрику об этом знать незачем. Стража присягает правителю города, наместнику короля на этих землях. Не надо заставлять брата выбирать между верностью и верностью.

— Извини. — Рик накрыл мою ладонь своей. — Почему-то первое, что пришло в голову. Насколько сможете задержаться здесь?

Я пожала плечами:

— Хотели выйти послезавтра утром… Но по большому счету, мы никуда не торопимся. Я поговорю с Тайроном… думаю, неделю сможем и побыть.

Мы засиделись за полночь. И после того, как Рик ушел я долго смотрела на закрывшуюся за его спиной дверь. Место на

земле, где меня ждут…

Наутро, когда я спустилась в общий зал, Эльрик уже был там.

— Одна? А где твой кавалер? — спросил он вместо приветствия.

— Он не мой кавалер.

— Да ну? Сестренка, я не слепой. И, надеюсь, не дурак.

Я устало вздохнула. Старший брат. И даже если попросить не лезть не в свое дело — все равно не отвяжется.

— Рик, ты прекрасно понимаешь, что ничего нет и быть не может.

— Почему? — искренне изумился он. — Ну, нелюдь. Не евнух ведь.

Щеки налились тяжелым румянцем. Я промолчала.

— Понятно, — заключил он. — Придумала себе заботы на пустом месте.

— Рик, отвяжись.

— Хорошо, — неожиданно легко согласился он. — Сменим тему. Помнишь, какое сегодня число?

Число… Еще бы спросил по день недели.

— Нет. А должна?

— Понятно. Тогда подарок я оставлю при себе. — Он ухмыльнулся и выставил на стол котомку. — С днем рождения.

— Серьезно? — опешила я. Заглянула внутрь, вытащила нечто ярко-голубого цвета. Платье? Когда я надевала платье в последний раз? Зарылась лицом в прохладный шелк. Сгребла все в охапку, и побежала к себе.

— Хоть бы спасибо сказала — донеслось вслед.

Я не ответила. По дороге едва не сбила с ног Тайрона. Тот что-то буркнул вслед, я не расслышала, и останавливаться не стала.

А здесь не обошлось без девушки. Рик еще способен вспомнить, что платье не носят с дорожными сапогами, и купить туфли. Может, он сообразит про белье. Но положить заколки явно не додумается.

Шелк, настоящий шелк. Рик, должно быть, разорился на подарке. Белое нижнее платье с изящной вышивкой по вороту, рукавам и подолу. Верхнее, со шнуровкой по бокам — того изумительного василькового цвета, что делает голубые глаза ярко-синими. Покрутившись так и этак, я напомнила себе приглядывать за рукавами: вот будет весело нечаянно обмакнуть их в еду. Совершенно разучилась носить наряды. На прическу особо не было времени — так что я просто заплела пару тонких косичек, чтобы волосы не лезли в лицо. Все остальное оставила падать на спину пушистыми волнами, зная, что солнце будет

играть в золотистых прядях. Сама собой вспомнилась походка — легкая, летящая, невозможно так ходить в дорожных сапогах. Жаль, нет большого зеркала. И украшения бы не помешали, ну да чего нет, того нет. Переживу. Нет, ну до чего же здорово ощущать себя просто симпатичной девушкой.

Рик улыбнулся, но ничего не сказал. А вот восхищенный взгляд Тайрона дорого стоил:

— Какой повод?

— Ну, если говорить об этом городе — празднуют день основания, хотя когда он на самом деле был основан никто, разумеется, не помнит. А если ты про Аларику — у нее день рождения.

— Это повод? — Тай казался искренне заинтересованным.

— Это повод, — подтвердила я. Чмокнула Эльрика в щеку:

— Спасибо. Чудесный подарок.

— Пожалуйста. У вас были планы на день?

— У меня, пожалуй, нет. — Я посмотрела на Тайрона.

— У меня тоже.

Я шагнула за дверь постоялого двора и застыла. Толпа… Вчера мне казалось, что на улицах много людей, но по сравнению с тем, что творилось сегодня, вчерашний город казался пустынным. Слишком много людей, большинство уже слегка навеселе. Ноги сразу стали ватными, откуда-то изнутри снова выполз страх — не настолько сильный как тогда, в Лирене, но… Испорчу парням праздник, как пить дать.

Тайрон испытующе заглянул в лицо, я ответила затравленным взглядом.

— Снова? — еле слышно спросил он.

Я кивнула.

— Вернемся?

— Нет, — вымученно улыбнулась я.

Он, казалось, поразмыслил с мгновенье, потом привлек к себе, обнимая за талию, хитро улыбнулся:

— Так лучше?

— С ума сошел? — зашипела я, выворачиваясь — Люди кругом, подумают невесть что…

— А ты посмотри по сторонам, — Оказывается, Рик все слышал, и теперь в его взгляде прыгали смешинки.

Ох, ну вот… а я так надеялась, что хотя бы он ничего не заметит.

— Не знал, что тебя заботят чужие люди, — вставил Тай.

Под ироничными взглядами двух смеющихся мужчин я смутилась окончательно. Залилась краской, старательно глядя

мимо обоих. Что там Рик сказал про «посмотри вокруг»?

Улицы были полны парами. И, надо сказать, обнимающихся было тоже… вон там на углу, кто-то даже целовался при всем народе. Если это утро праздника, то что же будет твориться вечером?

Рик проследил за моим взглядом:

— Вот именно. А ты говоришь — «люди смотрят». Сегодня «люди» сами будут творить все, что захочется. Праздник ведь.

Я начала злиться — как всегда, когда не знала, куда деваться от смущения:

— А если завтра эти люди без штанов начнут ходить — ты тоже снимешь?

— Аларика, реши наконец, — Тайрон уже откровенно веселился. — Или тебе не все равно, что скажут другие — тогда веди себя, как они, или ты делаешь то, что сама считаешь нужным — но тогда при чем тут «что люди скажут»?

Я прижала ладони к пылающим щекам. Жалобно проговорила:

— Отвяжитесь уже, а?

— Ладно. — Смилостивился Рик. — Пойдем. А то Айлин ждет.

Тайрон подставил локоть:

— Так можно? Или люди снова что-то скажут?

Да чтоб тебя! Я заглянула в его теплые смеющиеся глаза, невольно улыбнулась в ответ. И обнаружила, что страх куда-то пропал. Совсем. Взяла его под руку:

— Так можно.

Айлин оказалась хрупкой рыжеволосой девушкой с огромными глазами. Увидев нас из окна, она выбежала во двор, потом, видимо, вспомнив, как подобает себя вести, резко остановилась, изобразила чинный поклон. Выпрямилась — и бросилась Рику на шею. Тот рассмеялся, подхватил за талию, закружил. Я обнаружила, что и сама улыбаюсь неизвестно чему. Они оба выглядели такими счастливыми…

Знакомство не заняло много времени, и вскоре мы уже шли по улицам — безо всякой цели, просто болтая и глядя по сторонам.

Город праздновал. Уличные музыканты старались вовсю, не забывая вовремя подбирать брошенные монеты. Перекричать толпу было не так-то легко — впрочем, зачастую собравшиеся вокруг люди сами начинали подпевать. На каждом углу откуда-то взялись лоточники со сластями. Рик купил медовых пряников, на всех, и через полчаса я уже смотреть на них не могла. Мы бродили по городу, пили вино, которое сегодня продавали прямо

на улице, плясали на храмовой площади, пели вместе с уличными музыкантами. Разговаривали обо всем и смеялись неизвестно чему.

Был уже поздний вечер, когда Рик с Айлин проводили нас до постоялого двора.

— Завтра я с утра на воротах, — сказал Эльрик, целуя в щеку. — Вечером зайду. Пока, сестренка.

Я долго смотрела им вслед. Неделя… А потом снова дорога, кровь и страх. Неделя…

Заснуть не удавалось. Возбуждение дня мало-помалу отпускало и становилось просто тоскливо. Под окном горланили песни. Я захлопнула ставни, тише не стало, только темнота сомкнулась вокруг, еще пуще нагоняя тоску. Зажгла лучину. Место на земле, где меня ждут…

Поворочавшись в постели без толку, я снова встала. Завернулась в одеяло. Бездумно зашагала из угла в угол. Рик сейчас с Айлин, и пусть у них все будет хорошо. Только почему хочется выть, точно волк в полнолуние?

В дверь негромко постучали:

— Аларика, это я.

Тайрон! Я бросилась к двери. Хоть одна живая душа рядом. Уже отодвигая защелку вспомнила, как я одета — или раздета? Ну и пусть. Ему все равно, можно хоть совсем голышом встретить.

Тайрон шагнул через порог, аккуратно прикрыл дверь.

— Ты-то чего не спишь? — поинтересовалась я.

— Уснешь тут… когда ты топаешь за стенкой. — Он мягко положил ладони мне на плечи, вгляделся в лицо и спросил совсем другим тоном:

— Плохо?

Я кивнула. Хотелось уткнуться ему в плечо и зареветь. Обо всем. О погибшей семье, о том, что скоро придется уйти от единственного человека, которому не все равно, есть ли я на свете. О несбывшейся жизни, и о своей нелепой любви…

Тай легко подхватил меня на руки. Сел на кровать, бережно устроив на коленях, баюкая, точно ребенка. Я замерла, боясь дышать. Только бы не вспугнуть, только бы сидеть вот так, прижавшись к нему всем телом… Никакой чувственности — просто тепло живого тела рядом. Просто надежные руки вокруг. Просто иллюзия того, что ему не все равно. Только бы не спугнуть…

— Мне казалось, сегодня днем ты радовалась. — Он говорил негромко. Почти ласково.

— Днем я была счастлива. А потом пришел вечер, и морок

рассеялся. Вернулась реальность.

— Реальность? А разве день не был реальностью?

Кажется, он коснулся губами моих волос. Да нет, бред. Померещилось.

— День — он был как сон о прошлом. Как будто ничего не случилось, все живы, а мы гуляем в городе на ярмарке. Чтобы на следующий день вернуться домой. Рассказывать о празднике. Хвастаться обновами. Привезти подарки… А потом я словно проснулась. Вот это — реальность. Вот эта комната на постоялом дворе, где никому ни до кого нет дела. Вот эти пьяные вопли под окном. И нелепая погоня за нелепой целью. — Только бы не заплакать. И без того не знаешь, куда деваться.

— Реальность… — Тайрон мягко усмехнулся. — Сейчас — реальность — это ты и я. Вот эта комната, и никого кроме нас. От этого тебе тоже плохо?

Его рука легко скользнула по щеке, прошла по шее, спустилась на грудь. Я ахнула и попыталась высвободиться, но не получилось. Прикосновения становились все настойчивее. Я же не смогу ничего поделать… Не смогу драться с ним, так, как защищалась бы от любого другого. Просто потому, что это Тай. Потому что сама хочу этого. Но как потом смотреть ему в глаза наутро, зная, что на самом деле для него ничего не изменилось?

— Не надо, — я готова была провалиться сквозь землю. — Не надо так… из жалости.

— Дуреха… — он прикоснулся к моему подбородку, заставляя поднять лицо. Его глаза были близко… слишком близко. — Дурочка моя маленькая… почему ты так старательно не видишь, что я люблю тебя?

Я смотрела в его глаза, не зная, что сказать. Боясь поверить. Тай и не ждал слов. Просто поцеловал. Его губы были мягкими, ласковыми, настойчивыми, и я растаяла под этими губами, теряя реальность, забывая обо всем. И во всем мире остались только он и я, запах его кожи, тепло его рук, и его тело рядом…

11

Ну конечно, выбрать другую ночь Риа не могла.

— Король… похоже, он меня выследил. — Казалось, советницу нисколько не беспокоило подобное положение вещей.

— Как можно отследить душу в мире теней?

— Некромант сможет.

Король, ко всему прочему, еще и некромант? Мало было забот…

— Значит, он и меня одну теперь сможет выследить?

— Нет, ты здесь — гостья, а я… — она замолчала на миг. — Оставим это, времени мало. Я постараюсь появляться пореже. Если ты, конечно, опять что-нибудь не выкинешь…

Словно порыв ледяного ветра в сознании. И снова ниоткуда — он.

— Значит, по-хорошему не понимаешь. Пеняй на себя.

— Аларика… Аларика, проснись.

Тайрон. Приподнялся на локте, тревога во взгляде.

— Снова кошмар?

Подробности прошедшей ночи всплыли в памяти, начисто смывая страшные видения. Я улыбнулась, отвела волосы с его лица, коснулась щеки, пробежала пальцами по шее.

— Уже не страшно. Тай, как хорошо, что ты есть…

Он улыбнулся в ответ — ни разу не видела у него такой безмятежной улыбки. Поцеловал — неспешно, ласково.

Дверь загрохотала так, словно ее хотели сорвать с петель. Тайрон подхватил с пола оружие, в мгновение ока оказался у двери.

— Аля, открой, это Рик.

Я выругалась:

— Подожди, оденусь.

— Брось эту ерунду. Времени мало. Открывай!

Кое-как намотав простыню, я босиком прошлепала к двери. Тайрон прислонился к стене рядом. За дверью действительно был Рик. Один. Отпихнул меня в сторону, влетел внутрь, задвинул задвижку.

— В какое дерьмо ты вляпалась?

— Может, позволишь сперва одеться? — поинтересовалась я.

Рик окинул взглядом комнату. Я в простыне, рядом Тайрон — обнаженный, зато с мечом наизготовку. Было видно, как до Эльрика постепенно доходит, что к чему. Он смутился, отвел глаза в сторону. Я взялась за одежду.

— Сегодня ночью подняли по тревоге всю городскую стражу.

Маги через портал передали депешу о розыске опасной преступницы. Хочешь описание?

— Не хочу. Преступницы меня не касаются, хоть опасные, хоть не очень. — Голос прозвучал на удивление спокойно.

— Не касаются, говоришь? — взбеленился Эльрик. — Рост пять футов, худощава, волосы светлые. Глаза голубые…

— И что? — перебила я — Здесь каждая вторая «худощава и светловолоса».

— Ты не дослушала. Особые приметы — родинка над правой ключицей. Еще одна — на левой лопатке.

Это-то они откуда знают?

— Что молчишь? — Рик все еще кипел. — Тоже совпадение?

— Те, кто сжег вашу деревню. — Вмешался Тайрон. — В опросных листах составляют подобные описания.

Он подошел к Эльрику:

— В чем ее обвиняют?

— Соблазняла состоятельных людей… а потом их находили с перерезанным горлом и без гроша. Приказано взять живой.

Я обошла вокруг Эльрика, заглянула в лицо. Тихо спросила:

— Рик, и ты поверил?

— Да какая разница, поверил я или нет, — рявкнул он, — главное, что стража на воротах усилена, да впридачу стоит маг, чтобы углядеть морок. И проверяют всех девчонок примерно твоего возраста.

— Рик, ты поверил?!

— Да нет, конечно, за кого ты меня держишь! — взорвался Эльрик. — Нашла повод переживать! Лучше подумай, что теперь делать будешь.

— Надо уходить. — Вмешался Тайрон.

— А может, стоит наоборот затаиться?

Эльф мотнул головой:

— Нет. Следующим шагом прочешут все постоялые дворы… может, уже проверяют.

— Так… — Эльрик достал из кошелька ключ. — Где живет Айлин помните? Если идти отсюда, оставляете дом по правую руку, там до следующего перекрестка, налево, третий дом по левую руку. Аля заклинание на двери узнает… те же, что мы дома ставили. Шум пересидите, а там видно будет.

— Мы уйдем сегодня, как только кольчугу у кузнеца заберем. — Тайрон прислонился к дверному косяку. — Нас видели вместе. Одно дело сказать, что встретил старую знакомую, про ее дела знать не знаешь, ведать не ведаешь… погуляли и разошлись. А вот если нагрянут к тебе искать — и найдут — все будет куда хуже.

Да, ты прав — Рик с размаху саданул кулаком по подоконнику. — До чего же мерзко это все… Что я могу для вас сделать?

— Ничего. — Тайрон казался абсолютно спокойным. — Говоришь, два мага на воротах? Значит, морок не накинешь. Уйти из города, минуя ворота можно?

— Нет.

— Ищут только в Ривеллене?

— Не знаю.

Эльф мягко шагал по комнате.

— Ищут девушку, или девушку с кем-то еще?

— Сказали, что скорее всего, она не одна. Точных описаний нет. О спутниках, если таковые найдутся, никаких распоряжений. Если дело дойдет до оружия — ее будут брать живой, а тебя…

— А меня будут убивать. — Тайрон пожал плечами. — С посмевшими сопротивляться стража никогда не церемонилась.

Он замолчал, размышляя.

— Ищут девушку… На двух мужчин не обратят внимание.

— Морок заметят. А иначе она не сойдет за мужчину, — сказал Эльрик. — Рост, кожа, фигура…

— За мужчину — нет. За мальчика, еще не начавшего бриться — может сойти.

— Не пойдет. Отощала сильно, конечно, но грудь никуда не денешь.

Я зарделась под холодными оценивающими взглядами:

— Эй, я вам не племенная кобыла!

Никто не обратил внимания.

— Грудь перетянем. Поддоспешник, кольчуга — какая там фигура… — Тайрон не отступал. — Волосы…

— Волосы не дам!

Эльрик развернулся ко мне:

— Нашла из-за чего переживать. Вырастут.

— Ага. Давай тогда заодно морду исполосуем. Шрамы я тоже свести могу. А чтобы совсем никто не узнал — ногу оттяпаем. Она, правда, не вырастет, ну да переживу.

— Да ты понимаешь, что вся стража поднята на ноги! О твоей ведь жизни речь идет.

— Волосы не дам, — упрямо повторила я.

— Аларика…

Тайрон присел напротив, отнял мои руки от лица. Бережно отвел рассыпающиеся пряди.

— Аларика, милая… Волосы — вырастут. Голова — нет. Прошу тебя…

— Знаю, — беспомощно прошептала я, хватая его за запястья.

Ну как им объяснить? Как объяснить мужчине, что легче решиться рискнуть головой, чем… Косы стригут гулящим девкам.

Тайрон спокойно ждал. Я глубоко вздохнула, словно перед прыжком в холодную воду.

— Ладно.

— Лавки открываются через час, — Эльрик выглянул в окно. — Мне пора бежать. Еда в погребе, возьмете в дорогу, сколько нужно. Дверь зачаруете, ключ оставите под крыльцом. Не знаю, откуда вы пришли, и не желаю знать, куда и зачем направляетесь. Там, на воротах — подсоблю, если что.

— Рик… тебя видели со мной. Может…

Он вымученно улыбнулся:

— Все будет путем. Парни не сдадут. Да и… как Айлин одну брошу? У нее никого нет, кроме меня.

Шагнул ко мне, сгреб в охапку.

— Удачи, сестренка. Возвращайся. Я буду ждать.

— Спасибо, Рик.

Он снова натянуто улыбнулся, напоследок взъерошил мне волосы и скрылся за дверью.

Звонко щелкали ножницы. Я, закусив губу смотрела прямо вперед, стараясь не вздрагивать, когда холодное железо касалось шеи.

— Если вдруг буду умирать от голода — подамся в цирюльники. — Хмыкнул Тайрон за спиной. — Можешь на себя посмотреть.

В зеркале отражался несчастный мальчишка с огромными перепуганными глазами. Не слишком ровно обрезанные прядки завились крупными кольцами, концы торчали в разные стороны. Так коротко стригут только рабов или отроков. И… Я провела пятерней по непослушным вихрам. Голова казалась легкой-легкой.

— Покажись.

— Нет! — я поспешно отвернулась, пряча лицо в ладонях.

— Аларика?

— Не смотри на меня! — Снова прикусила губу, отчаянно стараясь не расплакаться. Услышала сзади тихий смешок:

— Теперь весь оставшийся путь мне придется видеть только твой затылок?

Я помотала головой, не отрывая рук от лица. Если скажу хоть слово, точно зареву.

Тайрон коснулся моих пальцев:

— С руками тоже нужно что-то сделать. У мальчишек не бывает таких.

Я вскинулась, с вызовом глядя ему в лицо обгрызла ноготь.

— Так?

— Хотя бы так.

— А сажей перемазаться не надо?

— Нет.

Тай разглядывал меня, точно впервые видел — оно и немудрено. Но почему у него такой изумленный вид? Между тем, удивление на его лице сменилось безудержным весельем.

— Да что с тобой? Неужели всерьез считаешь, что такая мелочь может меня оттолкнуть?

Да, он видел меня, что называется, во всех видах. В крови — чужой и своей. Напуганной до полусмерти. Умирающей. Но…

— И это тоже. Только… дело не только… Обрезать косу… это позор… Девки сразу в петлю лезут — все равно житья не дадут.

— Вон оно что… не подумал, прости. — Мягко обнял, прижал к себе, провел рукой по стриженой макушке.

— Ты знаешь, что это не так. Я знаю. Все остальное не имеет значения.

Я шмыгнула носом. Тай приподнял за подбородок, заглянул в лицо:

— Я никому не позволю тебя обидеть. А волосы… вырастут, еще красивее чем прежде. Все будет хорошо.

У ворот творилось что-то невообразимое. Орущая, ругающаяся толпа запрудила улицу. На праздник и ярмарку обычно приезжала куча народа из соседних деревень. И сейчас эти люди пытались разъехаться по домам. На измученных стражников было жалко смотреть. То один то другой по очереди вытаскивали из толпы мгновенно начинающую рыдать светловолосую девицу примерно моего возраста, и провожали в сторожку. Рядом со стражниками стоял маг с измученным лицом. Неужели в таком большом городе нашелся только один, способный видеть сквозь морок? Нет, из сторожки вышел другой, сменил товарища. Ворота летом открываются через час после рассвета, сейчас был полдень. Все это время безостановочно обшаривать толпу, пытаясь уловить отзвуки наложенного морока на фоне амулетов от сглаза, порчи, воров и прочего магического барахла, толку от которого чуть, но фонит… Да уж, не позавидуешь.

Маг повелительным жестом отозвал в сторону портшез. Из-за занавесок выглянула красавица, усыпанная драгоценностями. Я пригляделась внимательнее — вокруг дамы клубилась аура морока. Интересно, как она выглядит на самом деле? Я с трудом удержалась от соблазна заглянуть под заклинание.

Тайрон рядом хмыкнул:

— Прикрывать морщины иллюзией — потрясающе осмысленно.

— Эй, кто-то говорил о том, что нужно вести себя как можно незаметнее, — прошипела я.

Я не колдую, — тихо ответил он. — Просто вижу сквозь морок… созданный людьми морок. Ты бы, наверное, тоже смогла, если бы знала, как смотреть.

— С чего это? Я же не…

— Ты и не человек, — ответил он. — И хватит болтать.

Я заткнулась. Хотя сказать хотелось много чего.

Тем временем маг, разочарованно вздохнув, отпустил даму. И снова принялся ощупывать толпу. Нет, подумать только — столько хлопот из-за одной меня — при этой мысли стало даже весело.

Наконец, мы достигли ворот. Страха не было. Только какой-то странный азарт: получится или нет?

Рик посмотрел сквозь меня. Его товарищ окинул нас безразличным взглядом. Маг, стоящий по ту сторону ворот, даже не удостоил внимания.

За воротами булыжная мостовая сменилась обычной пылью. Здесь дорога расходилась на несколько сторон. Большинство людей ушли на север или юг. Мы повернули на запад — в сторону столицы. Шли молча до тех пор, пока город не скрылся из виду.

— А теперь объясни, что за ерунду ты нес? — поинтересовалась я.

Тайрон поднял бровь:

— Что ты не человек? Не совсем человек, если быть точным. Полукровка.

— Перестань выдумывать. Я знаю свой род и по матери и по отцу до самой войны магов.

Он рассмеялся:

— Пятьсот лет! Всего-то. Нет, все началось гораздо раньше. Когда эльфийская дева полюбила человека.

— То-то ее родичи были в восторге, — не удержалась я.

Тайрон хмыкнул:

— Угадала. Запретить родители не могли… у нас это не принято — но услать к дальней родне — запросто. Так они и поступили, под предлогом «подумать хорошенько». Если учесть, что смертные слишком недолговечно это могло бы решить проблему. Для семьи, разумеется. Но влюбленным всегда было море по колено. Девушка просто сбежала из дома. Когда родители нашли их, она ждала ребенка. Пришлось признать брак законным и свершившимся. Это было достаточно давно, чтобы их

потомки стали жить недолго — даже не разменивая века. Но, похоже, две ветви рода снова соединились и кровь взяла свое.

Понятно о чем он, И не могу сказать, что мне понравился ход его мыслей.

— Тай, — я как можно тщательнее подбирала слова, — это предположение оказывает мне честь, но…

— Но привычней и проще считать себя просто человеком, да? Как ты говоришь — просто деревенская девочка. Не получится. Люди не работают с магией так, как ты. Даже элементарное заклятье ночного зрения, которое ты поняла с полуслова, им недоступно.

— Шутишь? — изумилась я.

— Не шучу. Потому что я показал его тебе так, как умею сам. Мне никогда не повторить человеческие способы колдовства… разве что создать иллюзию вашей магии. Человек никогда не сможет наложить заклятье тем же способом, что я. Но ты-то смогла.

Я долго молчала, переваривая услышанное. С одной стороны это казалось невероятным. С другой — те старые книги, в которых попадались описания эльфов, сходились в одном — у наших народов разная магия. И если эльфы могли хотя бы ощущать и понимать принципы человеческого колдовства — не имея возможности повторить — то люди даже не ощущали творимых эльфами заклятий. Видели лишь результат. Но я действительно понимала, как он колдует. И большинство заклятий излечения… Мой дар был человеческим — достаточно редким, но тем не менее чисто человеческим. Но заклинания, с которыми я привыкла работать — большинство их было почерпнуто в «роднике исцеления». Эльфийской книге. Беда в том, что я не знаю, как на самом деле люди пользуются целительной магией. В библиотеках я в основном уделяла внимание тому, что почти не знала — хроникам и боевым заклинаниям. Пару раз заглянула в труды, посвященные магии целительства, просмотрела несколько страниц и больше не возвращалась к ним. Слишком грубо и просто. Совсем не похоже на изящные построения, к которым я привыкла. Но может быть мне просто попадались не те книги?

— Не знаю, что и сказать.

Тайрон пожал плечами:

— Можешь ничего не говорить. Просто перестань отрицать очевидное.

Я снова замолчала. Хотя сказать хотелось много чего. Но смысл спорить, не обдумав как следует?

Спокойно идти удалось недолго. Не прошло и получаса, как

мы наткнулись на рогатку, перегораживающую развилку дороги. Рядом стояли два парня в кольчугах и при оружии. Еще двое, одетых так же, развалились в тени деревьев у обочины. Рядом с ними сидел мужчина постарше, без оружия и доспеха. Увидев нас, он поднялся, вышел на дорогу, встав так, чтобы между ним и нами оказалась перекладина рогатки. Магия струилась сквозь него потоком. Если дело дойдет до стычки, придется туго — сталкиваться с магами мне еще не доводилось. Я начала лихорадочно вспоминать уроки отца. Только бы обошлось… И не бояться. Никто не умеет читать мысли, но сильные эмоции любой путный боевой маг считает на раз.

— Стража Ривеллена, — сказал маг. — Кто такие и куда идете?

— Да что у вас тут творится — проворчал Тайрон. — Сперва из города полдня выйти не могли, теперь опять.

— Отвечай. — Маг не повысил голоса.

Я взглянула на стражников — один, снисходительно улыбаясь переводил взгляд с Тайрона на мага — мол, было бы из-за чего шум поднимать. Зато второй пристально разглядывал меня — слишком пристально. Он был позавчера на постоялом дворе рядом с Риком. Я похолодела. Только не паниковать…

— … Племянника домой веду, — говорил между тем Тайрон. — Сам-то я из столицы, а сестрица моя в Линдоен замуж вышла. Да полгода назад возьми да и помри — про холеру-то поди слыхали?

— Как не слыхать, — вмешался стражник, тот, что стоял, небрежно опираясь о перекладину рогатки. — Почитай все побережье выкосила. Ладно, дальше не пошла, чтоб ее…

— Ну так у парнишки все и померли. Я, получается, единственный родственник — не бросать же. Возьму к себе, к делу приставлю.

— К делу? Чем занимаешься-то? В доспехе, при оружии — не разбойник, часом?

Тайрон расхохотался:

— Да в столице в страже городской служу. Свой я, парни. Отпуск вот взял, как услышал, что сеструха померла, да за мальцом. А без кольчуги все равно — как голый. Времена нынче уж больно неспокойные.

— А парня-то зачем в доспех обрядил? — стражнику явно было скучно, хотелось поболтать, тем более вроде как со «своим». — Да еще меч дал. Он его хоть из ножен достать сумеет, если что?

— Ну достать-то сумеет, — Эльф снова рассмеялся. — Драться — нет. Учу помаленьку. Глядишь, пока до места дойдем,

чему-нибудь и научится. А что в кольчуге — говорю же, времена нынче смутные. Мало ли. Хоть не пристрелят, как зайца, если что.

— И то верно — согласился стражник. — Ладно, проходите что ли…

— Постой, вмешался второй. — Взял меня за плечо. — Как, говоришь, тебя зовут, малый?

— Эгилл. — от страха голос стал сиплым.

— А ну-ка, снимай кольчугу.

— Зачем? — ошарашенно пролепетала я.

— Вы чего, мужики? — вмешался Тайрон. — Пододвинулся ближе, вроде случайно оказавшись между мной и магом.

— Назад! — рявкнул тот.

Время вдруг стало медленным-медленным. Двое на обочине вскочили, двинулись к нам. Я поймала взгляд Тайрона, увидела, как он едва заметно кивнул, шарахнулась назад. Стражник, что держал меня за плечо, не выпустил, рванул к себе. Дальше все получилось само собой — пальцами в глаза, когда отшатнется — коленом в пах и освободившейся рукой — по кадыку. Стражник сложился, задыхаясь.

Эльф выругался, чиркнул мечом по шее тому, что все никак не мог распрямиться, Попятился, защищаясь от второго. Я, недолго думая, нырнула под заграждение. С тремя мечниками Тай как-нибудь управится и без меня. Но при этом парировать боевые заклинания — ой, вряд ли. На мечах от меня мало толку, а вот магия… Да и всего-то и продержаться до тех пор, пока Тайрон не освободится и не сможет помочь.

Я выкатилась по ту сторону рогатки, между магом и стражниками. Вовремя — с рук колдуна уже летел шар огня, и я как раз оказалась на его пути. Поймала, точно детский мячик, на ходу оборачивая воздухом — чтобы не шарахнул в руках — отшвырнула обратно. Маг упал ничком, смертоносный шар пролетел над ним, взорвался в деревьях, запалив вековую сосну. Колдун не стал тратить время на то, чтобы подняться, бросил заклинание. Ощущение было такое, словно из тела выдернули все кости. Мышцы свело судорогой, я рухнула на землю, не в силах даже крикнуть. Разум застила пелена боли. Сквозь серую занавесь перед глазами я увидела, как маг неспешно поднялся, приблизился. Ну что, много навоевала?.. Чем-нибудь тяжелым по затылку — и в этой битве я больше не участник. Разум лихорадочно искал выход. Заклятье, снимающее боль отнимает доли мгновения — в голове прояснилось. Значит, вот как он это сделал… а если попробовать убрать здесь и здесь… тело снова повиновалось мне. Маг в своей самонадеянности подошел слишком близко. На боевое заклинание времени не было, Все, что

я успела — выхватить нож и полоснуть его по ноге — куда дотянулась. Он зашипел сквозь зубы, отпрянул. Я рывком села, второй нож полетел точно в середину лба. Маг поймал его — вернее, даже не поймал, а взял из воздуха, будто с полки, словно полет занял не доли мгновения, а минуты. Вот когда стало по-настоящему страшно. Бросила с ладони поток огня — первое, что пришло в голову. Пламя с ревом обволокло человека и тут же погасло, словно сорванное резким порывом ветра. Даже одежду не подпалило. Я выругалась. Молния — мимо. Снова ругнулась — невозможно промахнуться с двух шагов. А вот поди ж ты — отвел. И сил на магию почти не осталось…

Сзади охнул Тайрон. Я обернулась — один из набросившихся на него стражников уже лежал на земле, но удар кого-то из оставшихся все же достиг цели. Тай медленно отступал, кольчугу на боку заливала кровь.

А воздух рядом звенел от магии. Колдун готовил очередное заклинание. Мысли заметались. Разве что… Я резанула ножом по запястью. Шипя сквозь зубы, собрала кровь в горсть, бросила в мага. Капли на лету рассыпались в алую пелену, облекли туманом. Враг взвыл. Магия, добавленная к алым каплям, выжигала глаза, разъедала плоть, отделяя мясо от костей. Чужая боль билась внутри — перетерплю, не до того, потом, все потом… Развернулась — стражники с ужасом смотрели на то, что творилось с магом, на миг забыв о Тайроне. Он не упустил момент — еще один противник рухнул. Я бросила в оставшегося кровью, текущей с запястья. Торопливо выхватила из кармана платок, замотала рану — магия на крови тянет силы нещадно. С трудом поднялась. Пошатываясь, шагнула к эльфу — тот медленно опускался на землю, зажимая распоротый бок.

— Снимай кольчугу.

— Подождет. Отдохни сперва.

Я покачала головой:

— Будет, как с Митейтель. Надо сейчас.

Помогла ему снять доспехи. С трудом сосредоточилась. Надо сделать все сразу. Очистить рану, потом зарастить. Вот только звон в ушах мешал собраться. На самом деле, крови я потеряла немного — дело было в магии.

Тайрон коснулся моей щеки:

— Только себе не навреди.

Я через силу улыбнулась:

— Ничего со мной не сделается. На то, чтобы снять боль, сил не хватит, прости…

Он молчал, только вздрагивал от заклинаний, до крови прикусив губу. Наконец, работа была сделана. Я мотнула головой,

отгоняя дурноту. Успела подумать, что сейчас — приходи кто хочешь и бери тепленькими. И провалилась в темноту.

Кто-то лупил по щекам. Я вяло отмахнулась, нехотя открыла глаза. Тайрон сунул в руки флягу:

— Держи, будет легче.

Я глотнула, закашлялась. Тепло разбежалось по телу. Медленно села. Голова уже не кружилась, но руки подрагивали. Потянулась к магии — пустота. Сокрушенно вздохнула.

— Как себя чувствуешь?

— Вроде получше. Колдовать не смогу, а так — ничего.

— Тогда посиди, пока я наведу порядок. Кровь и магия — наследила так, что найти сотворившего не составит труда. Не надо оставлять такое.

Да, выследить мага, ориентируясь на отзвуки колдовства — обычное дело. Хорошо, что ни разу не пришлось столкнуться с Карном лицом к лицу, после этого нас бы просто загнали, точно на охоте. Невозможно скрываться, когда тот, кто тебя разыскивает, в любой момент может определить, где искать.

Я сидела, молча наблюдая, как огонь охватывает тела одно за другим. Перерезанное горло, разбитая голова… Вспоротый живот — ни одна кольчуга не выдержит прямого удара хорошего меча. И два изъеденных костяка — моя работа. Под ярким солнцем голубоватое пламя казалось призрачным. Оно не оставляло после себя ничего кроме невесомого пепла. Исчезало даже железо. И уж тем более, пламя должно было стереть отзвуки колдовства. Тайрон внимательно всматривался в пыль, выжигая красные капли, упавшие с моего запястья.

Когда же я разучусь чувствовать? Так же, как разучилась колебаться, защищаясь.

— Я убью эту сволочь, — в тишине шепот прозвучал слишком громко.

Тай обернулся, посмотрел вопросительно.

— Короля. — Жестко сказала я. — Они виноваты лишь в том, то выполняли приказ.

Эльф скривился:

— Я старался обойтись без драки — не вышло. Но сейчас — что проку сожалеть?

Действительно — что проку сожалеть? Жалость не вернет мертвых. Забыть. Не думать… не думать о том, как посмотрю в глаза брату, когда вернусь. Как буду рассказывать, что убила его друзей.

— Жалеть не буду. Но эту тварь — убью. За то, что он сделал с моей жизнью.

— А ты уверена, что это именно он? — медленно произнес

Тайрон, глядя мне в глаза.

— А кто еще?

— Вообще-то такие приказы отдают люди, облеченные куда меньшей властью. Или ты всерьез полагаешь, что король знает о существовании каждого из подданных?

Я долго смотрела на него снизу вверх. Никогда не задумывалась, кто именно отдавал приказы, которые превратили мою жизнь в кошмар. Все зло, весь ужас происшедшего для меня воплощал один человек. И, по правде говоря, прав Тайрон или нет — мне было безразлично.

— Про мою семью он знал, — медленно сказала я. — И если его власти недостаточно для того, чтобы защитить друга — то чего стоит та власть… или та дружба. Тай, мне все равно, кто именно отдал приказ. Тот ли, кто приходит в мои кошмары, или кто другой. Люди короля убили мою семью. Если закон говорит, что за провинность раба надо спрашивать с господина — то с кого спрашивать мне?

Тайрон не ответил. Протянул руку, помогая подняться:

— С дороги придется уйти. — И свернул в лес.

12

На ночь мы остановились у маленькой речушки. Пока я возилась с едой, Тайрон отстирывал испачканные кровью вещи. Потом залез в воду сам:

— Искупаться не хочешь?

Я помотала головой. Он не стал настаивать. Вылез, неспешно оделся. Рубашку надевать не стал, и мокрые темные волосы прилипли к плечам. Я смотрела на него, точно завороженная. Тай, поймал мой взгляд, широко улыбнулся. Я залилась краской, опустила глаза. Он ничего не сказал, просто присел рядом. Я коснулась свежего шрама на боку:

— Давай, уберу.

Он отмахнулся:

— Пустяки. Хватит с тебя магии на сегодня. И без того… Не договорил, привлек к себе:

— Один я бы не справился.

Я спрятала лицо у него на груди, прижалась, вдыхая такой знакомый запах, на время забыв обо всем.

— Странно, — продолжал он, — надо бы благодарить, а мне хочется ругаться и просить не рисковать так больше. Когда ты бросилась на мага… никогда так не боялся. — Тайрон коснулся губами моих волос.

Я чуть отстранилась, подняла голову, заглянула в глаза:

— Тай, у них был приказ взять живой девушку. Если бы не это, он размазал бы меня по дороге в мгновение ока. Но… ты сам сказал — с теми, кто посмел сопротивляться, стража не церемонится.

— Аларика… — он судорожно вздохнул, снова обнял — крепко-крепко. — Аларика, родная… Это я должен защищать тебя — не наоборот.

— Какая разница?

— Есть разница.

Я устроилась так, чтобы видеть его глаза. В отблесках костра они казались темными, бездонными, словно ночное небо.

— Только благодаря тебе я все еще жива. Мы оба знаем это. Так к чему считаться?

Тайрон грустно улыбнулся:

— Хотел бы я, чтобы все было по другому.

Я не ответила. Какое-то время мы сидели молча, слушая, как потрескивают ветки в костре.

— Тай, та история… про эльфийскую деву и смертного… чем все закончилось?

Долго не отвечал, глядя в огонь. Потом пристально посмотрел в лицо:

— Ты ведь думаешь не о них сейчас?

— Не о них, Смешно, правда: я не знаю, буду ли жива завтра, а пытаюсь загадывать на десяток лет.

— Не смешно. Рассказать?

— Не надо, Тай. Я люблю тебя.

Неделя дождей миновала, и снова засветило солнце. У нас в это время лето уже клонилось к закату — а здесь ночи все еще были такими же теплыми, как и дни. Леса давно остались позади, теперь кругом тянулись степи. Тайрон вел вперед, не сильно разбирая, есть ли дорога, ориентируясь каким-то только ему ведомым образом. Припасы потихоньку заканчивались, и мы решили заглянуть к людям.

Деревня на первый взгляд ничем не отличалась от остальных. Она стояла в излучине реки, окруженная с трех сторон заливными лугами. Беленые хаты, плодовые деревья, невысокий плетень по околице. Разве что каменный храм в центре — нечасто встретишь такое в деревне.

Вот только когда мы подошли ближе показалось, что вокруг неестественно тихо. Ни детских шумных голосов, ни перекличек взрослых. Только отчаянно ревела скотина. А потом в нос ударил запах — приторно-сладкий, ни с чем не сравнимый запах гниющей плоти. Мы одновременно остановились, переглядываясь.

Тайрон напряженно молчал, словно прислушиваясь к чему-то неведомому. Я оглядела дорогу. Отойдя в сторону, присела над крысиным трупом, лежащим прямо на обочине. Осторожно коснулась его носком сапога. Трупик уже начал разлагаться, шерсть вылезла клочьями, но тельце показалось слишком твердым. Я посмотрела по сторонам — а вон еще одна. Стало страшно, захотелось убежать далеко-далеко, а потом залезть в воду и отмываться…

— Что ты там нашла? — Тайрон взглянул мне через плечо, скривился. — Странное любопытство…

Я выпрямилась, машинально вытирая разом вспотевшие ладони об одежду. Видимо, что-то было на моем лице, от чего он замер, внимательно глядя в глаза.

— Что случилось?

— В деревне чума.

Он присвистнул:

— Пошли отсюда.

Я кивнула, собираясь идти прочь. От деревни послышался

чей-то стон. Оглянулась — рядом с дорогой, в нескольких ярдах от плетня, ничком лежал человек. Слабо пошевелился, снова застонал. Я шагнула к нему — рука Тайрона жестко легла на плечо.

— Нет.

— Он еще жив!

— Нет, — повторил он. — Там чума. Черная смерть. Пойдем отсюда.

Он был прав, но… я оглянулась на беспомощно распростертое в траве тело. Безумие. Но я не могла уйти, даже не попытавшись помочь. Растерянно взглянула на Тайрона. Его лицо было бесстрастным. Слишком уж бесстрастным…

— Там смерть, — повторил он.

Я глубоко вздохнула. Смерть давно перестала быть чем-то страшным, она шла рядом с того самого дня, когда все началось. Но умирать в бреду, выкашливая с кровью собственные внутренности, среди гноя и зловония… И не было заклинаний, способных уберечь от заражения. Для того, чтобы вылечить — были, но больной маг не может колдовать.

Но пройти мимо, словно ничего не случилось…

— Для тебя это опасно?

Тайрон покачал головой:

— Мы не болеем.

Уже легче. Значит, это только мой выбор. Может, и обойдется. А если нет?

— Я не могу уйти.

Тайрон схватил за плечи, резко встряхнул:

— Аларика, опомнись.

— Это моя жизнь!

— Нет. Я не хочу потерять тебя.

Мы смотрели друг на друга, казалось, вечность. Я колебалась:

— Тай, пойми… Я очень не хочу туда идти. Боюсь. Но если сейчас уйти… это будет неправильно, не по-людски. Просто отвернуться и оставить умирать… Я так не могу. Отпусти, Тай…

— Я был в чумном городе. Это страшно. Когда болезнь ушла, в живых осталось два десятка человек. Из нескольких тысяч. Мы заперли ворота снаружи и подожгли. Потому что хоронить мертвых было некому.

Я легко коснулась его губ, улыбнулась:

— Я тоже боюсь. Но по-другому не получается. Если хочешь, остановись неподалеку и подожди.

Он фыркнул:

— Не выдумывай. Я остался бы рядом, даже если бы мог заразиться. — Он помолчал. — Надо бы взять тебя за шиворот и

утащить отсюда.

— Этого я тебе не прощу, — тихо сказала я.

— Знаю. — Он взял меня за руку. — Пойдем, посмотрим, что с ним.

Мужчина в темной хламиде жреца лежал лицом вниз. Я аккуратно перевернула его на спину. Синюшное, отекшее лицо. Тонкая струйка крови из носа. Кожа на руках в мелких темно-багровых, почти черных точках. Тяжелое, хриплое дыхание… Сомневаться не приходилось. Чума. И, похоже, жить ему осталось недолго, если не вмешаться. Коснулась лба лежащего, прислушиваясь к его телу. Плохо…

Больной поднял тяжелые веки, посмотрел мутным взглядом:

— Лазар услышал мою молитву… — прохрипел он. Попытался подняться, неловко опершись о локоть и снова упал. Я вопросительно посмотрела на Тайрона. Тот кивнул, подхватил жреца на руки. Где-то в храме должна быть его келья.

Те четверть часа, что мы шли до храма, я усердно старалась не глядеть по сторонам. Не сейчас. Не смотреть, не слышать, не думать… Но никуда не деться было от удушливого запаха разлагающихся тел. Запаха смерти.

Жилище жреца Тайрон нашел быстро. Ногой отворил дверь, бережно опустил больного на лавку. Видно было, что служащий Лазару жил скромно: кадка с водой в углу комнаты, простая деревянная лавка, добротно сколоченный стол, одна-единственная табуретка. Единственная роскошь — полка с десятком книг.

Я с полминуты помедлила, вспоминая, что делать дальше. Беда в том, что я знала, как лечить чумных больных лишь по книгам. И маминым рассказам. Было дело, проходил как-то через нашу деревню странник. Упал прямо посреди улицы. Прибежали к нам. Мать пошла смотреть, что случилось, одна. И как только поняла в чем дело, всех, кто разговаривал с прохожим, да и просто столпился посмотреть, согнали в амбар и продержали две недели. А еду им под дверь подсовывали. Там мама и лечила больного. Староста в таких вещах слушался мою мать беспрекословно — оно того стоило. Вот и в тот раз зараза дальше не пошла. Из тех, кто был в амбаре, хвала богам, никто не заболел.

Справлюсь… должна справиться. Я стащила с больного одежду. Внимательно осмотрела. В паху и подмышками — багровые узлы. Все тело было покрыто той же темной сыпью, что и руки. На фоне этой черноты неестественно белым выделялись старые шрамы, идущие наискось через грудь. Четыре параллельные полосы явно были оставлены чьими-то

гигантскими когтями. Такие же шли поперек левого предплечья, словно человек пытался закрыться рукой… от кого? Впрочем, разве это сейчас важно? О чем я вообще думаю?

Я положила ладони по сторонам бубонов. Покрасневшая, горячая, натянутая кожа, готовая прорваться в любую минуту. Что ж, здесь, пожалуй, стоит и помочь болезни.

Кожа между моими руками лопнула, извергая гной, перемешанный с кровью. За спиной стукнула дверь — Тайрон вылетел из комнаты. Я вытерла гной заранее припасенной тканью, затянула оставшуюся рану. То же с другим бубоном.

Тайрон вернулся. С позеленевшим лицом, но спокойный. Я мельком глянула на него:

— В принципе, справлюсь одна.

— Хочу посмотреть. Никогда не имел дела с такими вещами.

— Как знаешь.

Оставалось самое сложное — убить заразу в крови, не дать человеку умереть от образовавшихся ядов, очистить от них кровь и залечить повреждения, вызванные болезнью. Всего ничего.

Жрец согнулся, начал задыхаться, закашлялся, сплевывая кровь пополам со слизью. Тело свела судорога. Все идет так, как должно — но сколько сил это требует… Наконец, больной затих. Я устало выпрямилась:

— Все. Через пару дней должен проснуться. Здоровым.

— Сама-то как? — голос Тайрона звучал озабоченно.

Похоже, вид у меня неважный. Немудрено. Сегодня больше никого вылечить не смогу.

— Это все надо выжечь. Хорошо, что камень — можно не сильно осторожничать…

— Давай, помогу.

Я кивнула. На полу заплясало бледно-голубое пламя — такое же как тогда, на дороге. Я внимательно следила за тем, как Тайрон контролирует огонь. Он пользовался магией не так часто, но уж если пользовался… мне оставалось только смотреть и учиться. Возникший из ниоткуда ветер вынес запах гари через распахнутые ставни. Я поднялась с табурета.

— Пойду, посмотрю, что тут творится. Но если больны все… я не справлюсь.

— Мы все еще можем уйти отсюда, — безразличным тоном заметил Тайрон.

— Нет. Я — уже не могу. Я останусь здесь десять дней после того, как выздоровеет или умрет последний больной. Если к тому времени не заболею сама.

Тайрон вздохнул, обнял за плечи:

— Десять дней можно прожить и в степи, не подходя к

людям.

— Поздно, Тай. — Я на миг прижалась лбом к его груди, мягко высвободилась. — Раз уж я в это влезла, надо довести до конца. Что смогу.

Я знала, что будет плохо. Но что это окажется настолько страшно… Тела были повсюду — у штакетников, во дворах, рядом с колодцем. Видимо, когда кто-то падал — остальные боялись — или уже не могли подойти и помочь. В некоторых хатах не осталось никого живого. Где-то двери были закрыты наглухо, и из-за хлипких стен грозили выйти с вилами, если сами не уберемся. И над всем плыл ничем не перешибаемый трупный запах. Наконец, я не выдержала. Бросила заклинание — лежащее рядом тело вспыхнуло. Запахло паленым. Я скривилась — час от часу не легче. Тайрон, не произнеся не слова, поджег соседнего. Так мы и ходили, словно огненные чудовища — пока на земле не осталось ни одного непогребенного тела. Когда-то деревня была большой. Сейчас в живых осталась едва ли треть. И неизвестно, сколько еще умрет. Один, может быть два излеченных в день — мало. Слишком мало. И как выбирать? Кого спасать первым? Ребенка? Или его мать? Или мужчину, который весной снова засеет поле?

Так же молча мы вернулись в храм. Эхо шагов шелестело под каменными сводами. Я остановилась, глядя на алтарь, увитый цветами.

Храм был посвящен Лазару. Когда-то, потеряв жену и наследника, этот веселый прежде бог отвернулся от мира. Увяли травы, сбросили листья деревья, снег и холод укрыли мир. Долго говорили с ним Отец Солнце и Мать Земля. Скорбь смягчилась, но не угасла совсем. И поныне, когда вспоминает Лазар своего первенца, жизнь замирает и приходит зима.

А еще Лазар был покровителем целителей. Моим покровителем.

Боги не вмешиваются в дела людей — это знают все. Жрецы, их служение и жертвы богам поддерживают устоявшийся порядок вещей. Да, каждый, излеченный целителем — дар Лазару. Этот дар, а не молитвы выражали наше служение. И, правду говоря, начав убивать, я потеряла право просить. Пойти против Дара — все равно, что поступать наперекор богу, который одарил им. Но эти цветы на камне… после сладкого, пропитавшего одежу и волосы, запаха тлена. После надсадно хрипящей женщины, качающей на руках уже мертвого младенца. После того, как в пламени тела шевелятся, словно жизнь еще не покинула их…

Я взмолилась. Наверное, впервые в жизни. Просила, захлебываясь, перебивая саму себя, объясняя. Объясняя тому, кто

сам испытал горечь безвозвратной потери, что так нельзя. Что это неправильно. Что все мы смертны и уйдем в свой час, но так — нельзя. Просила разума и сил спасти хотя бы тех, кто доживет до утра. Я не могла, не имела права просить у Лазара ничего — ведь на моих руках была кровь, а отнятие жизни не угодно ему. Пусть покарает меня за дерзость. Но сперва я сделаю все, чтобы спасти… хоть кого-то. А потом слова кончились, и я рыдала, опустившись на колени, обхватив себя руками, Раскачиваясь взад-вперед пыталась что-то лепетать. Тай присел рядом, мягко обнял, помог подняться. Отвел в келью, предназначенную для паломников — такие были при всех храмах. Молча зажег лучину, застелил плащом деревянное ложе, дождался, пока я затихну, бездумно глядя в пространство. Хмыкнул:

— Всякое я видел в жизни, но такой молитвы — не доводилось…

Я вопросительно посмотрела на него.

— «Послушай ты, старый хрыч, неужели тебе не жаль этих людей? Они ведь жить хотят — ты помнишь, как это — жить? Так какого рожна смотришь на все это? Неужели тебе все равно?»

— Я сказала не «все равно» — тупо поправила я.

— Ну да, — снова хмыкнул Тайрон. — Но дословно, с твоего позволения, повторять не буду.

Я не ответила. Тишина висела вокруг, обволакивая, точно липкая патока. Тихо, темно, неприятный холодок каменных стен. А за этими стенами гуляла смерть.

Я села, обхватив руками колени.

— Сколько их там?

— Не считал.

Негромко потрескивала лучина. Дрожащее пламя почти не давало света. Темнота и каменные стены давили, наваливались почти осязаемой тяжестью. Впрочем, дело было не в темноте.

— Мне страшно, Тай.

Хотелось закричать, грохнуть чем-нибудь об пол. Что угодно, лишь бы разбить эту жуткую тишину. Лишь бы не думать о том, что вокруг ходит черная смерть.

Тайрон придвинулся, молча обнял. Я перебралась к нему на колени, обхватив за шею, спрятав лицо у него на груди. Ладонь коснулась кожи, скользнула вдоль ворота.

Страх сидел внутри ледяным комом. Все что угодно — лишь бы забыть о нем.

Тайрон отстранился, заглянул в лицо. Я не отвела взгляд. Потянула вверх его рубаху.

Прижаться, раствориться, забыться, забыть… Забыть хоть на миг все, что творится в этой проклятой деревне. Ощутить, что

рядом кто-то живой. Что я пока жива.

Тай освободился от рубахи одним быстрым движением. Следом на пол полетела моя. Сапоги глухо бухнули о камень. Прошуршала кожа штанов. Я сидела на коленях у Тайрона, вцепившись в его плечи так, словно на всей земле не было больше опоры. Кожа к коже, плоть к плоти, губы к губам. Страсть нахлынула, смывая разум, не оставив в мире ничего, кроме мужчины рядом…

— Теперь не страшно?

Я потерлась щекой о его плечо:

— С тобой — ничего не страшно.

Он улыбнулся, взъерошил мне волосы.

— Я люблю тебя.

13

Не спалось. Мысль все крутились вокруг умирающих — там, в деревне. Как спасти если не всех, то хотя бы большую часть? У меня с собой был изрядный запас трав — но одни травы не помогут, нужна магия. А сил на всех не хватит.

Я запалила лучину, зашла в келью жреца. Там были книги, надо посмотреть внимательнее, может, найду что-то интересное. У служащего Лазару должны быть труды по магии исцеления. Вдруг там будет решение. Может быть, я просто чего-то не знаю. Страница за страницей оставались позади. Ничего. Ничего такого, чего бы я уже не знала. Ну, если не считать болезней скота и способов их лечения — там, где я жила, этим занимались травники — мама не снисходила до таких вещей.

Тай неслышно возник сзади, поставил на стол горячую кружку.

— Что б я без тебя делала?

Он не ответил, заглянул через плечо, перелистнул несколько страниц.

— Здесь ты ничего не найдешь.

— Похоже на то, — неохотно признала я. Но книгу не отложила. Вдруг?

Тайрон склонился ниже, положив подбородок мне на плечо, обнял:

— Ты не можешь спасти весь мир. Никто этого не может.

Я кивнула, прижалась к его щеке. Знаю. Все знаю — но почему же так холодно от доводов разума? Упрямо долистала до конца — так и есть, ничего. В остальных книгах были рецепты травников, да летописи. Интересно — но потом. Сейчас пока не до того.

— Пойдем спать?

Я кивнула, изогнулась, разминая уставшую спину. Подняла свою дорожную сумку — совершенно забыла о ней, занявшись больным жрецом. Замерла на миг — а если?

Признаться, «родник» я давно выучила наизусть. Там не было ничего про чуму. Но почему-то внутри сидело ощущение, что именно в этой книге я найду ответ. Я перебирала листы пергамента с описанием ран, и возможными проблемами беременности. Не то… все не то.

— Здесь нет ничего про людские хвори, — заметил Тай.

— Зато есть про… Ну вот же оно! — я рассмеялась, протягивая эльфу нужный лист. Тот пробежал его глазами, недоуменно посмотрел на меня.

— При чем здесь мор среди животных?

— Вода, Тай! Ваши целители зачаровывали родники, чтобы остановить мор — не будешь же бегать по лесу за каждым зверем? Надо только подумать… какое заклинание лучше сгодится.

Взять не воду, а травяной сбор — травы меняют магию, что-то усиливают, что-то ослабляют — это всегда приходится учитывать, сочетая колдовство с отварами. Значит построить заклинание, убивающее заразу наложить на очищающий кровь сбор. С одного раза, правда, так никого не вылечить — придется поить несколько раз… и все равно самые тяжелые уйдут, но… Еще поправки на то, что вода будет не проточная, а после огня… Я выдернула лист пергамента из кипы на столе, стала лихорадочно покрывать его закорючками и стрелками — в подробных записях нужды не было, но чиркая пером, легче сосредоточиться. Да, вот оно, решение.

Тайрон внимательно слушал.

— Должно сработать. — Сказал он, наконец.

Я снова рассмеялась, повиснув у него на шее.

— Сработает! Обязательно.

Тай должен бы рассмеяться вместе со мной, закружить… вместо этого он бережно снял мои руки с плеч, посмотрел — долго, пристально, так, что под этим испытывающим взглядом стало неуютно.

— Думаешь, где-то просчет?

Он помедлил.

— Нет, логически все верно. Но… Уверена, что справишься?

Сил, конечно, сожрет немало, но ничего страшного. Если все пойдет, как задумано… бывало и хуже.

— Я не о силе. Поделюсь, если что, да не так уж много и надо. Но тебя хватит на то, чтобы удержать все ветви заклинания?

А вот это — да. Вопрос. По логической структуре заклятье получилось еще то… придется параллельно творить несколько линий, причем так, чтобы они шли синхронно, а потом свести все воедино.

Я закрыла глаза, потянулась к магии — так менестрель беззвучно касается пальцами струн, обдумывая новую мелодию.

— Должно получиться.

Тай кивнул.

Утром я вскочила едва ли не с заходом солнца. Нашла в храме здоровенный котел — тот выглядел не новым, но и не походил на вещь, которой пользуются постоянно Интересно, сколько народа жило здесь в хорошие времена? Перебрала свои запасы трав, отбирая нужное. Тай помог натаскать воды — пришлось идти к реке, в колодце посреди деревни плавало уродливо вздувшееся тело. Разожгла огонь под котлом. В

последний раз призадумалась, мысленно перебирая все, что предстоит сделать. Слега познабливало — от волнения, наверное. Положила первую вязанку душицы в закипающую воду и начала заклинание.

Что-то было не так. Словно открылась бездна, в которую ухнули все силы. Это заклинание было сложным в построении, но вовсе не требующее немереной силы — и тем не менее, уже через пару минут мне пришлось схватиться за руку Тайрона. Его сила заструилась сквозь меня… все в ту же бездну, словно вода сквозь решето. Что происходит??? Надо собраться и дочитать до конца, иначе сорвавшееся заклинание все разнесет напрочь. Но где я просчиталась? Не отвлекаться, работать… Я попыталась сделать очередной вздох, и застыла, оборвав фразу на полуслове. Грудь пронзила такая боль, с которой едва ли могла сравниться приснопамятная стрела. А в следующий миг Тайрон швырнул меня на пол, рухнув сверху. Кажется, он что-то крикнул — все потонуло в грохоте шарахнувшего котла. Над нами пронеслось что-то похожее на огненный ураган, и стало тихо. Тай медленно поднял голову, кажется, собрался что-то сказать… и вдруг уставился на меня так, словно видел впервые. Впрочем, мне было не до того — я отчаянно пыталась протащить воздух сквозь кинжальную боль в груди. Кружилась голова — то ли от недостатка воздуха, то ли от сорвавшегося заклинания.

Тайрон коснулся моего лба — ладонь показалась ледяной. Я мотнула головой, сбрасывая руку — мерзнет он что ли? Может быть, после того, как он прикрыл нас от буйства сорвавшейся с цепи магии. Сил, наверное, потребовалось… Да что ж так больно?

— У тебя жар.

Голос был спокойным, но взгляд… Страх? Что происходит???

Я попыталась подняться — ноги подкосились. Скрючилась, сидя на полу, прижав ладони к ребрам. Тай присел рядом на корточки:

— Как ты?

— Холодно… — тело и в самом деле колотила дрожь, даже зубы застучали. Откат, наверное, такое бывает… выпить чего-нибудь горячего, и все пройдет.

— Сейчас встану… подожди, голова кружится… — Почему он так на меня смотрит? Неужели?.. до меня, наконец, дошло. Голос сорвался на шепот:

— Так быстро?

Неправда… Это просто какой-то непредвиденный эффект непроверенного заклинания. Сейчас отдышусь, и все пройдет.

А кого, собственно, я обманываю?

Тайрон не стал проверять, смогу ли я подняться — просто

подхватил на руки. Отнес к несобранной с утра постели, укрыл одеялом прямо поверх одежды, потом еще одним — и все равно было холодно.

— Там у меня в травах были от лихорадки… Разберешься?

Он кивнул, чуть отстраненно, с миг помедлил, шагнул к выходу.

— Постой! Не оставляй меня одну…

Мысли путались — наверное, о стороны я выглядела странно. Ладно, не до того пока. Почему, ну почему я вовремя не вспомнила, что чума может проявиться уже через сутки после того, как с ней впервые столкнешься? Почему я не сделала все ночью, как только поняла принцип заклинания? Сейчас бы у меня было лекарство… и не только у меня.

— Аларика, я никуда не денусь. Только сварю что-нибудь, хотя бы от жара. Поспи пока.

Я помотала головой — мир тут же поплыл вокруг.

— Нет. Боюсь. Что закрою глаза, и… и все.

Он вздохнул, склонился надо мной — глаза в глаза:

— Я тебя ей не отдам. Не бойся.

— Она не спросит, Тай…

Эльф усмехнулся — жестко, словно перед боем.

— Посмотрим. Отдыхай.

Я смотрела в его уходящую спину. Бесполезно… все бесполезно. Обычно все заканчивается в два дня. Разве что чудо случится. Я засучила рукава, внимательно осмотрев руки. Темной сыпи пока не было. Пока…

Зачем я сюда полезла? Самоуверенная дура — говорили же тебе. Говорил… «Надо бы взять тебя за шиворот и увести отсюда» Так чего же не увел — в благородство играл? Доигрались…

Что-то Тайрона долго нет. Неужели он решил… Только бы и вправду не вздумал… вчера я так подробно рассказала, что собираюсь сделать… он может попробовать. Только что он прикрыл меня от буйства стихий, что случается, когда срывается заклинание — а кто прикроет его? Да, он колдун, каких мало, но он воин — с даром бесполезно бороться, он приемлет только свою магию… Ведь тогда, с Митейтель Тай не мог справиться, а сейчас…

Так, хватит накручивать себя. В конце концов эльф далеко не дитя.

Грохнуло так, что дрогнули стены. Я подскочила, на миг даже забыв про слабость. Пол попытался взбрыкнуть — или это подкосились ноги — но я уже распахнула дверь. Пришлось вцепиться в косяк, чтобы не упасть. Сейчас… переведу дыхание и… Каждый резкий вздох отзывался болью. Сейчас…

Тай вошел со двора. Обожженная полоса на щеке, опаленные волосы. Но глаза целы. Успел все-таки, прикрылся. Живой… Маленький котелок в руках. Неужели?..

Тайрон поймал мой взгляд, едва заметно покачал головой и отвел глаза. Значит, нет… Глупо, но я все-таки надеялась, что получится. Надеялась на чудо — потому что больше не на что. Два дня…

— Почему ты меня сюда пустил?

Эльф вздрогнул, как будто я его ударила. Промолчал. Сел, опираясь спиной о стену, прислонился к ней затылком, глядя прямо вперед, мимо меня. Сказал — не о том:

— Здесь кора ивы… полынь, душица. Еще кое-что… И наговор — самый сильный из того, что я могу. Решил, что сперва на всякий случай сделаю то, что знаю, потом… То заклинание, что ты составила… — Он замолчал на миг. — Не вытянул.

Пальцы разжались, и я сползла на пол:

— Прости… сама не понимаю, что несу.

Он усмехнулся.

Я притянула колени к груди, опустила на них голову. Слезы бежали по щекам, капали на штанины. Я не пыталась их скрыть, без толку.

Зачем я полезла сюда? Отдать долги — Лазару? Себе? Дару? Глупо — богам нет дела до людей. До чего же глупо все вышло — глупо и бессмысленно. За что мне это все? Ну да, сама виновата — но почему именно сейчас? Сейчас, когда я только-только начала заглядывать в завтра? Когда захотела жить — не цепляться за жизнь, не выживать — а жить… Когда поняла, что люблю и любима. Я думала, что не боюсь смерти. Костлявая стояла за плечом с той самой ночи… Но как же, оказывается, страшно… Не уходить, нет — все там будем. Страшно потерять… навсегда. И ничего с этим не сделать — только цепляться за каждый стремительно ускользающий миг, такой короткий по сравнению с той вечностью, что будет потом. Вечностью без него — потому что у нас разные небеса… Тай подвинулся ближе, усадил на колени, обнял. Я спрятала лицо у него на груди, не переставая плакать. Он баюкал меня, точно ребенка, гладил по волосам, что-то шептал — я не вслушивалась. Только слезы все бежали и бежали, и я не пыталась их останавливать. А еще у Тайрона подрагивали руки — и от этого становилось еще страшнее. Он всегда был таким спокойным и уверенным, таким надежным…

Я вдруг поняла, что он тихонько поет — на своем языке. Колыбельная?

— Спи. Уже приходит время, Осень властвует над всеми,

Вдоль стены крадутся тени, Меркнет тишина. Ветер капает из окон, Цвет из полузвуков соткан И, залезшая высоко, Смотрит вниз луна…

Я отстранилась, встретилась с ним взглядом. Тай улыбнулся одними глазами, снова притянул к себе. Теплый негромкий голос. Теплое кольцо рук…

Я, наконец затихла. Он тоже замолчал. Да и о чем говорить?

Где-то внутри разгорелся кашель, навалился, скрутил, заставил вывернуться из осторожных объятий Тайрона, скорчиться на полу, едва ли не выкручивая легкие наизнанку. Рот наполнился вязким, густым, с отчетливым привкусом крови. Как же быстро все… этак у меня и двух дней не будет.

Я медленно села, дрожащими руками приняла у Тайрона котелок с уже остывшим взваром, хлебнула через край терпкую горечь. Скривилась:

— Гадость какая. Меда пожалел, что ли?

— Пей, и не привередничай, — хмыкнул он, — а то в следующий раз вообще мышьяка положу.

Я попробовала встать — не вышло. Как же сюда-то добралась?

— Тогда уж лучше рвотный орех.[1] Хоть чесноком вонять не будет.

Тай поднял меня на руках:

— Где я тебе его найду посреди степи?

Боги, до чего же мерзко ощущать себя полностью беспомощной…

— Можно подумать, тут медная руда на каждом перекрестке — мышьяк добывать.[2]

— Давай сойдемся на болиголове. — Тай опустил меня на постель, осторожно устроился рядом.

А может, в самом деле попросить его намешать что-нибудь эдакое… Похоже, у меня и вправду жар. Это всегда успеется. Да и куда торопиться — и так недолго осталось…

То ли от трав, то ли от заклинания — но стало чуть легче. Правда, вместо озноба нахлынул жар, и голова по-прежнему кружилась… но хотя бы каждый вздох не отзывался болью. А еще стало ощутимо клонить в сон.

— Красавку[3] -то зачем туда подмешал? — проворчала я.

— Тебе надо поспать.

— Ничего ты не понимаешь, — я спрятала лицо у него на груди. — И без того времени мало.

— У тебя будет много времени. Когда выздоровеешь.

Я безнадежно усмехнулась. Чуда не будет.

— Не смей сдаваться, слышишь! — в голосе Тайрона вдруг

прорезался приказ.

Я отстранилась, изумленно глядя на эльфа. А тот продолжал:

— Если ты умрешь — он победит. Все, через что ты прошла, все, что смогла преодолеть, окажется зря.

— Мне все равно.

— А мне нет. Потому что если ты умрешь — мне останется только сделать то же самое. Раз уж вовремя не увел тебя отсюда. Понадеялся на кровь…

— Не смей…

Я поверила — он говорил спокойно, как о чем-то решенном — и совершенно незначительном. Ни надрыва, ни пафоса — спокойная констатация.

— А там мы не сможем встретиться. Так что решай.

— Тай, ты… — я задохнулась, подбирая слова. — Ты нелюдь.

— Я знаю, — усмехнулся он.

Я устало закрыла глаза. Вот ведь тварь! Убила бы…

А потом пришел то ли сон, то ли бред.

Я потеряла счет времени, то засыпая, то просыпаясь снова. И каждый раз, открыв глаза, видела рядом Тайрона. Вцеплялась в его руку, как ребенок вцепляется в тряпичную куклу, прячась под одеялом от чудовищ из ночных кошмаров. О чем-то говорила. Послушно выпивала то, что он мне давал. Кажется, плакала — не помню. Помню только, что каждый раз, открывая глаза, встречала его взгляд. И снова проваливалась в беспамятство.

Потом промежутки между забытьем, кажется, стали длиннее… пока однажды, проснувшись я поняла, что можно больше не бояться.

Я долго лежала прислушиваясь к себе. Наконец, открыла глаза, обернулась на шорох, раздавшийся сбоку. Человек средних лет в темной одежде жреца стоял, прислонившись к стене, и смотрел на меня. Увидел, что я собираюсь заговорить, мотнул головой, прижав палец к губам. Указал взглядом напротив и заговорщицки улыбнулся. Я обернулась. На лавке подле кровати сидя спал Тайрон. Я замерла, глядя в его лицо, почувствовав, как губы сами собой растягиваются в улыбке, а где-то внутри просыпается теплая нежность. Захотелось тихонько уложить его, укрыть одеялом и долго-долго сидеть рядом… просто глядя на это лицо. Осторожно, чтобы не разбудить, перебирать его волосы. Просто быть рядом… и ничего больше.

Я совсем забыла, что нельзя долго глядеть на спящих. Тай шевельнулся и открыл глаза. Не знаю, сколько времени мы просто смотрели друг на друга. Потом он коснулся моего лица. Я прижалась щекой к его ладони и закрыла глаза. Времени не было места. Ничему не было места. Только он и я.

Тихо скрипнула притворившаяся дверь — жрец счел, что он здесь лишний. Правильно сделал.

— Опять не спал?

— Нет, — улыбнулся Тай.

— Иди сюда, — я отодвинулась к краю.

Тайрон кивнул, вытянулся рядом, обнял. Я устроила голову у него на плече, уткнулась носом в рубашку.

— Все кончилось?

— Все кончилось — подтвердил он. — Дальше просто. Завтра поставлю тебя на ноги. Отосплюсь только…

— Поставишь ты, — хмыкнула я. — Сам того и гляди свалишься.

— Не спорь со старшими, — зевнул он.

— Не буду. Тай… спасибо. Спасибо за все.

Он промолчал. Коснулся рукой подбородка, заставляя поднять лицо.

— Как же ты меня напугала…

Я виновато улыбнулась.

Тайрон взъерошил мне волосы, хмыкнул:

— Как у тебя это выходит? Каждый раз думаю — ну, вроде, все уже, всеми страхами пуганый. И каждый раз ты тут же подкидываешь что-нибудь новенькое.

— Ну… сам ведь жаловался на скуку.

— Да уж, с тобой точно скучать не приходится.

— А то не видел, с кем связываешься.

Он снова зевнул:

— Видел. Спокойной ночи.

— Так день на дворе!

— Неважно. — Он закрыл глаза.

Я тихонько погладила его по щеке, поерзала, устраиваясь поудобнее — и тоже уснула.

Когда я проснулась, ставни были закрыты. В узких полосах света, падавших на камень, плясали пылинки. Я перевела взгляд на Тайрона — спит. Умаялся, бедный — сколько ж он со мной возился? Надо у жреца спросить, как его там… Выздоровел. Хоть кому-то успела помочь. Ладно, об этом сейчас не буду думать, об этом потом. Сейчас надо попробовать встать… и найти что-нибудь поесть. Есть хотелось невероятно — кажется, я действительно выздоравливаю.

Я осторожно села — сразу накатила дурнота. Пришлось посидеть на краю постели, пока голова не перестала кружиться. Отвыкла. Сколько ж я провалялась?

На то, чтобы одеться и причесаться, ушло не меньше четверти часа. Каждое движение давалось так тяжело, будто на руки и ноги

навесили грузила вроде тех, что рыбаки привязывают к сетям. Да еще и одышка. Так… поставит на ноги завтра, как же. Нет, конечно, теоретически все просто — просто поделиться силой. Только, похоже, ее понадобится столько, что Тай сам ляжет пластом… может, конечно, не сляжет — но проверять не хотелось. Когда он проснется, надо спросить — насколько мы торопимся отсюда уйти… и если спешить некуда — проще остаться здесь на пару недель и позволить телу прийти в себя самостоятельно. Я осторожно выпрямилась — повело в сторону, но удержаться на ногах все-таки получилось. Интересно, когда дети учатся ходить, они чувствуют себя так же? Я хихикнула, каких только глупостей в голову не лезет. А вот и дверь. Теперь по стеночке, аккуратно. Так, вроде расходилась. Отлично. Я оторвалась от стены — если поведет в сторону, всегда успею опереться.

Жрец обнаружился в зале, служившей кухней — копошился у очага. Услышав мои шаги обернулся — и тут же бросился ко мне.

— Госпожа, упадешь!

Я отодвинулась, с трудом подавляя соблазн повиснуть на нем. Ничего крамольного в этом, конечно, не было — просто так хочется расслабиться… именно что почувствовать себя слабой и беспомощной — и пусть мужчины жалеют и хлопочут вокруг. Только в этой игре плохо то, что разум слишком быстро в нее верит — и силы действительно деваются неизвестно куда. Нет уж, сейчас обопрусь — потом точно обратно нести придется.

Я все-таки дошла до лавки своими ногами — один раз отодвинутый жрец больше не попытался ни поддержать, ни вообще как-то прикоснуться. Мужчина как-то странно посмотрел на меня — и отвесил земной поклон:

— Госпожа…

— Сдурел что ли! — я бросилась его поднимать. От резкого движения снова закружилась голова — и пришлось вцепиться в него по-настоящему… в общем, кто кого в итоге поднял — не разберешь. Наконец, снова ощутив под собой твердую поверхность, я подняла глаза на жреца:

— Ты в своем уме?

— Я обязан тебе жизнью, госпожа.

— Это повод разбивать лоб о камень? — фыркнула я. Странно — раньше меня не смущали бурные выражения благодарности. Наверное, потому что раньше я не чувствовала себя виноватой. Да, его жизнь… а скольких не вышло. Не думать об этом, пока не думать… — И перестань обзывать меня «госпожой». Я Аларика. Как называть тебя?

— Ортон.

— Ортон, здесь найдется что-нибудь поесть? И перестань смотреть на меня так, будто перед тобой чудище о пяти головах.

— Наверное, это я виноват, — в дверях стоял Тайрон, и, выражение лица у него было совсем не виноватое. Похоже, он откровенно развлекался. — Дело в том, что когда ты слегла, я был… несколько не в себе. И когда наш хозяин очнулся, то объясняя ему, кому он обязан жизнью… боюсь, я наговорил лишнего. Прошу прощения.

Вообще-то жрец не походил на человека, которого легко напугать, просто наговорив лишнего. Дар… боевой маг? Я уставилась на Ортона, позабыв о приличиях. Боевой маг… и не из слабых. Невозможно! Отказаться признать свой дар, как поступил Рик… такое бывало, и часто — но уйти служить богу — полной противоположности покровителя своего дара? Должно было случиться что-то совершенно из ряда вон. Ладно, хватит — одернула я себя. Не мое дело. Тем более, что убивающий целитель — тоже редкая птица. Хорошо, боевой маг. Напуган? вряд ли. В его отношении ко мне не чувствовалось страха — только совершенно неуместное почтение. Как будто я была старше его на четверть века… или на несколько сословий. Выглядел он ровесником моего отца, что до титулов — я мысленно окинула себя взглядом. Да, вид еще тот. Простая холщовая рубаха, широкие кожаные штаны, грубые сапоги. Еще и волосы стриженые. Хороша «госпожа».

Тайрон меж тем уже стоял у меня за спиной, положив ладони на плечи. Я чуть откинулась, прижимаясь затылком к его животу. Не слишком прилично так вести себя на людях — плевать. В конце концов, этот жрец и так видел более чем достаточно, для того, чтобы сделать выводы.

— Не думаю, что стоит повторять при твоей жене все, что было сказано, — мягко заметил Ортон. — Мы оба наговорили лишнего.

Интересно, что же случилось, пока я валялась без сознания… Стоп, что он сказал? Жене?

Чтобы увидеть лицо Тайрона пришлось едва ли не вывернуть шею. Тот поймал мой взгляд и едва заметно кивнул. Так… он что — врет ради спасения моей репутации? Совсем с ума сошел? Или просто не понимает?

Ортон подал на стол. Простая пшеничная каша показалась удивительно вкусной. Мужчины тихонько переговаривались — ничего интересного. Будь дело в другом месте, это бы называлось обычной светской беседой. Тайрон пересказывал последние новости — то, что было последними новостями, когда мы уходили из Ривеллена. Надо же, обращал внимания на разговоры

на улицах. Но неужели сюда совсем не доходят вести? Ортон слушал очень внимательно, иногда переспрашивал. И — еще одна странность — с эльфом он вел себя, хоть и чуть снизу вверх, но все же, как давний хороший знакомый. Ну, положим, у них было время узнать друг друга… Я устало вздохнула. Хоть бы раз что-нибудь оказалось простым и понятным. Поставила на стол пустую кружку.

— Пожалуй, мне стоит лечь. Тайрон, поможешь?

Тот кивнул, подхватил под руку.

Старая как мир уловка — на самом деле, если уж я добралась сюда самостоятельно — то и вернуться смогу, пусть и опираясь о стену. Похоже, Тай тоже это понял — потому что вел меня подчеркнуто бережно — до тех пор, пока за нами не закрылась дверь. Тогда он просто сгреб меня в охапку и потащил. Я попыталась было возмутиться — тщетно.

— После тяжелой болезни нужно лежать и выздоравливать. Ты слишком рано вскочила. — Голос был спокойным, но в глазах прыгали смешинки. Он что, всерьез считает, что если я рассержусь, то не стану задавать вопросов?

— Если ты меня сейчас же не выпустишь, я завизжу.

— Можешь начинать, — хладнокровно сказал он. — Заработаешь звон в ушах — и все. Никто не станет вмешиваться в то, что происходит между мужем и женой.

Он опустил меня на кровать. Я резко села, обхватив руками колени:

— Тай, к чему эта ложь? Если дело в моем добром имени — спасибо за заботу, конечно, но незачем. Нельзя потерять то, чего нет.

— Ложь? О чем ты?

— Тай! — я прикрыла глаза, медленно вздохнула. Сейчас или заору на него, или расплачусь. Замечательно. Неужели он действительно не понимает, в чем дело?

— Я не знаю другого слова для того, чтобы сказать, что ты значишь для меня. — Тихо произнес Тайрон. — Больше, чем возлюбленная. Ближе, чем друг. Та, кому я могу доверить свою спину — и знать, что не получу нож под лопатку, ни в прямом ни в переносном смысле. Та, кого буду защищать до последнего — не потому что должен… Просто потому, что ты — моя женщина. Моя жена.

Все-таки расплачусь.

— Тай, ты понимаешь, что это значит для меня?

Он придвинулся ближе, взял мое лицо в ладони:

— Понимаю. Иначе бы не сказал то, что сказал сейчас. Не плачь.

— Не буду. Обними меня…

Я так и уснула — сидя у него на коленях.

Проснулась я уже в сумерках. Тайрон сидел у окна, что-то читал. Поднял голову, почувствовав мой взгляд, улыбнулся:

— Есть будешь?

— Буду. — Я вылезла из-под одеяла, начала одеваться. — Безобразие какое-то. Ем, да сплю.

— А что ты хотела после такой болезни?

Я выпрямилась — ноги держали и голова не кружилась. Так, похоже, без магии тут дело не обошлось.

— Ты подкинул сил, пока я спала?

— Да. Быстрее выздоровеешь — быстрее отсюда уйдем. Не то, чтобы мы очень торопимся — но и задерживаться на одном месте смысла нет.

— Спасибо.

Он хмыкнул:

— К тому же утром ты выглядела совсем неважно.

— Умеешь говорить приятные вещи.

Я провела гребнем по волосам. Начинающие отрастать пряди лезли в глаза, щекотали шею. Что же с ними делать — ни гребень ни заколка еще не удержат, а случись что на дороге, будет некогда челку с глаз смахивать. Где-то я слышала, что когда в моде были гладкие прически, дамы смазывали волосы отваром льняных семян — но помогает ли это? И спросить, конечно, некого — не у жреца же выяснять? Кстати, о нем…

— Ты можешь сказать Ортону, чтобы он перестал смотреть на меня снизу вверх? Мне от этого очень неуютно.

— Скажи сама, — пожал плечами Тай. — А почему неуютно?

— Потому что не могу понять, с чего бы такие почести.

— Того, что ты спасла ему жизнь, рискуя своей — недостаточно?

— Ну, когда я в последний раз провернула нечто подобное, то в результате услышала, что зря старалась.

— Когда это? — Тайрон недоуменно уставился на меня. Расплылся в улыбке, поняв, о чем я. — Ревнуешь что ли?

Я почувствовала, как под его насмешливым взглядом щеки заливает краска.

— Нет!

— Ревнуешь, — он рассмеялся. Обнял, взъерошил мне волосы.

— Ну… да. Глупо, прости.

Он вдруг стал серьезным:

— Хочешь, в ближайшем же городе зайдем в храм Люты? Если тебе нужен обряд, чтобы чувствовать себя спокойней.

Я посмотрела ему в глаза:

— Тай, у тебя другие небеса — значит и другие боги?

Он кивнул.

— Значит… тогда боги не примут обряд, и он превратится в пустое соблюдение приличий. Смысл?

— Если говорить честно, — медленно произнес он, — я вообще не понимаю, почему вы вмешиваете богов в свои дела. Зачем тащить кого-то еще туда, где должны быть только двое?

Зачем? Странный вопрос.

— Так было всегда… Тогда и благословения родителей просить незачем.

— А разве любящие родители могут не благословить?

Я вздохнула:

— Тай, ты же не первый день живешь среди людей. Прекрасно знаешь, что еще как могут.

— Я сказал «любящие родители». У нас бы в голову никому не пришло не дать благословения… могут попросить подумать еще раз, если родителям кажется, что возлюбленный их ребенка не слишком подходящая пара. Но отказать — никогда. Там, где дело касается двоих, места нет никому. Ни богам, ни родителям. Ведь это не их жизнь.

Я долго молчала, размышляя.

— У вас ведь не выдают девушку замуж, едва она становится способна рожать? И не женят юношу чуть ли не сразу после того, как он получает право на взрослое имя. Что может решить тот, кто еще не знает ни жизни, ни людей?

— Ну да, умирать в бою… или родами право есть, а решать, с кем делить остаток жизни — нет. Но в чем-то ты права. Нам торопиться некуда.

— Мы слишком недолго живем для того, чтобы позволить себе такую роскошь — не торопиться.

Тайрон грустно улыбнулся, обнял — крепко-крепко. Я замерла на миг, прижавшись к нему всем телом, потом высвободилась, мотнула головой:

— Ладно, хватит о плохом. Пошли ужинать.

Он начал было открывать дверь, остановился, коснувшись ручки:

— Когда мужчина понимает, что с этой женщиной он хотел бы разделить свою жизнь — и она согласна — достаточно прилюдно назвать ее женой. Что я и сделал.

Я проглотила внезапно вставший в горле ком.

— Да.

Он кивнул. Открыл, наконец, дверь. Взял за руку.

— Пойдем.

14

Большую часть времени Ортон проводил в деревне. Ухаживал за выздоравливающими — теми, кто еще не встал на ноги, и за кем некому больше было ходить. Эпидемия пошла на убыль, новых заболевших не появлялось. И — самое странное — новых мертвецов тоже не было.

На следующее утро он позвал с собой Тайрона. Тот окинул меня оценивающим взглядом:

— Останешься одна?

Я пожала плечами:

— Ну вроде не младенец, найду, чем заняться. Моя помощь точно не нужна?

— Еще как нужна, — вздохнул жрец. — Но…

— Насколько я понял, там уже нужна сиделка, а не лекарь — сказал Тай. — В любом случае, колдовать сейчас не можешь. И, прости, проку с тебя…

Я кивнула. На самом деле, не очень-то и хотелось. Было просто страшно высунуть нос за стены храма и снова увидеть то, во что чума превратила богатую деревню. Знать, что ничего не смогла сделать — одно, увидеть воочию — совсем другое. Будем уходить, тогда и… тем более, что я действительно ничем не могу помочь. Тело чувствовало себя более-менее сносно — небольшая слабость, не больше — но магия пока и не думала возвращаться. Ладно, найду чем заняться. Только попрошу Ортона показать, где здесь что.

Домашнюю работу никогда не переделать — особенно, если отдыхать каждые четверть часа. По стенам уже не носило, но малейшее усилие — да просто выволочь ведро воды из бочки, перелить в котел и поставить греться — и приходилось восстанавливать дыхание. Вымыть посуду, оставшуюся от завтрака. Приготовить поесть — благо, печь растоплена с утра. Давненько мне не приходилось готовить еду под крышей и в нормальном очаге. Привести в порядок одежду после долгой дороги. Ничего особенного, но эта простая, обыденная женская работа почему-то успокаивала. Вроде и делом занята, и одновременно есть время подумать. А подумать было о чем.

Вчерашний разговор никак не шел из головы. Слишком уж неожиданно все случилось — слишком странно. Я давно запретила себе думать о будущем — какое уж тут будущее, если каждый день не знаешь, придет ли завтра. А сейчас вдруг раз за разом ловила себя на том, что начинаю заглядывать вперед. Нет, не туда, где был этот треклятый посох и дворцовые интриги — а

гораздо дальше. Туда, где можно забыть, как носят кольчугу, и как держат меч. Где завтрашний день так же тих и безмятежен, как сегодняшний. Когда-нибудь все так и будет. Свой дом и… и Тай.

— Ни разу не видел, чтобы ты так улыбалась.

Я подняла глаза от шитья — Тайрон стоял в дверях. Как он умудряется двигаться настолько бесшумно? Или это я задумалась так, что и грома небесного не услышала бы? Он сел рядом, обнял:

— Так… безмятежно. Как будто на самом деле ты вовсе не здесь — а где-то… где только покой и счастье. О чем ты думала?

Я прижалась к его плечу, смущенно улыбнулась:

— О нашем доме. Что когда-нибудь все это кончится — и не надо будет никого бояться. Что у нас будет дом.

— Будет. Это я тебе обещаю. Дом, где ты не будешь бояться. Никогда и никого.

Обнял покрепче, коснулся губами моих волос:

— Пойдем… Ортон отказывается садиться за стол без тебя.

На самом деле, есть не хотелось. Остаться бы здесь, просто сидеть, обнявшись, не думая ни о чем. Но спорить с хозяином дома — последнее дело. Я кивнула и поднялась.

После ужина из трапезной никто не ушел. Мы сидели вокруг камина и разговаривали. Я устроилась на полу — за время в дороге, оказывается, отвыкла от лавок — опершись спиной о колени Тайрона. Слушала, почти не встревая в разговор, который как-то плавно ушел ко временам учебы Ортона в академии.

— Теория алхимии была — скукотища смертная… и как раз лектор из аудитории вызвали на пять минут. Не помнишь, кто первый сказал, что неплохо бы смыться?

— Ирвилл, — хмыкнул Тай. — Он же вечно был заводилой. И вечно умудрялся выйти сухим из воды.

Так. Вот, значит, откуда они знакомы. Мило. Встреча однокашников после двух десятилетий. Но Тайрона я прибью, едва мы останемся наедине. Не даны ему людские заклинания, значит…

Ладонь Тайрона успокаивающе легла мне на плечо, вторая коснулась волос. Я заставила себя расслабиться. Все выяснится в свое время.

— Да, зря что ли его везунчиком прозвали… А как так вышло, что я на спор сказал — что вот сейчас возьму и сбегу с лекции — не помню. И сиганул в окно со второго этажа.

— Так торопился, что даже толком не огляделся.

Ортон улыбнулся:

— Не так уж высоко и было. Самортизировал, как полагается

— зря что ли нас на рукопашной гоняли… выпрямляюсь — и сталкиваюсь нос к носу с ректором.

Я невольно хихикнула. Повезло, называется. Говорят, норов у деда был крутой…

— Привел обратно под белы руки и вежливо так у лектора спрашивает — что же такое он читал, что слушатели из окон прыгают?

— На выпускном потом тебе это не припомнили? — поинтересовался Тайрон.

— Может, и собирался… — Ортон помрачнел. — Хотя вряд ли. Хороший был мужик…

— Да, — тихо подтвердил Тай.

Разговор увял. Посидев еще немного, мы разошлись.

— Ты говорил, что не можешь повторить человеческих заклинаний. Что люди не видят твоих. — Сказала я, едва дождавшись, пока дверь закроется за спиной.

— Так и есть. — Не смутился эльф. — Иллюзия. Если можно создать иллюзию зрительную — то почему бы не изобразить те ощущения, что возникают при столкновении с чужим колдовством? Смотри.

Над его ладонью повис шар света. Вроде бы обычный — такими деревенские колдуны развлекают ребятишек. Но… и в самом деле, иллюзия. Под верхним слоем того, что создавало ощущение обыденности, прятались истинные заклинания. Действительно не имевшие ничего общего с теми, с которыми работают люди. Если бы я не чувствовала эльфийскую магию — никогда бы не поняла, что к чему. Но сил на это надо…

— Но зачем?

Он пожал плечами:

— Пытался, как и всегда, скоротать вечность. Развлекался.

Ага. Вот прямо дитятко такое — все бы в игрушки играть да развлекаться.

— На самом деле, — Тай говорил медленно, явно выбирая слова. — Это трудно объяснить. Последнее время… я просто не знал, что дальше. Почему я еще жив. Но одно понимал очень четко — как только я разучусь интересоваться чем-то новым… пусть даже такой никому не нужной мелочью: а смогу ли я закончить академию и так, чтобы никто не заподозрил, что с моей магией что-то не то…. Как только разучусь делать что-то «просто так», а не потому что надо — тогда не останется и вовсе ничего такого, ради чего стоило бы жить… Тогда уж точно — только клинок в сердце.

Что ж, это было понятно. Но… Мне не нравилась сама ситуация — то, что раз за разом всплывало что-то из прошлого.

Это наводило на кое-какие мысли. Очень неприятные, надо сказать.

— Чего еще я о тебе не знаю?

Тай ухмыльнулся:

— Если я начну подробно пересказывать историю своей жизни… боюсь, это затянется надолго. Лучше иди сюда.

Я увернулась от объятий, отступила к стене:

— И все же. Пойми… ты знаешь про меня все — пожалуй, даже больше, чем знаю я сама…

Он обреченно вздохнул.

— Хорошо. Что ты хочешь узнать? Сколько мне лет? Не помню. В самом деле — не помню, потому что никогда не считал. Любил ли кого-то до тебя? Да, и это ты знаешь. Чем занимаюсь? Как правило, ничем — ходить в наемниках надоело, командовать тоже. Сейчас вот помогаю уцелеть одной известной тебе девице, — он хмыкнул, потом снова стал серьезным. — Не знаю, о чем рассказывать. Спрашивай. Лгать не буду.

«Спрашивай». Можно подумать, я знаю, о чем спрашивать. Поди пойми, с какими мерками к нему подходить. Если бы речь шла о моем ровеснике… или хотя бы о просто человеке — все было бы понятно — сколько лет, кто родители, чем занимаются, чем занимается сам. Дар — если речь идет о маге… Я едва не рассмеялась. На самом деле — разве это говорит о человеке хоть что-то? Знать, какие тени стоят у него за спиной… но и у меня в прошлом были вещи, которые бы я предпочла забыть навсегда. Значение имеет только настоящее. А в настоящем…

— Ты — тот, кому я верю… во всем. Кого люблю. Остальное не имеет значения. — Смущенно улыбнулась. — Странно… надо бы пользоваться моментом — а я не хочу расспрашивать ни о чем. Разве что…

— Я люблю тебя.

Я кивнула, прижалась к нему. Все остальное не имеет значения.

На следующий день, переделав все дела, я нашла в кладовой остатки рассохшейся бочки. Судя по тому, что он ее осталось едва ли половина — остальные доски уже пустили в дело — чинить бочку никто не собирался, а значит, можно было позаимствовать деревяшку под мишень. Боюсь, что первым услышанным возвращающимися мужчинами была площадная брань. Ну как тут не ругаться — если треть брошенных ножей прилетает мимо цели? А до болезни я попадала девять из десяти.

С четверть часа Тай наблюдал над моими потугами, потом поинтересовался:

— Там, где ты взяла эту доску, еще остались?

— Да сколько угодно, — я в очередной раз откинула со лба лезущие в глаза волосы. — А зачем?

— Мечи вырежу. Только надо положить выпрямляться.

— С мечами будет еще хуже — предрекла я. — Эти хоть легкие.

Проглотила готовое вырваться — снова мимо! — ругательство, подобрала нож, уселась прямо на пол. Хватит, надоело позориться. Завтра снова попробую.

— Не надо ничего вырезать, — вмешался Ортон, — У меня есть пара. Не смог выбросить. Принести?

— Нет!

— Да. — Одновременно со мной сказал Тайрон.

Я застонала. Начинается… А не изобразить ли обморок? Хотя все равно не отвяжется. И будет прав, что самое обидное. Хоть и говорят, что дальше до столицы дороги спокойные — но всякое может случиться.

Ортон вернулся с парой деревянных клинков. Тай взвесил их в руках, протянул мне один:

— Поднимайся.

Я нарочито медленно встала. В сотый раз отбросила челку с глаз.

— Да завяжи ты их, — бросил эльф.

— Коротки еще — чтобы завязывать. — Я демонстративно собрала жиденький «хвостик» на затылке. Добрая половина прядей тут же вылезла обратно, упала на уши, прикрыла лоб.

— Да не так… Под повязку. У тебя вроде где-то была косынка.

Я изумленно воззрилась на эльфа. Как все просто, оказывается! Правильно, когда всю жизнь носишь косу, как-то привыкаешь к гребням, лентам и заколкам. Вот и не получается додуматься до простейших вещей.

Как я и предрекала, с мечами вышло еще хуже. После того, как клинок в третий раз вылетел из рук, Тайрон, смилостивился:

— Ладно, все понятно. Подождем пару дней, пока слабость пройдет. Но прежде, чем снова выйдем в дорогу, навык нужно восстановить.

Я мрачно кивнула. Понятно, что надо. Но вот сколько времени это займет?

Тай обернулся к Ортону, который все это время наблюдал за нами с откровенным любопытством:

— Не хочешь размяться?

— Знаешь ведь — не могу.

— Не можешь убивать. Держать в руках оружие Лазар не запрещает.

Было видно, как жрец колеблется. Наконец он кивнул, бережно принял меч. Какое-то время мужчины настороженно изучали друг друга. А потом — я даже не успела заметить, кто первый начал движение. Просто на месте двух неподвижных противников вдруг оказался вихрь, в котором невозможно было разглядеть, где кто. Я изумленно присвистнула. Этот человек двадцать лет не брал в руки оружие. Каким же бойцом он был в те времена? Дар… как ни крути — от него не убежать.

Схватка на миг прервалась.

— Задел, — сказал Ортон, потирая бок. — Еще?

— Давай.

— До пяти?

— Согласен.

Снова взлетели клинки.

Я наблюдала за ними, отчетливо ощущая, как внутри, мешаясь с восхищением, растет страх. Они оба были не просто опасны — смертоносны. И обоим нравился поединок. Пусть дружеский, но… слишком уж он походил на реальность. То, от чего меня каждый раз трясло — для них было обыденностью, или, того хуже, развлечением. Не понять мне этих мужских игр. Никогда не понять.

Наконец, мужчины остановились. Ортон тяжело дышал. Тайрон… тот, похоже, даже не вспотел.

— Очень хорошо, — сказал он. — Не знал бы, сколько лет не брал в руки оружие — не поверил бы. Не зря ты был лучшим…

— Брось, — отмахнулся Ортон. — Было бы все взаправду — был бы я трупом. Даже зацепить не смог. Раньше тебе не удавалось так легко отделаться.

— Ну, так я все это время без дела не сидел, — пожал плечами Тай. Вернул меч с легким поклоном.

Жрец поклонился куда ниже.

— Благодарю. Доброй ночи.

Когда мы остались одни, я спросила:

— В академии… ты сказал, что Ортон был лучшим… Но ни один человек не может сравняться с тобой — хотя бы потому, что у человека не может быть столько времени для того, чтобы…

Тай улыбнулся:

— Я старался особо не выделяться. Обычно получалось.

— А кто был вторым?

— Твой отец. Фехтовал он чуть хуже… зато там, где дело касалось магии, ему не было равных. — Эльф внимательно посмотрел на меня: — Рассказать о нем?

Я покачала головой:

— Пока нет. Не могу. Все время пытаюсь вспомнить, какие

они были — отец, мама — живые, веселые, любящие, — голос дрогнул, пришлось на миг замолчать. — Но вспоминается — совсем другое. Как они… Как их убивали. — Заметила движение Тайрона, отстранилась — Не надо. Иначе заплачу. Сейчас пройдет… Когда-нибудь… когда я смогу вспомнить, расскажешь?

— Расскажу.

15

Неделя промелькнула как один день — и пришла пора уходить. Мы не торопясь шли по улице. Все то время, что мы провели в храме, я старалась не думать о том, что творится за его стенами. Обычная трусость. И сейчас было страшно смотреть по сторонам. Я все же заставила себя оглядеться. С виду — деревня, как деревня. Тела с улиц давно убрали, ветер унес запах смерти. Тихие, залитые солнцем дворы. Слишком тихие. Не было вездесущей ребятни, с криками носящейся по улице. Не видно было баб, остановившихся поболтать у колодца. Тишина — только треск цикад в траве. Даже собак не слышно.

— Сколько осталось? — спросила я.

Ортон, вышедший проводить нас до околицы, ответил:

— Десять семей из четырех дюжин дворов. Из них пятеро детей.

Я прикрыла глаза. Не думать. Ничего уже не исправишь. Никого не вернуть. Не думать…

— Мужики поговаривают, что место проклято — нужно уходить. А куда пойдут — сами не знают. Зараза, похоже, с юга пришла, с купцами — что там творится теперь, никому не ведомо. И куда дальше двинется…

— Как бы до столицы не добралась, — заметил Тайрон.

— Да столице-то что? Академия целителей своих на улицы выведет, как только пара первых больных появится. — Жрец махнул рукой. — Это вот по деревням, да в городах поменьше…

— Целители не всесильны. — Тихо сказала я.

— И они тоже болеют, если ты не заметил. — Вмешался Тай.

— Простите. — Ортон устало ссутулился. — Просто… теперь здесь мой дом. И уходить… Я не знаю, куда идти. Никто не знает — но и оставаться здесь они не хотят — а я не могу вразумить.

— Тебе всегда есть куда идти. Академия своих не бросает.

— А я свой? — в голосе жреца прорезалось нечто… такой тоски мне давненько не приходилось слышать.

— Свой. — Уверенно сказал Тай.

— Вряд ли. — Ортон остановился. — Дальше я не пойду, пожалуй. Прощайте.

Тайрон поклонился — как кланяются гостеприимному хозяину, уходя:

— До встречи.

Дорога до столицы и в самом деле оказалась наезженной и спокойной. То и дело попадались деревни, а то и просто

постоялые дворы. Про чуму здесь никто не слышал — и хорошо.

До столицы оставался день пути — и чем больше я об этом думала, тем хуже становилось. Ну, положим, как-то проберемся в это хранилище артефактов. Положим, сможем не только стащить вторую половину посоха, но и выбраться обратно живыми и невредимыми. Ладно, хотя бы просто — живыми. Допустим, как-то найдем способ собрать эту вещь хаоса, будь она неладна. Заклинание, соединяющее миры, Риа обещала дать. Хорошо — пусть все пойдет нормально, и у меня хватит сил на заклинание, и прежний король не отдал концы в том мире, куда его вышвырнуло… Сколько ему было на момент «смерти» — пятнадцать? Кстати, а чье тело тогда похоронили? Тоже вопрос… Ну хорошо, пусть разберемся и с этим и останется просто вытащить Юрилла в наш мир. Что дальше — сказать ему: «парень, вот тебе обратно твоя жизнь, а с короной разбирайся сам?» Просто бросить парня, у которого не осталось ничего от прежней жизни, и еще неизвестно, все ли в порядке с рассудком? Или дойти до логического конца и ввязаться в заговор? Смешно — заговорщик из меня… Ничего ведь не знаю, ни кланов, способных вспомнить о верности прежнему королю, ни расстановки сил при дворе, ни интересов родов, которые сейчас в фаворе. Ну и о каких интригах вообще может идти речь при таком раскладе? С другой стороны, едва ли нынешний король от меня отвяжется, значит, либо всю жизнь бегать и прятаться по глухим углам, либо и вовсе покинуть страну. Не слишком-то вдохновляющий выбор.

Самое обидное, что разговаривать на эту тему Тайрон не стал категорически. Только безразлично пожал плечами и посоветовал думать о проблемах по мере их поступления. Пока нужно как-то раздобыть вторую половину посоха. А там видно будет. И это «там видно будет» мне очень не нравилось. Но если Тай не хотел о чем-то говорить — спорить было бесполезно, не раз уже убеждалась.

На ночь мы остановились на постоялом дворе. Это было последнее место перед столицей, где можно было отдохнуть под крышей — и народу набилось немало. Тайрон окинул взглядом переполненную трапезную, и попросил у хозяина принести ужин в комнату. А перед тем — горячей воды.

Еду не приносили долго — постояльцев и в самом деле было много — и когда служанка, наконец, постучавшись, вошла с подносом, я сидела за столом и размышляла, не плюнуть ли на ужин и не лечь спать. Девушка поставила поднос с едой и сдачей на стол передо мной, улыбаясь, пожелала доброго вечера и исчезла.

Я машинально крутанула монетку на столе, подождала, пока

она, зазвенев, остановится, хотела было уже сгрести деньги и отдать Тайрону, но передумала. Положила перед собой две монеты, принялась разглядывать.

— Что там такого интересного? — Тай сел напротив.

— Новая чеканка. — С одной стороны монеты были совершенно одинаковые — разве что одна была новехонькой и блестящей. Но профили на аверсе были разные. На одной — курносое лицо, роскошная корона на тщательно завитых волосах. На второй… да, такой безукоризненный профиль только на монетах и чеканить. Вместо богатой короны — тонкий простой венец.

Я долго вглядывалась в оба портрета. Конечно, профиль на монете обычно мало похож на оригинал — и все же…

— Долгонько же он собирался, прежде чем выпустил новую чеканку.

— А куда торопиться? — спросил Тай — Не самое важное дело.

— Ну, если верить тому, что я читала, каждый новый король, едва сев на престол, начинал чеканить монету со своим изображением.

— Может, у них других занятий не было. — Он протянул руку. — Дай посмотреть.

— Держи. — Я бросила еще один взгляд на портрет нынешнего короля. Рассмеялась: — На тебя, кстати, похож.

— В самом деле? — Тайрон посмотрел на изображение. — Может быть. Учитывая, что придворные живописцы обычно делают из человека такое, что мать родная не узнает…

— Никогда не общалась с придворными живописцами… — я помолчала. — Тай, а какой он?

— Кто?

— Король. Ведь если ты знал моего отца, то и с ним знаком. Какой он?

— Ну сама сказала: на меня похож, — хмыкнул Тайрон.

— Я серьезно.

— Ты же собиралась его убить. — Тай перестал улыбаться. — Какая разница?

— Убить… — я снова закрутила по столу серебряный кругляш. — Не знаю. Я устала от крови. Бессмысленно ненавидеть стихию… желать ей смерти. Когда разлившаяся вдруг река смывает дома вместе с людьми… она ведь не хочет причинить кому-то зло. Ей просто нет никакого дела до тех, кто живет по ее берегам. Но реке не заглянешь в глаза и не спросишь: понимаешь ли ты, что содеяно твоим именем? — Я подняла взгляд на Тайрона. Тот очень внимательно смотрел на меня.

— И что бы ты хотела чтобы он ответил? — медленно произнес эльф. — Что ему очень жаль, как все обернулось? Или услышать извинения?

— Извинения? — я невесело усмехнулась. — А кого они вернут?

— Тогда что?

— Не знаю, Тай.

— Он… опасный. — Сказал Тайрон после долгого молчания.

— Я запомню.

Подходя к воротам, я нервничала. Если король знает, где лежит вторая половина посоха — что мешает ему ждать меня у городских ворот? Ну не самому, разумеется… Если он не пожалел магов на то, чтобы разослать мое описание по округе Ривеллена, то почему бы не сделать это снова?

Тайрон посоветовал не забивать голову всякой ерундой. Под мое описание подходит добрая четверть девушек моего возраста — а перекрыть входы и выходы из столицы и обыскивать всех подряд… это не Ривеллен, это столица, здесь такое не пройдет. Да и, в конце концов, чего ради огород городить, когда можно просто поставить охрану в академии — и ждать, пока мы сами туда сунемся.

Нельзя сказать, чтобы подобная перспектива меня сильно успокоила. Ладно, как там выразился Тай — надо решать проблемы по мере поступления? Ну так и сделаю. Для начала нужно не запаниковать в воротах.

Оказалось, что Тайрон был прав. Стражники скользнули по нам равнодушными взглядами и занялись купеческим обозом, который шел следом.

— Куда теперь? — спросила я.

— Домой. — Ответил эльф. — Я его хорошо заговорил перед уходом — так что ничего не должно было случится.

— Сколько у тебя домов? — поинтересовалась я.

— У нас. — Поправил меня Тай. — Теперь они и твои тоже. Один ты видела — в хаосе приграничья иногда бывает очень удобно. Второй — здесь. Еще в западных лесах — когда совсем хотелось никого не видеть и на юге, у моря. Все, кроме столичного — в местах, где магические потоки чуть меняются… Объяснять долго, потом расскажу. Лет через пятнадцать-двадцать перебираюсь с места на место. Иначе соседи начнут интересоваться.

Да уж, любопытные соседи — еще та отрава. Дома все время приходилось оглядываться на то «что люди скажут» — это при том, что нашей семье, «колдунам», дозволялось куда больше чем

всем остальным. Неужели в больших городах так же? Такая прорва народа — неужели и здесь все всех знают?

Мы шли по центральным улицам. Роскошные дома высотой в несколько этажей. Огромные храмы, от красоты которых у меня захватывало дух. Хотелось остановиться и разглядывать со всех сторон — но Тайрон неумолимо вел куда-то дальше.

— Вон там — академия.

Я посмотрела туда, куда он указывал. За изящным кованым забором рос парк, занимавший едва ли не весь квартал. Дубы были великолепны, наверное, каждому из этих великанов не меньше пары веков. Рядом с ними четырехэтажное здание из простого серого камня казалось невысоким. Стены густо увивал плющ. Я вспомнила Ортона и хмыкнула — а прыгал ли он? Или просто сполз по этим цепким вьюнкам? Хотя какая, в сущности, разница.

Дальше снова потянулись жилые дома. Все, как один, за оградой. Иные за глухими заборами — только ветки яблонь и вишен свешивались через него на улицы. Иные за причудливыми решетками — и сквозь ограду можно было разглядеть клумбы во дворе, увитые вьюнками беседки, кусты сирени и плодовые деревья, которые держали скорее ради красоты, нежели для пользы.

— А этот не знаешь, чей? — За богатой чугунной оградой сад был совсем запущен. Клумбы заросли многолетними сорняками — там, где не успел разрастись шиповник. Да и дом казался нежилым — с наглухо заколоченными ставнями и напрочь заросшим крыльцом.

— Твой. — Ответил Тай.

Я остановилась.

— Не слишком удачная шутка.

— Это дом предпоследнего ректора… того, что погиб. Ты и Эльрик — единственные наследники. Значит, он твой. Думаю, если ты зайдешь к секретарю академии и представишься — ключи отдадут без лишних вопросов.

— Что, прямо вот так любая девица с улицы может зайти, сказать, что она внучка ректора — и получить ключи от дома?

— Если эта «любая девица с улицы» будет настолько похожа на своего отца… а секретарь, кстати, не менялся уже четверть века — и славился тем, что помнит в лицо каждого слушателя. Если эта девица будет сильным магом — а равных тебе еще поискать… Если эта девица сможет снять заклинания, которыми Ирвилл зачаровал дом… я бы, пожалуй, не стал рисковать. Он любил хитрые ловушки. — Тай помолчал. — Или если все то же самое сможет проделать некий «юноша с улицы».

Да… вот будет забавно, если я все-таки решу вернуть себе права на дом отца — и провороню какое-нибудь охранное заклинание. Я коснулась нагретого солнцем чугуна. Рискнула бы. Отец и впрямь любил хитрые ловушки — но те, которыми он закрывал дом, каждый из нас мог снять за пару секунд. Хотя любой чужак, рискнувший ограбить наш дом, был бы обречен.

Если… Я напишу Рику. Чем бы все не закончилось для меня — дом должен принадлежать нашей семье. Еще не хватало, чтобы он в конце концов отошел короне… или академии.

Я заставила себя оторваться от ограды и пошла вслед за Тайроном.

Похоже, эльф любил глухие заборы. Каменная стена с прочными воротами — настоящая крепость.

— Ключи не потерял? — поинтересовалась я.

— Они не нужны. Только самый отчаянный вор полезет в дом колдуна… даже если тот стоит нежилой уже много лет.

Я присмотрелась к заклинаниям, опутывавшим забор. Хитро — даже не поймешь с какой стороны подобраться. А обычный человек и вовсе ничего не заметит.

— Смотри внимательно, — сказал Тай. — Чтобы потом смогла попасть в дом и без меня.

Ага, вот оно как открывается… Вслед за Тайроном я зашла за забор. Такой же буйно заросший зеленью двор, как и в Лирене, едва различимая дорожка до крыльца. Но в глубине сада виднелся колодезный сруб. Я присвистнула:

— Ты как будто многолетнюю осаду собирался выдерживать.

— Всякое бывает, — он пожал плечами. — Хотя с колодцем — случайно вышло. Просто оказалось, что под садом водная жила, естественно, я этим воспользовался. Многолетняя осада — вряд ли, но крепкий отряд здесь продержится пока не кончится еда. Только у меня нет отряда. А одиночка… спать надо всем.

Разговаривая, он успел снять заклинания с двери дома. Мы зашли внутрь, Тайрон открыл ставни, распахнул окна. Воздух с улицы мигом унес тот сырой нежилой дух, что поселяется в доме, оставшемся без хозяина. Солнечные лучи, пробившись сквозь ветви деревьев снаружи, легли на выскобленный добела пол причудливым кружевом. Я огляделась. Такие же стены, обшитые изнутри теплым янтарным деревом, высокие потолки.

Тай зажег камин — огонь прогнал последние остатки сырости, стало тепло и уютно. Провел меня по дому, показывая, что где. Поставил греться воду для купания. Пока она кипятилась, мы поели — в мешках еще оставалось кое-что, а потом Тайрон собирался сходить за продуктами, пока я приведу в порядок дом. Я не стала спорить — столица была слишком шумной, слишком

многолюдной. Нет, тот страх, что накатывал на меня в людных местах не вернулся… но все равно — слишком много народа. После тишины дороги город оглушал, обрушивался со всех сторон звуками, красками, запахами… Надо попривыкнуть — хотя кто его знает, может, мне вообще лучше не появляться на улице, учитывая, что розыск могли объявить и здесь.

Я проводила Тайрона до порога. Это получилось как-то само собой и казалось, что так и должно быть. Он уходит — я провожаю, потом он вернется, и я встречу его на пороге, чмокну в щеку, а потом мы будем заниматься вроде бы каждый своими делами — и все равно вместе.

— Не скучай. Я скоро. — Тай легко коснулся моих губ.

— Не буду.

Тихонько притворила за ним дверь. Скучать некогда — дел полно.

Моя посуду, поймала себя на том, что напеваю под нос. Рассмеялась: дожили, называется. Всегда терпеть не могла возиться с грязной посудой — а тут на тебе. Не знаю, сколько у нас времени до того, как мир снова напомнит о себе, но до тех пор я, назло всему миру, буду счастлива. А дальше — будь что будет.

Вернуться «скоро» у Тайрона не получилось. Я успела перемыть посуду и полы, перестирать грязную с дороги одежду. С сомнением глянула на мешок Тая — наверняка там есть, что засунуть в стирку — но не копаться же в его вещах без спроса? Ладно, придет — напомню.

Тайрон вернулся, когда я развешивала белье на заднем дворе. Услышала, как тихо стукнула калитка, торопливо закинула на веревку последнюю рубаху и побежала встречать.

Продуктов в корзине оказалось от силы на пару дней. Интересно, у них здесь принято каждый день таскаться на рынок? У нас дома погреб был всегда полон. Да и здесь — если Тай подумал о колодце, то и запас еды должен держать приличный. Разве что… Разве что он не собирается здесь жить.

— Ты голодный? Или просто чаю? — спросила я как можно спокойней.

— Чаю.

Я поставила на стол кружки, села напротив. Вгляделась в лицо Тайрона.

— Что-то случилось?

— Нет. Просто я решил заглянуть в академию по дороге. Разузнать, что да как.

— И?

— Лежит, куда он денется. Под биркой с номером и надписью

«Происхождение неизвестно, назначение неизвестно». Кто его туда первый положил и почему до сих пор не выбросили — никто не знает, записей тоже нет. — Тай пожал плечами: Даже обидно — никому он там не нужен по большому счету, а охраняют…

— Шутишь?

— Если бы… Ты хоть раз была в хранилище артефактов академии?

— Откуда?

— Да, верно… На самом деле это огромная свалка всего странного и интересного. Все, что может быть хоть мало-мальски ценным — причем не только как магический артефакт но и как исторический предмет. А этот обломок нашли среди вещей Калсина из Догара. Величайший маг своего времени, как ни крути, да и сейчас, наверное, многим бы фору дал. Вот и получается, что на самом деле никто не знает, что это за штука и зачем она была нужна, но эта никому не нужная вещь лежит рядом с письменным прибором и черновиками «Великого Мага»…

— А ночного горшка Великого Мага там не стоит случайно? — не выдержала я.

— Не стоит, — хмыкнул Тайрон. — Зато там лежит амулет, с помощью которого Калсин, якобы, оживлял големов. И вокруг всего этого навешано столько охранных заклинаний, что голова кругом идет. Зато стражи, по сути, нет. Приходи и бери.

— Приходи и бери, значит… — задумчиво повторила я. — И сколько боевых магов появятся после того, как кто-то рискнет снять охранные заклинания?

— Обычно в академии дежурит двое. — Тай поставил на стол пустую кружку. — Сама же знаешь — маги больше полагаются на заклинания, чем на людей. С ними может быть еще два-три выпускника, но сейчас каникулы.

Да, обычно сработавшие охранные заклинания оставляют от воришки только труп… если вообще что-то оставляют. Поэтому стража на самом деле не нужна. Но неужели никто из сильных магов, оказавшихся по каким-то причинам вне закона, не пытался? Хотя, с другой стороны — зачем? Это только в сказках раньше солнце было зеленее, а маги — полубогами, создающими дивные артефакты. На самом деле большинство артефактов интересны сейчас только как историческая ценность, или как любопытный курьез, на худой конец — как произведение искусства. В по-настоящему сильные артефакты маг вкладывает слишком много своих сил — и в итоге вещь становится слишком зависимой от своего создателя, теряя свойства со смертью мага. Странно, что вещь хаоса сохранил силу после смерти создателя. Что Калсин туда вложил? Надо будет хорошо подумать над этим

посохом прежде, чем решиться его использовать. Мало ли, какие сюрпризы он хранит.

— А кроме этих двоих, — поинтересовалась я. — Сколько времени потребуется страже?

— Где-то четверть часа.

Странно… слишком легким все кажется. Так не бывает.

— Тай, в чем подвох?

— В самих заклинаниях. За всю историю академии их не сняли ни разу. Несмотря на то, что заклинания, естественно, менялись — как менялась за это время сама манера колдовать.

Я скорчила мрачную гримасу:

— По крайней мере магия убивает быстро — в отличие от палача. И как мы должны сделать то, что невозможно в принципе?

— «До сих пор никто не мог» и «невозможно в принципе» — разные вещи. К тому же, мне удалось кое-что раздобыть. — Он достал из корзины довольно пухлый пакет. — Пойдем в комнату, там посмотрим.

Пакет оказался сложенным листом невероятных размеров — в развернутом состоянии он занял полкомнаты. Поэтажная схема здания академии, в трех проекциях, с отмеченными охранными заклинаниями и полной их расшифровкой на обороте листа.

Я уставилась на него тем же взглядом, каким дети смотрят на ярмарочного фокусника:

— Как ты это раздобыл?

— Не поверишь — стащил из архива.

В левом нижнем углу схемы была дата. Подпись и печать.

— Тай, это же… это же мой дед!

— Да, последний вариант охранных заклятий разрабатывал прошлый ректор с сыном. И насколько мне известно, за последние двадцать лет ничего не изменилось — нынешнему ректору до прошлого, увы…

Я всмотрелась в схему. Точно, вот это заклинание отец накладывал, когда дома ненадолго никого не оставалось… а вот это — когда мы уезжали на ярмарку на несколько дней.

— Будем разбираться вместе? — спросил Тайрон.

Я кивнула.

Следующие пару часов мы потратили на расшифровку заклинаний. В конце концов я не только знала, где какое — но и выучила схему чуть ли не наизусть. И еще — как снять любое из этих заклинаний и, самое главное, остаться невредимой. Хорошо, что никогда не приходилось жаловаться на память…

— Это точно все? — спросила я наконец. — Не хотелось бы напороться на что-нибудь этакое.

Тот пожал плечами:

— Говорят, с тех пор ничего не изменилось — все охранные заклинания ставят по схеме разработанной твоим дедом. Но пока сам не увижу — ни за что не поручусь. Завтра вместе и посмотрим, как оно на самом деле.

— Уже?

— А куда тянуть?

Я сникла. Ну, вот и все. Даже если завтра мы выберемся невредимыми, по-прежнему уже не будет.

Тайрон аккуратно сложил план, убрал в один из ящиков бюро. Я растянулась на полу перед камином, уперев подбородок в кулаки. Завтра еще не скоро, а сегодняшний вечер мой, и будь что будет. Тайрон опустился рядом, обхватив руками колено. Мы молчали, глядя в огонь.

— Тай, а может, ну его, этот посох? По большому счету мне все равно, кто сидит на троне, а Риа… пусть лопнет от злости. Я устала от всего этого.

— А месть? — поинтересовался Тайрон.

— Если бы месть могла вернуть мертвых — я не колебалась бы. Но… Я просто хочу жить. Спокойно и никого не боясь.

— Спокойно… — эхом повторил он. — Этой ночью она снова появлялась?

Я резко села:

— Как ты узнал?

— Ты плакала ночью. Когда она вламывается в сны — ты кричишь или плачешь.

Я снова растянулась на полу, положив голову к нему на колени, так, чтобы видеть лицо — и глаза.

— Правда? — Риа по-прежнему являлась раз в неделю, но разговор ограничивался парой фраз — удостовериться, что я жива, невредима, и иду в столицу. Иногда она успевала исчезнуть до того, как вслед вламывался король, иногда нет… вот кто пугал меня, но неужели до такой степени?

— Правда. Если бы можно было как-то по-другому заставить ее заткнуться… Но я не знаю, как отвязаться от уже мертвого человека.

— Привыкну. Уже привыкла. — И в самом деле, страх уже стал чем-то обыденным, недостойным того, чтобы обращать на него внимания.

Тай тихонько перебирал мои волосы.

— Чего она хотела на этот раз?

— Заклинание, открывающее границу между мирами. — Я приподнялась. — Сейчас напишу.

— Успеешь. Завтра еще целый день. А насчет привыкла…

кого ты хочешь обмануть?

Я тихонько вздохнула.

— Боюсь, что она не отстанет от меня и тогда, когда получит, что хочет.

— Может быть. А может и нет. Но когда у нас в руках будет посох — можно будет понять, почему он ей так нужен. И стоит ли и дальше плясать под ее дудку. А может быть и как от нее избавиться. Я не могу привыкнуть к тому, что ты плачешь ночами. Не просыпаясь.

Я не ответила. Не хотелось говорить о плохом. И думать тоже. Поймала ладонь Тайрона, прижалась к ней щекой, улыбнулась. Его улыбка стала отражением моей, наполняя теплом и покоем.

— Иди ко мне…

Мы целовались словно в первый раз, словно открывая заново друг друга, как будто не было ни бесконечной дороги, ни крови и смертей за спиной. Мир растаял в нежности, оставляя лишь нас двоих, да вечность, наполненную лунными бликами на стенах и неровным дыханием. И завтра не настанет никогда.

Я осторожно заглянула в окно. Двое азартно резались в кости. Городская стража обычно несла службу в броне — но, похоже, в академии были свои законы. Во всяком случае, доспеха на парнях не было, лишь оружие на поясе. Ну правильно, велика радость париться всю ночь в кольчуге и поддоспешнике, зная, что это никому не нужно — за несколько веков существования академии желающих поживиться оказалось так мало, что их можно было бы сосчитать на пальцах. Многие на месте этой пары боевых магов не удержались бы от соблазна скрасить ночь выпивкой — а то и вовсе бы уже десятый сон видели. Я очень аккуратно присмотрелась к их сознанию. Трезвые… жаль. С чуть подвыпившими было бы легче. Коснуться разума, легко-легко, почти незаметно и заставить сознание погаснуть. Не насовсем — лишь на несколько часов. В «роднике» это заклинание предназначалось для получивших тяжелые раны или ожоги — чтобы исцелять, не причиняя лишней боли, или когда нужно было почти полное расслабление мышц. Правда, если речь идет о лечении, заклинание нужно поддерживать постоянно, чтобы боль не проникла в разум, вернув сознание. Но это для лечения… А пригодилось совсем для другого. Может быть это была непростительная глупость — но я устала убивать. И Тайрон не стал спорить.

Мы шли по пустому зданию, быстро но тщательно прощупывая пространство. Ничего неожиданного — все

заклинания на своих местах, и на большинство из них мне пришлось потратить лишь несколько секунд. Конечно, они были поставлены другими людьми, «почерк», то неуловимое, что отличает одного мага от другого был совершенно чуждым, да и работал, очевидно, не один человек. Но сами заклинания были знакомы — и это оказалось неожиданно больно. Как будто читаешь старые письма переписанные чужой равнодушной рукой. Тай хотел было взять охранные заклинания на себя — но время было дорого а, что ни говори, разбираться в давно знакомых вещах куда проще, чем распутывать головоломку, построенную по известным, но совершенно чуждым принципам.

Наконец, я сняла последнее заклинание, преграждающее путь. Тайрон осторожно приподнял раму с тонким полотном горного хрусталя.

Днем он обмолвился, что не уверен до конца, действительно ли то, что лежит в хранилище — вторая часть вещи хаоса. Логика логикой, но доказательство могло быть только одним — если две части, оказавшиеся рядом соединятся без постороннего вмешательства. Тай взял с бархатной подложки часть посоха, вытряхнул из мешка вторую — и едва удержал обе в руках.

— Давай мне одну, и пошли отсюда. — Занервничала я. Где-то внутри рос страх, холодком пробегал по хребту.

— Соберем и исчезнем.

— Дома.

— А если будет всплеск? Хочешь, чтобы вломились домой?

Может, он и прав. Да и вообще, переругиваться шепотом, когда в любой момент может появиться стража — что ни говори, а на снятые охранные заклинания она должна появиться — до невозможности глупо. Наверное, я просто нервничаю на пустом месте. Но…

— А если собранный он начнет фонить? — тогда пытаться скрыться с ним — все равно что скрываться в сопровождении барабанщика и факельного шествия.

— Не начнет, я читал описания. Здесь мы и так натворили такого, что чуть больше — чуть меньше. А потом придется быть тише воды, ниже травы.

Может, он и прав — но почему так страшно?

Освобожденные части посоха меж тем продолжали тянуться друг к другу, и бившаяся между ними магия скользила по коже. Тайрон чуть ослабил руки, и обломки стали единым целым. Всплеск, действительно, оказался таким, что наверняка перебудил всех окрестных магов.

За спиной почти бесшумно отворилась дверь. Те, кто были за ней, не пытались быть незаметными — просто хорошо смазанные

петли не скрипят. Они и сейчас не скрипнули — но я услышала, даже не услышала, почувствовала — страх обострил восприятие до предела. В развороте выхватила нож — зал большой, пару раз бросить успею.

Не успела — сильные пальцы перехватили запястье, вывернули резко, до боли, так что клинок выпал из беспомощно разжавшейся руки, зазвенел по полу. Я рванулась сквозь боль — высвободиться, успеть сделать хоть что-то. Только не оказаться снова беспомощной, только не все сначала — но сзади уже держали — жестко и крепко, не пошевельнуться. Откуда? Тай??? Почему?

Ни дернуться, ни пошевельнуться — только беспомощно смотреть, как в зал входит человек в сопровождении четверки боевых магов.

Вошедший коротко поклонился:

— Государь…

Мир замер, ухнул в звенящую серую полутьму, и я осела в ставших вдруг чужими жестких руках.

— Здравствуй, Ритан. Поехали. — Пробилось сквозь звон.

Оказывается, меня уже не держали. Оказывается, я даже могу стоять.

Может, это просто кошмар? Ничего не было, и на самом деле я мечусь в бреду, а за стенами храма гуляет чума… Бред…

— А ее — с нами?

— Да. — Эльф оглянулся. Замер, глядя на меня, медленно шагнул, протянул руку — я попятилась, уперлась спиной во что-то — или в кого-то… В кого-то, потому что сзади держали за плечи — а я не могла оторвать взгляд от ставшего чужим лица.

— Аларика…

Бесконечное мгновение — глаза в глаза. Скажи, что это неправда. Бред, сон, кошмар, дурацкая шутка — все, что угодно, только не правда. Я поверю — поверю всему, что хочешь…

Он стремительно развернулся и шагнул за дверь.

Тот, что держал, легонько подтолкнул в спину — и я послушно пошла на ватных ногах.

Факелы на стенах только что бывшего пустым коридора. Камень и факелы на стенах… Уже не страшно. Уже ничего не страшно.

В просторном зале у входа ждал второпях одетый человек с тяжелой золотой цепью на шее. Метнулся навстречу, склонился:

— Государь, я…

— Калит. — Голос был холоднее горной реки. — Если помнишь, я еще год назад говорил, что академия охраняется из рук вон.

— Государь не думаю, что кто-то кроме тебя смог бы…

— Не надо лести. Два проходимца с большой дороги пришли как к себе домой и взяли то, что хотели. Сейчас это оказалась никому до сей поры не нужная палка — но что помешало бы им взять пару экстрактов из выделений заразных больных? Из тех колб, что хранятся под замком на кафедре лекарей. И спустить в ближайший колодец?

— Яд можно добыть в любой зелейной.

— Яд убьет десяток — и остальные мигом поймут, в чем дело. Скольких убьет холера?

Человек склонил голову.

— Завтра, до четырех пополудни я жду письмо, в котором расскажешь, что намерен изменить. Тогда же и определим твое наказание. И напомни главе кафедры целителей, что от него я тоже жду письмо. Ступай.

Не верю. Не хочу верить.

За оградой ждал небольшой отряд — дюжина, не больше, с парой оседланных коней. Одного подвели королю, мне дали другого, правда, поводья перехватил кто-то из стражников. Руки оставили свободными, и даже оружия не отобрали — но что с того? Тело казалось чужим, кружилась голова, и я не слышала ничего кроме цоканья копыт о булыжники, гулко разносящегося по ночным улицам, эхом отдающимся в ушах. Король разговаривал с тем, кого назвали Ританом — время от времени полуоборачиваясь — и я могла разглядеть безукоризненный профиль. Профиль, отчеканенный на монетах.

Потом улицы кончились. Настежь распахнутые ворота дворца. Люди с факелами во дворе. Бесконечные коридоры, спины стражников перед глазами. Маленькая комната, окно на полстены. Стол с чернильницей и кипой пергамента, шандал на десяток свечей. Удобный стул, книжные полки. Кабинет?

Он вошел с другой стороны. Все та же простая дорожная одежда — доспех он уже снял — только серебрился тонкий обруч на лбу. Поставил посох у двери, точно никому не нужную палку.

— Оставьте нас.

— Государь, она при оружии, — неуверенно возразил кто-то.

— Я тоже при оружии. Вон.

Торопливые шаги за спиной, мягко закрывшаяся дверь. Тишина. Лицо Тайрона — напряженное, изучающее. Молчание — вязкое, тягучее, оглушительное. Я не выдержала первой:

— Скажи, что это неправда. Пожалуйста…

Он не ответил — лишь на миг отвел взгляд. Я обхватила руками плечи — почему-то познабливало. Вот, значит, и все…

— Когда казнь?

Тайрон… нет, король, усмехнулся.

— Хорошо же ты обо мне думаешь.

— Не знаю, что думать. После… Все было ложью.

— Я не солгал ни единым словом.

— Да… — медленно повторила я. — Ни единым словом…

— Так нужно было.

Зачем он оправдывается, зачем? Какая теперь разница — почему. Главного не изменишь…

— Наверное. Тебе виднее… государь.

— Когда ты готова была шарахаться от каждой тени… поверила бы, что король не желает тебе зла?

А кому верить сейчас? Все было ложью, все. Не за что зацепиться, ничего не вернуть.

— Да, ты просто сама доброта. Воплощение света.

— Нет… Смерть Юрилла и завещание — действительно на моей совести. Мальчик заигрался… Но я не отдавал приказ убить твою семью. Когда пошли слухи о заговоре я приказал выяснить, в чем дело. Кто превратил это в «раскрыть заговор любой ценой» — пока не знаю. Но разберусь.

— Может быть.

Это что-то изменит? Мертвых не вернуть…

— Слова Рии — против моих. Кому предпочтешь поверить?

— Никому, — устало произнесла я. — Уже никому. Вы стоите друг друга. Ей нужна была марионетка, тебе — игрушка.

— Нет.

— Наверное, все правильно. Когда разыгрывается партия, никого не волнует судьба пешки. — Я уставилась в темноту за окном. Уже не больно. Уже все равно.

Он подошел сзади, попытался обнять — я молча вывернулась, отступила к стене. Эльф замер, неловко опустив руки:

— Пешка может выиграть партию, став королевой.

— Чего? — я расхохоталась, сползла по стене на враз ослабевших ногах, всхлипывая то ли от смеха, то ли… — Полагаешь, снова можешь разыграть эту козырную карту? Кто из нас двоих окончательно сошел с ума?

— Аларика… Что сделать, чтобы ты поверила?

— Все, что мог, ты уже сделал, — криво усмехнулась я. — Осталось только добить.

Теперь отвернулся он. Долго стоял, глядя в темноту за окном. Я прислонилась затылком к стене. Откуда-то сама собой всплыла колыбельная. Та, что…

— Так неслышно тают свечи, — тихонько затянула я. — Сумрак падает на плечи…

Он стремительно развернулся — еще пару дней назад я

шарахнулась бы от этого движения — и от выражения его глаз. Сейчас… уже ничего не страшно. Даже голос не дрогнул.

— Сон свои диктует речи И тебе, и мне, И когда уже немного До зеркального порога…

Уже не больно. И слез тоже нет. Ничего нет. И жить тоже незачем.

Король… Тайрон подошел, присел напротив — близко, слишком близко, но не прикасаясь.

— Ты говорила, что все равно, кто я…

Я медленно покачала головой, снова криво улыбнулась:

— Значит, ошиблась. Хотя дело не в этом. Просто сейчас… Я не могу тебе верить. Не могу верить ничему, что было… — я опустила голову на колени. — Если решишь казнить — убей быстро. Или просто позволь мне уйти.

Какая разница, на самом деле? Ни жизнь, ни смерть уже не имеют значения. Ничего не имеет значения.

— Как я отпущу тебя? — ответил он. — Не уходи.

— Если бы ты рассказал хотя бы месяц назад… неделю… вчера — до того, как…

— Я не мог сказать. Сначала не был уверен, что Риа не прочтет это в твоих снах, а потом… Когда понял, что… Это и в самом деле что-то бы изменило?

Я задумалась:

— Не знаю… Пожалуй, нет. Нет.

Эльф кивнул. Поднялся:

— Пойдем, выведу из дворца. С непривычки тут недолго заблудиться.

— А по чину ли государю самому провожать? — хмыкнула я.

— Кому какое дело?

— Хорошо. Только…

Я расстегнула перевязь с мечом, протянула эльфу. Тот не шелохнулся. Пожав плечами, я бережно положила меч на пол, с трудом удержавшись от того, чтобы напоследок не погладить теплую кожу ножен.

— Не надо… — прошептал он.

Я дернула щекой, опустила рядом с мечом пояс с ножами. Выбралась из кольчуги. Тело стало легким-легким.

Ничего не осталось.

— Без оружия не отпущу. — Твердо сказал он. Достал из ящика стола нож — настоящий, боевой, хорошей работы. — Его подарил Ирвилл… перед тем, как уехать из столицы. Возьми.

Я кивнула, пристраивая оружие на пояс. Зачем? Можно подумать, его на самом деле заботит, что со мной…

Мы молча шли по дворцу. Коридоры, залы, переходы…

Стражники, застывшие как изваяния. Дворцовый парк. Неприметная калитка.

— Прощай.

— Подожди… — эльф помедлил, придерживая дверцу. — Дом, где жила твоя семья… Зайдешь к секретарю академии, назовешь свое имя — он отдаст ключи.

Я молча кивнула. Зачем мне все это? Зачем — я?

— Куда теперь?

— Не знаю, — ответила я. — Все равно.

Отодвинула руку короля и шагнула за калитку, чувствуя спиной его взгляд.

Моего у меня не было ничего… только где-то там, в доме лежала котомка, на дне которой остались зеркало и гребень… да остатки денег, когда-то снятых с тела. И шелковое платье — подарок Рика. Но даже за все сокровища мира я не согласилась бы хотя бы на миг вернуться в дом, где еще прошлой ночью я была счастлива. Прошел лишь день — и не осталось ничего.

Тайрон… Наверное, я должна его ненавидеть… Не было сил. Лишь звенящая пустота внутри.

Отвести глаза страже оказалось легко. Странно — ведь совсем недавно кольчуга и меч казались тяжеленными, а сейчас без них я чувствовала себя голой. Недавно — или целую вечность назад?

Я шла всю ночь не останавливаясь — заклятье ночного зрения легко развеяло темноту. Было все равно куда идти — но если я остановлюсь, то начну думать… а думать не было сил. Под утро все же пришлось остановиться — ноги уже не держали. Я свернула с дороги, опустилась под каким-то деревом — березой, кажется. Какая разница? Заморосил дождь. Капли проникали под листву, стекали в волосы, на лицо… я их не замечала. Потом был день — а может, и не один — серый все от того же дождя. Не знаю, сколько я просидела, глядя перед собой. Потом долго рассматривала нож. Ничего не осталось… Не торопясь провела лезвием по вене у сгиба локтя, почти не почувствовав боли. Безразлично смотрела, как кровь впитывается в штанину, стекает на траву. Улыбнулась. Родители, Гил, Арт… Уже скоро. А потом стало темно.

Холодно… Дождь по-прежнему падал с неба. Капли пробивались сквозь листья, прыгали на одежде, лезвии ножа, расплывавшемся все шире пятну на траве. Я долго, непонимающе таращилась на руки, покрытые темными разводами. Потом обреченно расхохоталась. Совсем забыла. Сволочи, какие же они все сволочи… Подобрала оружие, тяжело поднялась и пошла к дороге.

16

Король отложил в сторону книгу, потянулся в кресле. Зажег свечи, подкинул дров в камин. Дождь шел второй день, и в каменных стенах дворца тянуло холодом и сыростью. Но во дворце можно сидеть у огня под крышей, в сухой одежде, и капли не льют за шиворот. Знал бы, что она не зайдет за вещами… хотя бы за теплой одеждой деньгами — не отпустил бы. Знал бы… должен был знать.

Люди, посланные проследить и охранять вернулись — не смогли найти. Как будто кто-то отвел им глаза — может, так оно и было. Стража у всех четырех ворот клялась, что ни утром ни, тем паче, ночью никто не выходил. Тем не менее, в городе Аларики уже не было. Он послал других людей. Угрожать и наказывать бессмысленно — поди найди иголку в стоге сена. Они попытаются, конечно… С посохом явно нечисто, от него отчетливо несет скверной. Игра не будет закончена, пока не станет ясно, зачем Рие нужен был этот артефакт. Тем более, что границу между мирами он не открывает — по крайней мере, между мирами живых. Разве что между этим миром и миром теней — но как проверишь? Надо бы найти некроманта, сам он не силен в таких делах — но где его найдешь… Впрочем, Ритан найдет, этот из-под земли достанет…

Сознания коснулся отзвук колдовства — того колдовства, которое король ждал каждый миг… и которое боялся почувствовать. Вздрогнул, торопливо выглянул за дверь.

— Ритана сюда, быстро! Поднять две дюжины гвардейцев, и обоих магов, которые работают с порталами — ко мне.

Дежуривший в коридоре мальчишка-посыльный убежал.

Король вернулся в кабинет, торопливо расстелил на столе карту, попутно сбросив на пол все, что мешало, замер, задумавшись.

— Государь. — Советник уже был здесь.

— Нужны порталы… вот сюда — палец коснулся карты. — Перекинуть две дюжины солдат. И меня. Прочесать лес — вот примерно… Искать девушку… ты ее видел, опишешь. Кроме того, искать любые следы боя… тела, кровь — все, что угодно.

— Государь… — медленно произнес советник. — Две дюжины солдат слишком мало для того, чтобы прочесать участок в пять миль поперечником. Сомневаюсь, что…

— Знаю! — рявкнул король. Добавил чуть тише. — Прости. Я знаю. Но во дворце всего два мага, способных сотворить портал… больше и не нужно, на самом деле. А посылать в академию за

помощью… потеряем пару часов как минимум.

— Да, государь.

Дождь висел мелкой пеленой, пробирался сквозь плащ. Король откинул капюшон — все равно уже мокрый насквозь, так хоть холодная от воды шерсть не прилипает к лицу. Похоже, уже не найдут… он прислушался. Жива. Глубоко вздохнул. Жива! Хоть что-то хорошее.

— Государь… — Ритан тоже промок до нитки.

«Когда вернемся во дворец, надо бы посоветовать ему напиться глинтвейна — да погорячее и завалиться спать до утра… хотя все равно не послушает. Будет сидеть и думать, где он ошибся. Значит, приказать. Если бы все можно было решить так просто…»

— Это не похоже на следы боя, но…

— Показывай.

Поляна и в самом деле выглядела почти нетронутой — если здесь когда и проходил человек, трава, упруго распрямившись, скрыла следы. Да и дождь… Следы остались лишь под старой березой — травы там не было, только толстый слой прелых прошлогодних листьев. Следы… и кровь. Дождь не позволил ей засохнуть — но и не смог смыть. Слишком много было крови, она впиталась в листья, растеклась по трещинам коры там, где корни не ушли в землю. Кто-то долго сидел, прислонившись спиной к стволу, потом упал… поднялся и ушел.

Король присел под березой, коснулся листьев. Долго смотрел на покрытые темно-вишневым пальцы.

«Девочка моя, что же ты творишь… Я могу отправить людей найти и защитить, насколько это возможно — но кто защитит тебя от самой себя?»

Почему он позволил ей уйти? Наверное потому же, почему позволил войти в чумную деревню… или очертя голову броситься на опытного боевого мага — впрочем, тогда от него мало что зависело. Всю жизнь он считал, что нельзя отбирать право распоряжаться собственной судьбой.

«Но если бы сейчас ты нашел ее тело — утешился бы сознанием своей правоты и жил дальше, как ни в чем не бывало?»

Не надо врать себе. Он был готов ко всему — слезам, крику, ненависти… С этим он бы справился. Но усталое равнодушие в разом погасшем взгляде… Боль и недоверие, в которое она замкнулась, как в раковину — не достучаться. Он сдался… И теперь можно сколько угодно утешать себя красивыми правильными словами — не поможет.

— Государь…

Король, наконец поднялся, и Ритан понизил голос — так,

чтобы больше никто не услышал:

— Тарилл… успокойся. Это всего лишь девка… — и осекся под бешеным взглядом.

— Придержи язык, будь любезен.

— Крепко же она тебя зацепила…

Король не ответил. Провел ладонью по лицу, стирая капли дождя.

— Хватит. Возвращаемся.

Дождь превратил дорогу в рыжий чавкающий кисель. Я свернула в лес — лучше не стало. Разве что вместо грязи под ногами была мокрая трава — впрочем, штаны суше от этого не стали. Да еще и дождь, что над дорогой висел мерзкой мелкой моросью, в лесу собирался на листьях и падал крупными каплями, норовя угодить не куда-нибудь а непременно за шиворот.

Холод догнал меня где-то к середине дня. Пробился сквозь безразличие отупевшего разума, скрутил дрожью мышцы. Просто быстро идти не помогло. Я выругалась и начала собирать валежник. Его здесь было много — мало кто будет останавливаться в лесу и жечь костры, когда постоялые дворы едва ли не на каждом шагу и можно переночевать под крышей в уютной постели. Кое-как разыскав подходящие бревна (тонковаты, но без топора и это сойдет) я соорудила нодью. Сейчас согреюсь немного… потом еще поищу дрова, этого костра хватит часов на пять, не больше, а идти дальше под проливным дождем я не могу. Хорошо хоть магия всегда при мне — не надо мучаться, думая как разжечь огонь без кресала и трута.

Теплее от костра стало ненамного. Как ни крути, а невозможно согреться в мокрой насквозь одежде. Что ж, еще пара дней по такой погоде — и холод доделает то, чего не удалось мне. Обидно только — хотелось умереть, сохранив хоть какое-то подобие достоинства, а не свалиться от простуды где-нибудь под елкой и там замерзнуть окончательно. Я рассмеялась — какая разница, на самом деле? Все равно этому миру нет до меня никакого дела — равно как и мне до него. Еды нет, денег на ночлег под крышей нет, теплой одежды нет… Недолго осталось.

Я не сочла нужным как-то замаскировать огонь. Дорога считалась безопасной, да и в такую погоду нормальные люди сидят под крышей у очага, а по тракту идут только купцы с грозящим испортиться товаром да письмоноши. А главное — я просто не подумала об опасности. Правду говоря, я вообще ни о чем не думала.

Наверное, в другое время я заметила бы этих двоих куда

раньше. И уж ни в коем случае не позволила бы подойти так близко и встать в паре шагов, сбросив наземь дорожные мешки и нагло пялясь.

— Глянь-ка, кто у нас тут? — деланно удивился один.

Я молча развернулась, не вставая, подняла на них глаза. Думать не хотелось, шевелиться тоже. Страха не было — только где-то внутри поселилась смутная досада — и чего им под крышей не сидится?

— Пойдем с нами, что ли, — встрял другой. — Тут постоялый двор в паре верст. Накормим, обогреем…

— Ну уж и ты потом не обидь, — заржал первый.

Безопасная дорога, значит… Для мужчины или женщины со спутником вполне себе безопасная. А для одинокой бродяжки…

— Спасибо, как-нибудь сама справлюсь. — Странно, пару дней назад я бы уже вопила от страха и злости. А сейчас внутри была только безумная усталость. Парни, ну уйдите по-хорошему…

— Ты глянь, не хочет, — ухмыльнулся второй. — Видать мы с тобой совсем рылом не вышли.

— Ага, это до чего ж бабы разборчивые пошли — лучше, значит, в лесу мокнуть чем паре хороших людей постель согреть.

Хороших, значит…

— Идите своей дорогой. Пожалуйста.

— Кончай ломаться! Не хочешь по-хорошему, силой возьмем…

Я обвела взглядом ухмыляющиеся рожи. На самом деле, им не так уж хотелось «согреть постель». Просто мокрая замерзшая девка вместо того, чтобы кинуться в ноги с благодарностью за щедрое предложение, посмела ерепениться. Им хотелось покуражиться, почувствовать свою власть. Тем более, что я казалась такой безобидной. Ножа, лежащего рядом они то ли не заметили среди травы, то ли не сочли нужным заметить.

Где-то внутри начало медленно просыпаться бешенство. Если бы речь шла всего лишь о жизни — мне было бы все равно. Но…

— Идите. Своей. Дорогой.

Они все-таки были слишком уверены в себе. Вместо того чтобы просто пнуть — ведь я по-прежнему сидела не земле, глядя на них снизу вверх, а онемевшие от холода мышцы не добавляют подвижности — один из них ухватил за грудки, вздергивая на ноги, размахнулся…

Нож удобно лег в ладонь. Короткое движение без замаха — незачем, парень и так хорошо рванул на себя — и лезвие вошло в живот. Он охнул, хватка ослабла. Я добавила коленом — чужая боль коснулась разума, но сейчас она подействовала как ледяная

вода, срывающая отупение. Мысли стали четкими и быстрыми. Раненый сложился, но еще до того, как он упал, я успела полоснуть клинком по горлу. Судорожно вздохнула, развернулась. Поймала взгляд второго — ошарашенный и… напуганный? Ну да, вместо безобидного ужика нарваться на гадюку. Я ж просила — идите своей дорогой.

Он все-таки успел полоснуть по запястью и зацепить бок — прежде чем упал и больше не поднялся.

Я затянула магией раны — впрочем, их и ранами было назвать сложно. Потом долго-долго оттирала нож о траву. Снова приползло серое безразличие. Вот так… пока больно — я жива. Но уже не больно.

Холодно… я стащила с того, что пониже добротный кожаный плащ. Надо же, почти чистый. Враги… Они не заслуживают того, чтобы называться врагами. Вытряхнула на плащ второго оба дорожных мешка. Еды не густо — хлеб, вяленое мясо… похоже, они шли в столицу, подъев почти все, что взяли с собой, а докупать не стали — к чему, если постоялые дворы один за другим? Шли… А куда иду я? Наверное, к Рику, не прогонит… а там видно будет.

Я сложила в один из мешков всю найденную еду, деньги — тоже не густо, но хоть что-то, дорожные мелочи. Накинула отчищенный плащ. Наверное, надо бы прихватить еще хоть одну рубаху на смену… побрезговала, правду говоря. Интересно, в паре верст в какую сторону постоялый двор. Ладно, неважно. Мне в любом случае от столицы. Выбралась на дорогу — грязь приветственно зачавкала — и пошлепала прочь.

Постоялый двор и в самом деле нашелся через пару часов. И постояльцев там, похоже, было прилично, судя по тому, сколько народу сидело в зале. Правильно, что за радость коротать дождь в одиночестве — а так, под выпивку да разговор, глядишь и время быстрее пройдет. Многие оглянулись на скрип двери. Я равнодушно прошла сквозь частокол любопытных взглядов. Похоже, здешним гостям теперь на весь вечер разговоров хватит. Только бродячий певец, сидевший в углу у камина по-прежнему негромко перебирал струны, не обращая на меня никакого внимания.

— Здравствуй, почтенный хозяин, — поклонилась я трактирщику. — Мне нужна комната… пока на ночь, а утром видно будет.

Тот кивнул.

— Поесть что-нибудь?

Поесть? Наверное, надо…

— Что-нибудь на твой выбор, почтенный хозяин. И горячего

вина.

Хозяин снова кивнул.

— Пойдем, провожу.

Он зашел в комнату первым, затопил камин. Я сбросила плащ — хорошо выделанная кожа неплохо защищала от дождя… точнее, защитила бы, не промокни я насквозь еще до того. Съежилась, обхватив руками плечи — без плаща сразу стало холодно.

Хозяин окинул меня скептическим взглядом:

— Деньги-то у тебя есть?

— Есть, — ответила я, снимая с пояса кошелек. — Сколько?

— Уходить будешь, расплатишься. Только учти, если тебя ищут и придет кто, укрывать не буду. Здесь, как король сменился, строго стало. Хорошо если просто пеню заплатишь, а то и вовсе трактир в пользу казны отберут. Так что сама понимаешь…

— Не ищут.

— А если ни от кого не бегаешь, то какого рожна одна по дороге шляешься в такую погоду?

Бегаю… Только далеко ли от себя убежишь? Я усмехнулась.

— С полюбовником поругалась. Теперь вот к брату иду, авось не прогонит. — Вот, значит, как это делается… не солгать ни единым словом, при этом не сказав ни капли правды. Что ж, спасибо за науку.

— Косы он обкорнал?

— Он.

— Небось, было за что?

— Может, и было, — равнодушно ответила я. Встретила испытующий взгляд хозяина. Тот отвел глаза первым.

— Ладно. Но ежели врешь… я предупредил, дальше пеняй на себя. Сейчас поесть принесу — вниз, чай, спускаться не будешь?

— Наверное, нет. Спасибо, почтенный.

Он вернулся почти сразу. Аккуратно поставил на стол тарелку с хорошим ломтем вареной свинины и дымящейся чечевичной кашей. Над немаленькой кружкой с вином тоже поднимался парок, пахнущий перцем, корицей и хмелем. Надо же, пряностей не пожалел… представляю, сколько утром заломит… впрочем, не все ли равно. Деньги есть… пока есть, и я не собираюсь рыдать по поводу того, как они мне достались. Хватит, отрыдалась.

Я едва смогла дождаться, пока за спиной хозяина закроется дверь, задвинула засов, торопливо стащила холодную, мерзко липнущую к телу одежду, завернулась в одеяло. Кусачая шерсть на голую кожу… но так хотя бы не холодно. Аккуратно разложила вещи вокруг огня — пусть сохнут. Поставила на пол перед самым

камином, чуть ли не в пламя еду и питье, опустилась рядом. Осторожно отхлебнула обжигающее вино. Надо бы поесть… не хочется, но надо. Я запихнула в себя мясо, почти не почувствовав вкуса. Посмотрела на слишком быстро опустевшую кружку. Что-то мало. Надо бы добавить — чтобы налакаться в стельку, и не думать. Ни о чем. Сейчас, оденусь и схожу.

Так, а пол уже качается. Немного мне надо, оказывается. Ничего, сейчас чуть-чуть сосредоточиться — и на то, чтобы дойти до стойки, забрать вино и вернуться обратно меня хватит. А там хоть трава не расти…

Интересно — мелькнула нелепая мысль — как во сне выглядит пьяный в стельку? Риа же явится… сколько я на ногах — вторые сутки, третьи… Не помню… совершенно не помню. Да и какая, к демонам, разница. Я хихикнула, представив себе выражение лица советницы, когда она узнает, что посоха ей не видать. Вот пусть теперь они между собой разбираются, а с меня хватит.

Зал внизу уже был почти пустым — надо же, а мне казалось, что прошло всего ничего… еще и счет времени потеряла. По-хорошему, надо бы просто завалиться спать. Но одна мысль о том, что снова явится эта мертвая дамочка, прогоняла всякую мысль о сне. Ведь придется объясняться, разговаривать о посохе и короле… не хочу. Особенно — о короле. Сейчас напьюсь… а пьяным, говорят, море по колено.

Облокотясь о стойку я ждала, пока трактирщик согреет вино.

— Я играл тебе весь вечер. Я охрип уже от песен… — раздалось из-за спины.

Я обернулась — слишком резко, пришлось вцепиться в стойку, чтобы не пошатнуться. Бродячий певец, что недавно неприметно сидел в углу у камина, удобно устроился за ближним столом. Поймал мой взгляд, широко улыбнулся, подмигнул:

— Но — увы — от этой встречи Не пополнится карман. Что сидишь ты словно нелюдь? Что ты головой качаешь? Что теперь я буду делать И без денег и не пьян?

Я невольно рассмеялась. Каков наглец! Потянулась к кошельку. Парень оказался рядом в мгновение ока, перехватил руку.

— Не надо. Просто я хотел чтобы ты улыбнулась. Красивые девушки не должны грустить.

Ах вон оно что… Я высвободилась, окинула его взглядом. Пепельные волосы, зеленые глаза. Уверенный, чуть ленивый кошачий взгляд. Хорош, ничего не скажешь — и знает себе цену. Девчонки небось гроздьями вешаются.

— Позволишь угостить тебя?

А почему бы, собственно, нет? Сидеть, пить и болтать ни о чем — все лучше, чем в одиночестве таращиться в пламя камина и вспоминать. А то, что неизбежно за этим последует… какая, в общем-то, разница — теперь?

Он поговорил с трактирщиком, поставил на стол две кружки: в одной мой заказ, в другой — пиво.

— Что тебе взять к вину?

— Ничего.

— Даже так? Может быть, не стоит пить не закусывая?

Я рассмеялась:

— Здешний хозяин кормит так, что после ужина я не могу впихнуть в себя ни кусочка.

Не объяснять же ему…

— Сделаю вид, что поверил, — ухмыльнулся парень. Взял себе связку мелкой вяленой рыбешки, уселся рядом. — Полагаю, спрашивать, куда ты идешь, бесполезно?

— Правильно полагаешь.

— А я — в столицу. В большом городе легче заработать. Потолкусь там пару недель а потом — на юг, к морю. Как раз к зиме. Ты когда-нибудь была у моря?

— Нет. Расскажи, какое оно.

Певец мечтательно улыбнулся:

— Оно… Оно прекрасно…

Он умел подбирать слова. Я слушала, и перед глазами невольно вставало то, что я раньше видела лишь пару раз на картинах. И было совершенно неважно — так ли это выглядит на самом деле, как мне представлялось — главное, что можно на какое-то время забыть обо всем и убежать… Туда, где белые пенные пряди на волнах зеленого хрусталя и солнечные лучи танцуют на поверхности вечно беспокойной воды. Где растут странные деревья с огромными перистыми листьями на макушке. Днем плач чаек мечется над берегом, отражаясь от скал, а ночью звезды сияют в тихо шепчущем прибое…

Я не вздрогнула, когда он накрыл мою ладонь своей. Этот парень своими словами сумел подарить мне полчаса счастья. Немного, но… Но до чего же больно возвращаться в «сейчас». Я одним махом допила успевшее остыть вино.

— Еще заказать? — спросил он.

В голове уже шумело — ну и замечательно. Еще немного…

— Если можно. Горячего.

— Ты мерзнешь?

— Пожалуй, уже нет… просто за день застыла так, что не могу согреться.

Его рука легла мне на колено:

— Это не поможет согреться по-настоящему.

Я заглянула в кошачьи выжидающие глаза. Ну что ж…

— По-настоящему — это как?

Он придвинулся ближе, склонился над моим лицом. Голос — точно бархат по обнаженной коже:

— Вот так.

Уверенный, неторопливый поцелуй, которому невозможно не ответить. Я и ответила, подчинившись этой уверенности. Волна желания поднялась из ниоткуда, нахлынула, смывая последние остатки разума.

Он отстранился — буквально на полдюйма, так, что губы все еще почти касались моих. Прошептал:

— Пойдем?

— Да.

Ноги уже были ватными — то ли от хмеля, то ли от страсти — парень подхватил меня за талию, крепко прижимая к себе. Не помню, как мы поднялись по лестнице, как пронеслись по коридору, не переставая целоваться. Негромкий стук засова. Его руки на груди, на бедрах… везде. Летящая на пол рубаха. Губы на обнаженной коже…

Что же я делаю???

Хмель снесло мигом, точно от ведра ледяной воды. Я ошеломленно застыла. Он тоже замер, поднял глаза:

— Эй, что с тобой?

Я шарахнулась в сторону, слетела с кровати, подхватила с полу свою рубаху. Не тратя времени на одевание, как была опрометью пронеслась в свою комнату, задвинула засов. Прислонилась затылком к двери, сползла по ней, рыдая в голос.

Что же я делаю… Проклятый хмель! Не надо было…

Я судорожно всхлипнула, рассмеялась. Не надо врать себе — дело не в вине, никакой хмель не даст того, чего нет, он просто вытащит из души, все, что там крылось. Дело не в вине — просто я не могу одна. Не могу, не умею, боюсь… боюсь настолько, что готова прыгнуть в постель к первому встречному… Только чтобы почувствовать живое тепло рядом. Только чтобы знать, что хоть кому-то нужна, пусть на вечер, пусть… В качестве подстилки. На это ты тоже согласна только ради того, чтобы не остаться одной?

Я застонала, вцепившись в волосы. Откуда-то пришла совершено беспощадная честность.

Дело не в любви. «Я не могу без тебя» — это не любовь, это что-то другое. Что-то мерзкое, готовое заставить приползти назад на брюхе, точно шавка, облизывая руки и скуля «не оставляй меня одну, добрый хозяин». На самом деле я готова лезть на стену не потому, что нет его — а потому, что нет кого-то, кто бы вел и

решал за меня все — от выбора дороги до смысла жизни.

И что теперь? Свести счеты с жизнью проще всего… не взял нож — поможет вода или огонь… В сознании против воли всплыла картинка: я сижу на дне реки, беспомощно хлопая глазами, обнаружив что утопиться тоже не получилось. Засмеялась — фарс какой-то. Нет, Рию стоило бы прибить только за это проклятое заклинание… Значит, остается только жить дальше. Учиться жить одной. Рик? Конечно, не прогонит. Я все-таки пойду к нему — сейчас мне нужна тихая гавань, где можно отлежаться, зализать раны. Чтобы потом встать на ноги. Потому что если я останусь с ним, то так и буду вечно младшей бестолковой сестренкой, которую нужно любить и баловать, ограждая от бед… и от жизни.

Учись жить сама — приказала я себе. Страшно? А что — в первый раз приходится перешагивать через страх? Учись жить сама… А для начала — давай-ка попробуем подумать. Если занять мозги работой, на слезы сил не останется.

Кто приходил в мои кошмары? Кто превратил меня в затравленное… стоп, милая. Не «кто превратил» — а ты сама превратилась. Могла ли справиться с этим — другое дело. Но об этом не сейчас, это я пока не смогу… Я уткнулась лбом в колени. Хорошо — кто это был? Король… но если вспомнить все, что я читала про эльфов — они не могут ходить по чужим снам. Это темное искусство, и, похоже, когда Риа говорила про некромантов, она не врала. Ладно — пусть за столько времени среди людей он забыл о своей сущности до такой степени, что занялся некромантией. Пусть научился каким-то образом пробираться в человеческий мир теней. Но остается главное — зачем? Чтобы держа меня в постоянном страхе прочнее привязать? Глупо, я и без того шла за ним глядя снизу вверх и разинув рот, особенно после того, как… нет об этом я пока не могу думать, об этом потом. Чтобы убедить меня, что этот посох действительно безумно важен и охота идет всерьез? Не ложится, никак не ложится, особенно бойня у ворот Ривеллена — потому что он и в самом деле едва не погиб там. Разве что стражники действительно не знали, что к чему и дрались всерьез… Нет, бред. Каков бы он ни был, он не дурак подставляться под мечи, когда за исход схватки никто не поручится… Я поднялась с пола, растянулась на кровати, глядя в потолок.

По большому счету, только один человек шастал в моих снах как в собственной спальне. Я ведь нашла способ от нее избавиться… и на следующую ночь появился «король». Чтобы все началось сначала. Чтобы и дальше можно было вести меня на поводке из ненависти и страха. Одна — на ненависти, второй —

на любви… Кукловоды, чтоб их…

Я ведь так и не разглядела его лица… оно плыло, как и вся фигура, как не слишком хорошо сделанная иллюзия… Во сне — лишь разум против разума, но магия — тоже порождения нашего сознания. Все-таки советница?

Тогда остается самое главное — зачем? Зачем ей этот посох. Может ли рассказ про прежнего короля, вышвырнутого из этого мира оказаться всего лишь поводом? Байкой, которую я проглотила не разжевывая? Вопрос веры — либо ей, либо… Впрочем, нет, доверие здесь не при чем. Все упирается в целесообразность. Убить — понятно. Загнать между мирами — зачем?

С другой стороны — если я не знаю ответа, это еще не значит, что его на самом деле нет… Я хищно улыбнулась. А вот сейчас и спросим. Все спросим… Если все, что происходит во сне лишь разум против разума — значит, и я смогу покопаться у нее в мозгах. В конце концов — я ведь тоже маг. Очень неплохой маг. Вот и посмотрим, кто кого.

— Что случилось! Где посох? Он же был совсем рядом с тобой, я видела!

— Доброй ночи. — Я сидела посреди ромашкового луга, прислонившись спиной к стогу. Рассмеялась — под ярким солнцем «доброй ночи» звучало весьма неуместно.

— Где посох?!

Я устроилась поудобнее, полузарывшись в душистое сено. Отхлебнула из лежащей на коленях фляги, блаженно прикрыла глаза. Где-то в небесах заливался жаворонок.

— Отвечай, когда тебя спрашивают!

— Остынь, а? Смотри, какой день замечательный. — Я протянула советнице флягу: — Будешь?

Флегматично выслушала поток ругательств.

— Слушай, а ты точно была советницей короля? Разговариваешь, как свинарка.

Нет, злить ее не доставляло мне удовольствия. Но гнев не добавляет способности контролировать мысли. Так что пусть злится. Тем более, что я сейчас не в лучшем состоянии и не думать о том, чего ей бы не стоило знать, не получится. Хотя… а почему нет?

Риа смогла справиться с собой, устроилась в своем кресле. На цветущем лугу оно выглядело донельзя неуместно.

— Так все же, не будешь ли ты так любезна поведать, куда из твоих рук исчез посох?

Я безмятежно улыбнулась:

— Расскажу. Только для начала не соизволишь ли сказать, на

кой ляд он тебе сдался?

— До чего бестолковая девка! — всплеснула руками Риа. — Уже забыла?

— Ах да, еще одно: почему Карн вместо того, чтобы просто убить, вышвырнул прежнего короля куда-то там в междумирье? К чему такие сложности?

— Откуда мне знать? Спроси у него. Может, чтобы никто не понял, в чем дело. Подменить короля големом, все рано никто не поймет, некромантию давно все забыли, а вот порчу увидят сразу.

— Не получается, — усмехнулась я. — Голема увидят еще быстрее — то, что никогда не было живым отличается от обычного покойника.

— Тебе почем знать? Некромантией баловалась?

— Риа, я целитель. Хороший целитель. Кому как не мне уметь отличать живое от того, что никогда не было таковым?

— Не знаю! — в ее голосе прорезалось раздражение. — Если так любопытно — спроси у короля.

Я расслабленно потянулась. Не показывать ей, свое напряжение. Пока рано. Пока… пусть разозлится… тем более, что я уже вижу, о чем она думает.

— Спросила. Но видишь в чем странность — король говорит…

— Что???

Ага, вот оно… Осторожно, она ведь тоже меня читает. Ну и пусть — так даже веселее.

— Король говорит, — повторила я, — что Юрилла он просто убил. И никаких фокусов с другими мирами.

Ох ты… приятней, наверное, в помойке рыться. Ну и мерзавка же ты, советница… И как же ты его ненавидишь! Всегда ненавидела, с того самого времени, как свежеиспеченный боевой маг государя появился во дворце и вместо того, чтобы с благоговением внимать твоим словам — ведь ты уже лет пять была первой советницей, начал гнуть свою линию. Да еще и сделал вид, будто не понял, что ты его соблазняешь, хотя тогда тебе еще не нужно было прикрывать морщины мороком. Ты ведь никогда не стеснялась в средствах — а ночная кукушка дневную всегда перекукует. Но сохранить влияние на короля даже когда ему надоела твоя постель — это надо уметь… Вот только устранить зарвавшегося «юнца» никак не получалось — слишком уж он был полезен короне, а позапрошлый король был достаточно умен, чтобы не окружать себя бездарностями, предпочитая лести — реальные дела.

— Ты… Упустила посох, дрянь!

— Видишь ли… — я флегматично закусила травинку. — Не

знаю, как, но он был в курсе дела с самого начала. Ты ведь не видишь его, не можешь видеть…

— Что ты несешь!

Страх? Только не позволить ей сбежать… А мы и не позволим. Значит, когда поняла, что запахло жареным, подстелила себе соломку… Где ж ты книги по некромантии нашла? Мерзость какая… создать заклинание, которое удержит душу в мире теней, остановив ее на пути к посмертию. Только посох не успела заполучить, а без него не вернуться — никак. Вот, значит, что было мне уготовано…

— Не видишь, Риа, — рассмеялась я. — Как же ты трогательно переживала, что я вышла в дорогу без телохранителя. Так вот… он у меня был. Знаешь, очень лестно было обнаружить, что заполучила в охранники самого короля.

— Что ты несешь???

Ты уже копаешься у меня в разуме? Ну так смотри…

Трактир… полупьяная песня… «Оставил бы ты девочку в покое»… Тяжело рухнувшее рядом тело с ножом под затылком, встревоженный голос. «Жива?»… Весь в крови, плечо разворочено, лоскутья кожи — не знаешь, с чего и начинать… Мелкая летучая тварь вцепляется в запястье, медленно-медленно начинает падать… Хватит. Дальше — слишком больно…

— Ах ты дрянь…

Стой! Нет, не отпущу. Оказывается, я тоже умею ненавидеть… Кто отдал тот приказ? Кто еще стал твоей марионеткой и чем ты взяла его… Нет, это, похоже, я не вытрясу — хотя бы потому, что не знаю окружения короля. Ладно, по большому счету и без того все ясно. А с интриганами под боком пусть разбирается сам. Осталось немного… Ага, вот они, ключевые точки заклятья, что держат ее между мирами.

— Прощай, советница. Желаю тебе того посмертия, что ты заслужила.

Разорванные скрепы. Вопль. Агония разума, осознавшего, что на этот раз — действительно все.

Я распахнула глаза, тяжело дыша, уставилась в темноту. Она смогла построить заклинание, но не успела заполучить посох и найти человека, который с его помощью открыл бы границу между миром живых и миром теней. Сообщать несчастному, что в тот же миг, как миры соединятся, он станет лишь вместилищем для разума Рии вовсе не обязательно. Не успела. И тут так кстати подворачиваюсь я… то есть совсем некстати. Ей и в самом деле нужен был отец… жаль, не разглядела, на какой поводок она хотела взять его. Сильный боевой маг из хорошего рода, когда-то друг короля… а что вдруг изменился, так время всех меняет.

Семья заметит — ну и пусть катятся к демонам, кого это волнует. А тут пришлось иметь дело с перепуганной девчонкой… нет похоже, я ошиблась, похоже, заговор и в самом деле не ее работа…. Ладно, об этом утром, потому что сейчас мысли путаются и колотит озноб — сил эта тварь сожрала… Спать. И наконец-то мои сны будут только моими.

Чем дальше от столицы, тем меньше становилось людей на дороге. Оно и к лучшему — когда тракт опустел стало можно, наконец, идти не прикрываясь мороком. Стриженая одинокая девка в штанах… все равно что написать на лбу соответствующее словечко. Не сказать, чтобы я сильно переживала о том, что про меня думают — но надоело объясняться с желающими пораспускать руки. А постоянно держать морок — тоже радости мало, к вечеру голова просто раскалывалась. Проще, конечно, было бы соорудить амулет, подвесив на него заклинание, и больше не тратить сил на поддержку колдовства — но золота у меня не было. Денег вообще было негусто — хватило бы до места дотянуть. Да еще и холода на носу — по ночам я отчаянно мерзла, несмотря на костер Надо где-то раздобыть теплую одежду: хоть не учись воровать, право слово. Впрочем, дальше будет чуть-чуть теплее, может, успею добраться до Ривеллена до того, как холода ударят по-настоящему. А не успею — невелика потеря. Плакать по мне некому.

Недели через две леса закончились, началась степь, а еще через неделю я поняла, что рядом — деревня, где жил Ортон. Не знаю, зачем я свернула туда. Только подойду к храму… внутрь мне снова нельзя.

Я медленно шла по пустой деревне. Удивительно, как мало времени нужно для того, чтобы крепкие хаты стали казаться ветхими призраками, в которых самое место нежити. Впрочем, нежити здесь не было. Пока?

Зачем я сюда свернула? Вспомнить? Так я и без того не могла забыть ни дня. Ни дня из того пути, что мы проделали вместе. Говорят, трудно забыть плохое, но хорошее — стократ труднее… равно как и то, что все оказалось ложью.

Я только постою рядом с храмом… Еще одна глупость — после всего, что произошло, я не могу верить ни людям, ни богам. Но должно же в мире хоть что-то остаться надежным и неизменным?

Ортон возник на пороге, словно почуяв мое появление. Может, так оно и было — в нем чувствовался недюжинный дар — боевой маг, и не из худших. Странно, что он пошел служить Лазару… впрочем, какое мне дело до всего этого?

— Здравствуй, — он поклонился.

— Здравствуй. И оставь эти нелепые почести. Кажется, мы уже об этом договаривались.

— Прости, — он улыбнулся. — Пойдем, вижу, что ты с дороги и голодна.

Голодна? Вовсе нет… Я уже очень давно ела только потому что нужно, а не потому, что хочется.

— Я не могу зайти…

— Снова кого-то убила на дороге? — в голосе жреца не было осуждения — только вопрос.

— Да.

— Порой я не понимаю, почему Лазар не допускает снисхождения даже для тех, у кого не остается выбора.

— Выбор всегда есть. Можно было подождать, пока они накуражатся. — Я усмехнулась, откинула с лица лезущие в глаза волосы. — Убить бы не убили. Но почему-то не захотелось…

— Понятно. Пойдем, в любом храме есть пристройка для воинов, которые, бывает, охраняют паломников в пути. Туда тебе можно.

Я послушно прошла за жрецом, подождала, когда он вернется с едой, приняла миску с горячей кашей. Ортон сел напротив, молча подождал, пока я поем и примусь за чай.

— На тебе лица нет, — тихо заметил жрец. — И идешь одна, даже без охраны. Неужели с государем что-то случилось?

Я вздрогнула, горячий чай плеснул на руки. Осторожно поставила кружку. Ортон метнулся за полотенцем — но мне было не до таких пустяков.

— Ты знал???

Что за глупости я спрашиваю — конечно же он знал… однокашники как-никак. Неужели во всем этом безумном мире я одна, словно блаженная, вижу лишь то, что хочу видеть???

— Ну да, — обернулся он. В голосе промелькнуло удивление. — Мы же были друзьями… в академии — пока я не наделал дел…

— Забавно. Я вот не знала. До недавнего времени.

— Постой, — он всмотрелся мне в лицо. — Может ли такое быть? Ведь государь сказал — ты его жена.

Я расхохоталась, словно наемник над похабной шуткой:

— Он много чего говорил. Что еще интересного сказал государь?

— Когда я спросил — почему о том, что король нашел пару, не кричат по всей стране, он отмахнулся. — Ортон говорил медленно, негромко, пристально глядя на меня. — Сказал, что людям нужен обряд — они его получат, когда вы доберетесь до столицы. Но на самом деле это неважно. Ты — его жена.

Королева.

— Хватит! — я со всей дури запустила кружкой в угол. Тихо добавила: — Прости. Надо бы научиться держать себя в руках. Он врал.

— Я не разу не слышал о том, чтобы Тарилл кому-то солгал, — тихо сказал жрец.

— Ну да, — я снова рассмеялась. — Может быть, его просто никто не ловил? Или еще проще — то, что для простых людей ложь, у королей называется политика. Если он никогда не врал — то как объяснил, почему сменил имя?

— Дорожный вариант. А причины я не спрашивал — мало ли, какими они могут быть.

— Действительно, какая разница, почему государя нельзя называть государем?

Ну что мешало ему рассказать… вот здесь бы и рассказал, раз уж нашелся человек, который знал, кто он такой. Я бы приняла это… тогда бы я смогла поверить всему… Так же, как полностью доверяла ему, принимая лекарство, прекрасно понимая, что стоит ему ошибиться на пару капель — и умру я не от чумы.

— Может быть, за двадцать лет многое изменилось… — осторожно проговорил Ортон, — но мне трудно поверить…

Я пожала плечами:

— Не хочешь — не верь. Твой друг. Твое дело. А с меня довольно. — Поднялась из-за стола. — Спасибо. Пойду дальше.

— Останься, — попросил жрец. — Хотя бы до утра. Я давненько ни с кем не говорил.

Поколебавшись немного, я кивнула. Торопиться все равно некуда. Только…

— Ни слова о… О короле.

Зря я осталась. Зря вообще сюда пришла. Слишком уж все было знакомым… слишком напоминало о тех днях, что мы провели здесь. Слишком часто повисал разговор. Никогда нельзя возвращаться туда, где ты была счастлива. Никогда…

Впрочем, молчание было и вовсе невыносимым.

— Почему ты не ушел со всеми? — спросила я.

— Надо бы… Один долго не протяну. Но… Не мог бросить храм. Это ведь я его построил — сам. Ну, не совсем сам… на свои деньги — так будет вернее.

— Огромный каменный храм в глуши… Прихожан почти нет. Зачем?

— Долго рассказывать, — вздохнул он. — После того, как… Ты знаешь, как погиб твой дед?

— Только со слов Та… короля.

— Я убил его.

Я встретилась с ним взглядом. Вот, значит, как звали третьего. Прошлое семьи догоняло раз за разом — сколько еще мне убегать от этого?

— Бессонная ночь перед экзаменом — вроде, не в первый раз, а вот даром не прошло. Надо было-то всего портал сделать… а портал получился не во двор, а между мирами. Там были демоны… или один — я не знаю. Помню только, что когда портал открылся… из него вырвалось нечто… нечто, что бросилось прямо на меня.

Ортон замолчал, отвел взгляд. Здорово ж его тогда покалечило — если и сейчас вспоминать не может спокойно. Но… ничего себе «всего-то портал» — на такое единицы способны.

— Не надо, — как можно мягче произнесла я. — Сейчас уже ничего не исправить.

— Надо, — он упрямо мотнул головой и снова посмотрел мне в глаза. — Когда нас нашли — демон был мертв, а вся комиссия — без сознания. Они пришли в себя — кто раньше, кто позже. Твой дед… три дня беспамятства, и… До конца надеялись, что он все же не выжжен. Я очнулся через неделю. Ректора похоронили, Ирвилл ушел — говорят, он приходил меня проведать… если это правда — может быть, он смог простить. Впрочем, едва ли… Тарилл… тот был рядом, он всегда умел быть рядом, когда что-то не так… прости. Я сам начал сторониться его, когда понял, — голос Ортона упал до шепота, — что больше не могу колдовать. Совсем. Даже простейшее заклинание… даже огонек на ладони, то, чему учат малышей, едва начавших сознавать свой дар.

Он снова замолчал, закрыв лицо ладонями.

— Ирвилл ушел. Тарилл стал боевым магом государя. Все приятели разбрелись — кто на должностях, кто в армии, кто еще где-то. А я… Я вдруг понял, что не знаю, что дальше. Все, что я умел до сих пор — ремесло боевого мага. Впрочем, нет, ремесло — это не то слово… это был Дар, то, что было таким же простым… и таким же незаменимым, как воздух. Он по-прежнему был со мной, я все так же мог коснуться силы… и каждый раз, едва попытавшись, замирал от страха. Трус — просто трус.

Я молча коснулась его руки. Ортон улыбнулся:

— Не надо меня жалеть. Прости… я давно ни с кем не разговаривал. — Он снова помолчал. — И тогда я подумал — если я не могу убивать — может, это судьба? Может, так и должно было случиться? Ведь есть бог, жрецы которого не умеют колдовать… Лекарский дар редок — владеющие им самим своим существованиям служат Лазару. Такие как ты, живут в миру — а в храмах служат те, кто не может послужить Ему ничем другим. Если я больше не могу служить Игне, может быть, Лазар примет

меня? Вернулся туда, где жили мои предки пару поколений назад. Выстроил храм. И думал, что обрел покой. Пока…

— Пока прошлое не вернулось, — сказала я.

Ортон кивнул.

— Я думал — вы уйдете, и все вернется на круги своя. Но все посыпалось. Прошлое возвращалось раз за разом, а я… такое чувство, что последние двадцать лет — это не я, кто-то другой, а настоящая жизнь осталась там, далеко позади, и… Не знаю…

Я молчала. Что тут скажешь?

Жрец на миг закрыл лицо руками. Когда он поднял голову, оно уже было спокойно.

— Куда идешь теперь?

— В Ривеллен, к брату. У меня больше никого нет.

— Не будешь против, если я провожу? Зиму одному не пережить… а куда идти, собственно, разницы нет. В Ривеллене ведь есть храм Лазара?

— Есть. — Кивнула я. — Но почему не в столицу? Она намного ближе, и храмы…

— Не хочу возвращаться туда, где я был счастлив.

— Хорошо.

— Только… — Ортон замялся. — Подождешь пару дней? Чтобы я мог собрать вещи и попрощаться с этим местом?

— Подожду.

День клонился к вечеру. Ортон ввалился в мою комнату, держа в охапке несколько свернутых одеял.

— Прости, но ночевать я буду здесь. — Жрец бросил одеяла на лавку, и стало видно, что на поясе у него висит меч.

— Что случилось?

— После того, как все ушли, на кладбище нежить завелась. В храм ей хода нет, но это помещение не освящено.

— Нежить? Или нечисть? Ортон, после того, как мы прошли с огнем по деревне, непогребенных тел не осталось, и ты говорил, что и новых покойников не прибавилось. Откуда?

— Новых покойников действительно не было — Жрец деловито сооружал постель на одной из лежанок. — Но… Страдания и страх в таких количествах, на протяжении хотя бы нескольких дней — этого достаточно, чтобы с кладбища поднялось что-то… неважно, что. Обычно гули. Сама понимаешь, то, что бродит здесь по ночам я не разглядывал.

— Ортон… но тогда эта дрянь должна бы заводиться в любом городе после чумы, или холеры, или… Да не обязательно после болезни. Любая осада… Это же тоже страдания и страх — не на один день.

— В том и дело. Неужели ваши лекарские книги не

упоминают о том, что после любых эпидемий кладбища очищают боевые маги? Последние пятьсот лет, по крайней мере, когда некромантов не осталось… или они очень хорошо прячутся. — Ортон отстегнул меч с пояса, положил рядом с постелью. — Обычно удается не доводить до того, чтобы нежить поднялась, хотя когда как. А уж что во время осады творится…

— Ясно, — я поднялась. Пойду, поставлю охранные заклинания. Меч нежить не берет.

— Знаю. Но это все, что у меня есть.

Я проснулась от крика, полного боли, ярости и отчаянной безнадежности. Нежить? Но нежить воет не так… хотя по большому счету, мне откуда знать? Ортон рядом вскочил, подхватывая меч:

— Там кто-то живой!

— Стой, — заорала я. — Меч не…

Бесполезно. Его уже не было в комнате. Я выругалась и выскочила следом. Догнала жреца, спотыкающегося в темноте — заклинание ночного зрения не подвело и в этот раз — подвесила над его головой свет, ухватила за руку:

— С ума сошел! Клинок с нежитью не сладит…

Снова крик, глухие удары в неестественной тишине ночи — с таким звуком топор врубается в свиную тушу. Вой — теперь уже действительно нежить.

Ортон стряхнул мою руку:

— Там люди! Возвращайся в храм, обнови заклятья — тебя не тронет. А я…

— Да тебя эта тварь когтями на лоскуты порежет — и ни какой меч не поможет!

Жрец снова несся вперед — пришлось догонять, вопя на бегу:

— Ты хоть раз с ними встречался? По-настоящему, а не на занятиях? Их режешь на куски — и хоть бы что! А колдовать…

— Колдовать не могу. Но там люди. — Рявкнул он. — И тебя я с собой не звал. Ты целитель, вот и сиди себе тихо, потом залатаешь… если будет кого латать.

Вот ведь уперся! И что теперь с ним, таки героем делать? Не бросать же…

Наконец, я их увидела. Три твари, до отвращения похожие на людей, и двое мужчин. Один уже полулежал, прислонившись спиной к плетню, зажимая рукой рану на шее, второй еще пытался драться, отмахивался мечом, отступал, пытаясь увести нежить от раненого. Трое… должна справиться. Заклинание сложилось само собой — и кануло в никуда. Нет, впрочем, не совсем в «никуда», потому что чудища что-то почувствовали и поперли на меня, игнорируя и чужаков и Ортона. Я попятилась.

Так не бывает, не может быть! Тогда, в пещере, ведь сработало безотказно… Я швырнула в нежить первым что пришло на ум — банальный огненный шар. Один из гулей вспыхнул… впрочем, резвости у него не убавилось. Да что же это… ох, ну я и дура! Там, в пещере, упыри были подняты. Созданы некромантом целенаправленно. Эти — поднялись сами… и не было у них тех останков души, которые можно было бы отпустить — лишь аура страха, боли и ненависти, что подняла их. И времени на то, чтобы подумать — как-то ведь боевые маги управлялись с этой дрянью — не оставалось. Да даже если бы и успевала сообразить — не факт, что получится. Я же не боевой маг. И убежать от них не убежишь… быстры, твари. Я успела подпалить еще одного — Ортон с чужаком в это время тоже без дел не сидели, но толку-то с их потуг — мечи застревали в умершей плоти, точно в вязком дереве. Одному гулю снесли голову — хоть бы на миг замедлился… А потом думать стало совсем некогда — пришлось выхватывать нож. Увернулась от протянутых лапищ, попутно шарахнув молнией — ничего кроме воя. От той твари, что я подожгла первой, отваливались куски плоти — но он все еще шел — впрочем, какое «все еще» — прошло-то полминуты, не больше, это мне со страху кажется, что время почти не движется… Под ноги некстати подвернулся камень, кто его знает, откуда он тут взялся. Я вскочила было — и тут же с воплем упала обратно, схватившись за лодыжку. Ну вот и все, добегалась…

Торжествующий вой нежити, почуявшей легкую добычу. Рев незнакомца, ринувшегося отбивать. И спокойный речитатив Ортона. Ближайшая тварь застыла и рухнула. Второй следом. Тот, что горел, рассыпался сам.

— Аларика?

— Жива, — прошипела я. — Нога…

Ортон сдернул сапог, быстрыми легкими движениями ощупал лодыжку.

— Не похоже, что сломана. Сухожилие потянула, скорее всего. Вернемся под крышу — посмотрю получше. Сейчас бинты принесу…

— Погоди. Там раненый… жив еще. Помоги.

Опершись на плечо жреца я кое-как дохромала до сидящего, опустилась рядом на колени. Добавила света. Из под прижатой к шее ладони чужака струилась кровь. Вовремя успели… провозились бы пару минут дольше, и никакой целитель бы не помог. Время снова потекло своим чередом. Заклинание, останавливающее кровь. Нейтрализовать всю ту дрянь, что попала с когтей. Теперь аккуратно срастить сосуды… мышцы… кожа. Боги, до чего же мне надоело залатывать раны! Ну хоть бы какая-

нибудь обычная простуда, перелом, роды, на худой конец. Нет ведь…

— Все. — Я отодвинулась, уселась рядом, опираясь на тот же плетень. Шевелиться не хотелось — слишком устала. Подняла взгляд на Ортона:

— А говорил «не могу»… Утром расскажешь, как такие вещи делаются.

Жрец открыл было рот ответить… Замер, медленно поднял раскрытую ладонь, расширившимися глазами глядя на маленький язычок пламени. Перевел на меня ошалевший взгляд, сгреб в охапку, закружил, вопя что-то нечленораздельное. Наконец, поставил — я, охнув, тут же плюхнулась наземь — опустился рядом:

— Спасибо.

— Мне-то за что? — удивилась я.

— За то, что напугала до такой степени, что на другие страхи времени не осталось. — Рассмеялся он. В воздух взлетел фейерверк, рассыпался искрами.

Я засмеялась в ответ. Ну хоть у кого-то все теперь будет хорошо. Сорок пять — для мага возраст самого расцвета. У него еще все впереди…

Шорох сбоку… Я подпрыгнула, обернулась — один из чужаков поднял раненого и пытался незаметно исчезнуть.

— А ну, стойте!

Ага, как же… только шагу прибавили.

— Стоять! — рядом с мужчинами пронесся поток пламени. Ортон.

Двое застыли.

— Откуда вы взялись?

— Да мы тут… мимо шли… решили в пустом доме заночевать, все лучше, чем под открытым небом, а тут…

Врут. Как пить дать — врут.

— Здесь не ходят «мимо» — нахмурился маг. — Что вы тут делаете?

Раненый сполз в траву. Второй сел рядом, поняв, что, похоже, удрать не удастся. Оба угрюмо молчали.

— Ну вот, — хмыкнула я. — Их тут, понимаешь, от чудищ злобных спасли, раны вылечили, а они вместо благодарности — ноги в руки. Вы что, всерьез полагаете, что мы вот просто так отпустим и ляжем спать, зная, что вокруг бродят какие-то темные личности с неведомыми намерениями? А вдруг вы нам ночью глотки перережете? Нет уж, проще уж сейчас добить, чтобы потом не дергаться.

— Госпожа, мы… — тот, что не был ранен, облизнул губы. —

Мы не разбойники.

— Тогда что вы здесь делаете? — рявкнул Ортон.

— Мы… мы за ней шли.

Вот это новость. И кому я, спрашивается, сдалась?

— Король приказал проводить и защитить, ежели что.

Я ошарашенно уставилась на них.

— И как долго вы за мной идете?

— Догнали в трактире, в полутора днях от столицы. А там уже не отставали.

— Я же под мороком была!

— Госпожа, мы ведь не первый день на свете живем, — обиделся раненый. — Знаем, что от вас, колдунов, ждать. Шла-шла себе девка, огляделась, под нос себе что-то буркнула, а потом раз — и пацан. Понятно же, что к чему.

Он послал людей охранять меня? Зачем? И что теперь — эти двое будут таскаться за мной как нитка за иголкой? Вот, не было печали.

— Проводить, значит, и защитить, ежели чего… — медленно повторила я. Наконец, до сознания дошла вся нелепость ситуации. Я от души расхохоталась. Смеялась и не могла остановиться. Подумать только, защитить…

— Аларика? — в голосе Ортона прозвучала нешуточная тревога.

— Ну надо же, — всхлипнула я. — Защитнички! Самих спасать пришлось…

— Госпожа, прости…

— Аларика! — маг тряхнул меня за плечи. — Аларика, успокойся.

— Нет, ну как ты не понимаешь… После всего, что было. После… — я спрятала лицо в ладонях и заплакала.

Жрец растерянно охнул. Махнул рукой чужим.

— Идите в храм, там пристройка есть — места всем хватит. А то не ровен час, еще кто вылезет… Мы сейчас.

— Мы тут в сторонке подождем. А то и в самом деле — не ровен час, кто вылезет.

— Хорошо. — Ортон пустился рядом, привлек к себе. Я уткнулась в плечо, продолжая рыдать.

— Хватит, — прошептал жрец. — Хватит, успокойся. Все будет хорошо.

— Ты не понимаешь… ничего уже не будет. Ничегошеньки…

Ортон бросил быстрый взгляд в сторону чужаков. Они действительно стояли «в сторонке» — достаточно далеко, чтобы не слышать каждое слово, достаточно близко, чтобы прийти на помощь, если что… Стояли, глядя в темноту за пределами круга

света вокруг нас.

— Он любит тебя. — Тихо сказал Ортон.

Я снова засмеялась:

— Какое это имеет значение — теперь?

— Имеет. Просто тебе сейчас слишком больно, чтобы понять.

— Не хочу я ничего понимать! — я отпихнула жреца. — Вы твердите, как заведенные — так надо, надо понять, надо, надо, надо… Я устала от этого «надо!». И «понимать» устала. — Я ведь всю дорогу сюда думала об этом — больше, собственно не о чем было. Да, тайна, которую знают двое, перестает быть тайной. Да, у него не было и не могло быть уверенности что во время очередного визита Рии я не подумаю о нем — и о том, кто он на самом деле. Да, когда где-то под боком действительно зреет заговор — настоящий, а не тот мифический, что приписали моей семье, и на карту поставлена не только власть, но и жизнь — а, возможно, не только его — лучше держать язык за зубами. Все было понятно. Но легче от этого не становилось ни капельки.

— Все, чего я хотела — просто жить спокойно. Просто…

— Шшшш… — Ортон снова обнял, прижал крепко-крепко, хоть забрыкайся — не вырвешься. — Все будет хорошо…

— Самая бессмысленная фраза из всех, что только можно. — Устало произнесла я. Вытерла лицо рукавом. — Прости. Просто… дорога, нежить эта, да еще и нога болит. Пройдет.

— Конечно, — маг мягко улыбнулся, подхватил на руки. — Пойдем. Надо еще ногу твою посмотреть.

Охранники не говоря ни слова пошли следом.

Нога выглядела отвратительно. Я долго разглядывала распухшую лодыжку. Провела ладонью, прислушиваясь к себе. Нет, перелома действительно нет. Сухожилие надорвано. Сейчас перебинтую, чтобы до утра дотянуть, а утром залечу. День отлежусь и можно будет снова в дорогу. Как раз и Ортон соберется…

Он принес бинты, присел рядом:

— Может быть, все-таки сперва залечишь? Утром труднее будет…

Я покачала головой:

— Сил не хватит. Ну то есть что-то, наверное, выжму — но потом могу просто свалиться без сознания. Лучше уж так.

— Тогда позволь я помогу. Нас учили…

Конечно, наверняка учили справляться с подобными травмами и ранами. Хотя бы потому, что в походе иной раз не до целителей. Интересно, а не в теории он хоть раз этим занимался?

— Спасибо.

Все-таки лучше спать, не подскакивая при каждом неловком

движении. Ну, а не получится — просто перебинтую, как и собиралась.

— Только будет больно, — предупредил жрец.

— Знаю.

Вцепилась в одеяло, прикусив губу. Еще чуть-чуть.

— Все. Только нужно забинтовать на ночь. — Ортон улыбнулся. Какая же светлая у него улыбка… Он радовался каждому удавшемуся заклинанию точно мальчишка едва-едва начавший осваивать азы и еще не привыкший к чуду.

— Спасибо. — Повторила я.

Жрец помог наложить повязку, фиксируя сустав. Потом долго бродил у двери, накладывая охранные заклинания — то ли моим не очень доверял, то ли просто вспоминал. Пусть. Ох, и тяжело ему придется. Хотя Дар… должен справиться. Но…

— Ортон, ты не передумал идти в Ривеллен? — осторожно спросила я. — Мне кажется, кроме храма есть много всего…

Он широко улыбнулся:

— Я пойду с тобой в Ривеллен. А оттуда — в столицу. Загляну в академию, спрошу, нет ли где нужды в не слишком опытных боевых магах. Обычно в приграничье не слишком перебирают, принимают всех, кто хоть на что-то способен. А там — вспомню, что к чему, будет видно, куда дальше.

— Если только из-за меня… дошла сюда — дойду и дальше. Тем более, что эти, — я кивнула в сторону соглядатаев, скромно приютившихся в углу, — все равно следом пойдут.

— Пойдем, госпожа. — Подтвердил один из них. — Государь велел лично доложить, как до места доведем. Так что хочешь — не хочешь, а придется уж тебе нас потерпеть. Можем глаза и не мозолить, если что.

— Брось, — отмахнулась я, — раз уж показались, чего теперь по кустам прятаться будете. — Снова обернулась к Ортону: — Так как? Видишь, доведут…

— Да ладно тебе, — улыбнулся он. — С меня ж… один наш общий знакомый голову снимет, если узнает, что я тебя одну бросил. А он узнает.

Да уж, этот узнает… И что теперь, мне всю жизнь провести под его негласным присмотром? Ладно, сегодня я слишком устала, об этом потом. Вроде все на сегодня? Нет, еще не все…

— Вы, двое… Как звать-то — не кричать же «эй, ты»? — вообще-то, их имена я уже знала. Но то истинные, дома данные, их кому попало не открывают… хотя по большому счету басня о том, что знание истинного имени дает власть над человеком — всего лишь басня.

— Я Саир, — сказал тот, что не был ранен. — А он — Инолл.

— Аларика. А это — Ортон. — хотелось просто упасть и спать… но осталось еще кое-что.

— Саир, нежить успела тебя зацепить? Ортон, это и тебя касается. — Со вторым я уже поработала, даже если что и было — больше не опасно.

— На мне ни царапины, — ответил маг.

— Ничего такого, что стоило бы внимания, госпожа.

Ох, тоже мне, умник нашелся…

— Саир, позволь мне самой решать, что стоит внимания, а что — не очень. Любая царапина, нанесенная нежитью, если ей вовремя не заняться, заканчивается заражением крови. — Тон у меня, надо сказать, был весьма недружелюбен. — И мне совершенно не хочется надрываться, вытаскивая тебя с того света только потому, что вишь, гонор взыграл.

— Госпожа… Кажется, плечо задело. И бок…

— Иди сюда, показывай.

От свечей толка было немного и я снова зажгла магический огонек. Склонилась к обнаженному торсу, исчерченному старыми шрамами. Да, плечо… и по ребрам успели когтями полоснуть, и левое предплечье, везде скользящие раны. Не будь виновником — нежить, действительно и возиться не стоило бы, перевязать — и вся недолга. Но…

— Аларика, позволишь мне посмотреть, как это делается? — Ортон. Ладно, смотри… если я в самом разгаре работы не свалюсь. Нейтрализовать заразу — ох ты, уже по телу разошлась, чего ж я раньше про них не вспомнила. Ну что теперь…

— Все. — Выдохнула я. — Голова кружилась и перед глазами плясали темные точки. Повторила: — Все. Теперь спать.

На следующее утро Саир с Иноллом ушли в степь ставить силки — «раз уж все равно день тут сидим» — и к обеду приволокли здоровенного зайца. Сами же и разделали его, наварив густой похлебки с полбой и травами. Ортон весь день пропадал в храме — собирал вещи, складывал в сундуки то, что на себе не унесешь — книги, утварь — все, чем успел обжиться за годы здесь. Складывал так, чтобы потом можно было вернуться с повозкой, и забрать если не все, то хотя бы самое ценное. Я спросила было, не нужна ли ему помощь, и, получив отказ, не стала настаивать. Справится так справится… признаться, последние две недели вымотали до невозможности. Так что полдня я просто отсыпалась — когда еще удастся поспать в тепле, под крышей и на кровати. После обеда Ортон принес охапку вещей. Долго извинялся, говоря что вовсе не хотел лезть не в свое дело, но ему показалось, что теплого у меня ничего нет да и на смену неплохо бы было. Все не новое, и не по размеру, конечно —

но хоть что-то. Услышав благодарность почему-то смутился и снова исчез в храме — а я весь остаток дня подгоняла вещи под себя и приводила в порядок то, что было на мне. К вечеру котомка изрядно потяжелела — но зато теперь было ясно, что до Ривеллена я все-таки доберусь… последние дни я шла на одном упрямстве, не зная, проснусь ли утром или так и закоченею во сне.

Мы ушли едва рассвело. Ортон долго стоял, глядя на покинутую деревню, потом догнал нас и зашагал рядом. О доме вслух он больше не вспоминал.

Идти вчетвером оказалось куда спокойнее чем в одиночку. Ну и вечерами я больше не пялилась в костер, крутя в мыслях одно и то же. Плохо было лишь то, что мужчины, словно сговорившись, бросились меня опекать — так что порой я чувствовала себя до невозможности неуютно — носятся, словно с наследной принцессой какой, выхватывая из рук все, что тяжелее ложки. Ладно хоть, мешок не отобрали — и то, наверное, только потому, что у самих было что на горбу тащить.

Когда мы входили в ворота Ривеллена шел первый снег. Я ловила на ладонь летящий с неба белый пух, мигом превращавшийся в прозрачные капли, и думала о том, что скоро все закончится. Больше никаких дорог, опасностей и смертей. Вот только выдержать еще один разговор…. ох и тяжелый будет разговор, но никуда от этого не деться. И — все, и появится, наконец, время, чтобы просто отдышаться… просто прийти в себя, а там видно будет. Не бог весть какие планы на будущее — но заглядывать сейчас вперед я просто не могла. Уже один раз попробовала — и чем все закончилось… Не думать об этом, не надо. Пока не могу… Все еще не могу. Пока мне нужен просто свой теплый угол. И все.

17

Дверь в кабинет отворилась почти неслышно — только сквозняк зашелестел листами пергамента. Ритан поднял голову, поспешно вскочил, поклонился. Король плотно притворил дверь, оперся о косяк, скрестил руки на груди:

— Ритан, зачем?

— Государь?

— Я еще могу понять бойню у Ривеллена — в голосе короля прорезалось холодное бешенство. — Сообщить о разыскиваемой преступнице — тем более, что формально она и числилась преступницей, не упомянув о том, что она не одна.

— Государь, я…

— Прекрасно зная, что без боя я не дамся, а вооруженное сопротивление властям пресекается быстро и безжалостно. Для всех король с минимумом охраны объезжает с инспекцией границы, почти не показываясь на глаза. Прямых наследников нет… и если он однажды внезапно исчезнет, то в курсе всех дел только ты.

— Государь, я невиновен.

— Правда? — ухмыльнулся король. — Ритан, я чувствую ложь. Всегда. Впрочем, есть и доказательства. Поэтому не трать зря время. В конце концов, если боевой маг государя смог занять трон, то почему бы то же самое не сделать первому советнику короля? Это понятно. Но объясни, чем тебе помешал Ирвилл?

— Я невиновен.

— Так не давало покоя письмо, что я написал ему, вступив на трон? Знаешь, что он ответил? Что все эти дворцовые игры его не интересуют. Если я прикажу — он подчинится, но не более того. И я не стал настаивать.

— Я невиновен, государь…

Король усмехнулся:

— Что ты там когда-то говорил о допросах и признании как доказательстве? — он распахнул двери, мигом появилась стража. — Вот и проверишь, достанет ли сил, как ты говоришь, невиновному… Заодно и расскажешь, зачем тебе понадобился парень. Заложник на всякий случай?

— Тарилл, я двадцать с лишним лет был на твоей стороне — даже когда ты был сопляком, только-только появившимся во дворце. Когда верность тебе означала пойти против Рии и угрозу опалы!

— Был. — Согласился король. — И просто покушение я бы тебе спустил… в память о былой верности. Имение в дар где-нибудь на юге, пожизненная пенсия от короны… негласный домашний арест и

строгий присмотр. Но семью Ирвилла — не прощу. — Он махнул страже:

— Увести.

Саир исчез где-то неподалеку от ворот — погруженная в свои мысли я не обратила внимания, а когда заметила — его уже не было. «По своим делам отлучился, скоро нагонит» — сказал Инолл. Я хмыкнула — какие могут быть дела в чужом городе — но расспрашивать не стала. Поинтересовалась только:

— А ты меня как долго провожать будешь?

— Государь сказал — пока не буду точно уверен, что ты дошла куда хотела и больше с места не сдвинешься. Так что до порога доведу — пока не увижу, что братец встретил.

— Брат может на службе быть. Будешь вместе со мной на крылечке сидеть, пока не вернется?

— Значит, буду — он равнодушно пожал плечами. — Впервой что ли?

— А ты, Ортон?

Маг улыбнулся:

— Я, пожалуй, тоже рядышком посижу. А потом с парнями на постоялом дворе переночуем — и в столицу.

Я кивнула. Разговаривать не хотелось. Да и думалось только об одном — добраться до Эльрика, поговорить… нет, об этом потом. Добраться до Эльрика, а там — будь что будет.

На дверях защитных заклинаний не было — значит, он дома. Я постучала. Сквозь тяжелую толстую дверь шагов не было слышно — просто на пороге вдруг возникла Айлин. Рик женился?

— Здравствуй. — Улыбнулась я. — Эльрик дома?

И едва успела поймать ее руки, попытавшиеся вцепиться мне в волосы.

— Это ты, тварь! Это все из-за тебя!

— Айлин, что случилось?

Она все еще пыталась драться — неумело, по-женски, расцарапать лицо, добраться до глаз. Ортон, наконец отмер, схватил девушку за талию, оттащил в сторону. Признаться, я сама была настолько растеряна, что только и могла ловить ее руки, не пытаясь сопротивляться. Да и… не драться же с ней. Но что случилось?

Айлин попыталась было рвануться — но поди вырвись из крепких мужских рук — потрепыхалась и, зарыдав, безвольно обмякла. Растрепанная, осунувшаяся… и с заметным округлившимся животиком. Мальчик… не будь я так ошарашена теплой встречей — сразу бы заметила. Но получается, когда мы в прошлый раз встретились, она уже… а почему бы и нет, такие

вещи даже магам сразу не видны. Боги, о чем вообще я думаю?

— Что с Эльриком? — неужели кто-то все-таки донес?

— Это все из-за тебя, — всхлипнула Айлин. — Его арестовали… через день после того, как вы ушли. И с тех пор — ни слуху, ни духу. И парни молчат… один обмолвился — в столицу увезли, в кандалах, как опасного преступника… чуть ли не сразу после ареста. Мол, король сам разбираться будет. А так — ни у кого ничего не узнаешь. — Она зарыдала.

Я медленно опустилась на ступеньку, запустив пальцы в волосы. Да когда ж это кончится? И ведь она права — все из-за меня…

— Мы пожениться собирались… после праздника, неделя оставалась… С теткой жила… как видно стало, что я в тягости, из дома выгнала… хорошо хоть, парни, что с Эльриком служили, ключи передали… А сейчас и из дому носа не высунешь — не замужем, а с… И от него — совсем ничего… Даже не знаю, то ли за здравие молиться, то ли посмертия просить…

Ортон осторожно устроился рядом, баюкая ее на коленях. Айлин уже не пыталась драться — только рыдала в голос.

Что же делать? В столицу… Если сразу после того, как мы ушли — это не король. «Сам разбираться» — ой, вряд ли. Похоже, это снова те, кто обвинил нашу семью в заговоре и устроил на меня охоту здесь, в Ривеллене. Наверное кто-то донес… а раз распоряжение пришло из столицы, то отсюда доложили туда, что, мол, взяли человека, которого видели с той, что разыскивают, а там сложили два и два. Так что докладывать королю никто не будет, а сам он… «Ты всерьез полагаешь, что король знает о существовании каждого из подданных?»

Слишком много времени прошло… Жив ли он еще? Есть только одни человек, который может помочь, если Рик еще жив… И плевать, что при одной мысли о короле меня начинает трясти, сейчас не до гонора. Надо будет — на коленях до столицы поползу. Но время… пусть с конным письмо доберется недели за три — сколько оно проблуждает во дворце — и дойдет ли до него вообще… Инолл с Саиром будут докладывать лично — они передадут — но пешим ходом до столицы больше месяца…

Я подняла отчаянный взгляд на Ортона:

— Ты сможешь создать портал? Чтобы мы все прошли?

Он изменился в лице:

— Не знаю. После того раза — не пробовал. И… не уверен, что снова не ошибусь.

Я провела ладонью по лицу.

— Давай попробуем.

— Проверить, выходит ли портал туда, где задумано, можно

только шагнув в него.

— Знаю. Ты ставишь портал. Я иду первая. — Вообще-то в портал всегда первым шагает маг, что его сотворил, но сейчас — не тот случай. — Если на той стороне все так, как должно быть — идете вы с парнями… напишу письмо — они будут королю докладывать, отдадут. Нас с тобой никто во дворец не пустит, говорят, чтобы добиться аудиенции нужно несколько месяцев.

При упоминании короля у Айлин округлились глаза. Но, похоже, у нее хватило ума не лезть в чужой разговор.

— Хорошо. — Кивнул маг после долгого молчания. — Только первым пойду я. Хватит — уже один раз другие заплатили за мою ошибку. Я бы и парня вперед не пустил — а уж тебя…

Я медленно выдохнула. Начинается! Ну как он не понимает, что дело не в том, что я рвусь изображать героя.

— Ортон, если ты ошибешься… и на той стороне снова окажется что-то опасное — тот, кто первым шагнет в портал, обратно может и не вернуться. Если этим первым будешь ты — второго шанса не будет. У Эльрика не будет. Мой брат в тюрьме… если вообще еще жив — и чем больше проходит времени, тем меньше вероятность того, что его не покалечили или и вовсе не успели казнить. Так какого рожна…

— Тихо. — Маг потрепал меня по макушке. — Не кричи, пожалуйста. Я понял. Только… — он невесело улыбнулся. — Мне все еще страшно.

Я коснулась его руки, заглянула в глаза:

— Прости. Если бы я могла сделать все сама — не стала бы просить. — На душе было удивительно мерзко, словно я избиваю связанного…

Он кивнул:

— Знаю. Пиши письмо.

— Айлин, в доме есть пергамент и чернила?

Она вскочила, схватила меня за руку:

— Есть! Пойдем, покажу.

— Госпожа… — раздалось сзади.

Я обернулась У дверей стоял запыхавшийся Саир.

— Госпожа, тебе письмо от государя… И — вот это. — Он протянул увесистый кошель.

Так вот по каким «делам» он исчез. А кто открыл ему портал?

— Саир, ты маг??? — нет, не может быть, даже близко не тянет… да и с нежитью бы он тогда разобрался без нас с Ортоном.

— Нет, просто государь грамоту дал — в любом городе подателю сего содействовать по мере возможности. А мне приказал — как только окажемся там, где есть маги, способные

творить порталы — сразу к нему и рассказать, как ты и куда идешь.

Боги, да когда же он, наконец, меня в покое оставит! Я сломала печать. При виде знакомого ровного почерка внутри все сжалось.

«Здравствуй. Рад узнать, что ты жива и здорова. Денег, что передаст Саир должно хватить на то, чтобы обзавестись кое-каким хозяйством и вдвоем прожить год безбедно. Знаю, что от меня ничего не примешь — но эти деньги принадлежат твоей семье. Уходя из столицы Ирвилл оставил у ростовщика немало. Наверное, тебе стоит списаться с этим ростовщиком — или можешь оставить денежные дела Эльрику. Да, о брате не волнуйся. И раз уж он как раз оказался в столице к началу учебного года — я загнал его в академию. Короне не помешает еще один сильный боевой маг. Так что Эльрик теперь появится в Ривеллене не раньше зимних вакаций. Поскольку Айлин в ее положении не стоит пускаться в дорогу, торопиться некуда. Разумеется, все нелепые обвинения сняты как с Эльрика, так и с тебя».

Еще одна печать. Заковыристая подпись. Правитель Сэйргии Тарилл Карн.

«P.S. Да, Эльрик просил передать Айлин, что он обязательно возьмет ее в жены и заберет в столицу. Он написал ей, как только вышел на свободу — но не знает, дошло ли письмо».

А дальше — причудливые извивы эльфийских рун. Я успела прочитать первое слово и поспешно отвела взгляд. Нет… не сейчас. Не при всех. И без того сейчас разревусь.

Я заковыристо выругалась, перевела взгляд на Ортона:

— Слушай, ну вот скажи, каким местом вы, мужики, думаете? Девчонка тут с ума сходит — а он письмо написал и счастлив. Что трудно было нанять мага сделать портал? Не разорился бы…

— Кто? — опешил жрец.

— Эльрик, чтоб его! — я сунула ему письмо: — На, читай.

В том, что понятно всем, нет ничего недозволенного. А руны он не поймет.

— Аларика, что там? — Айлин дернула меня за рукав, заглядывая в лицо. Повторила: — Что там???

— Ты грамотна?

— Нет…

— Эльрик жив. Свободен. Король приказал ему поступить в академию. Зимой, как только сможет, приедет, заберет тебя в столицу.

Айлин взвизгнула и повисла у меня на шее. Ну вот, потрясающе — сперва патлы дерет, потом лобызаться лезет. И что

мне, спрашивается, теперь делать? Король написал «вдвоем» — чего ж сразу не приказал — «сиди тихо, приглядывай за новоявленной родственницей, а я тем временем буду приглядывать за тобой». Замечательно.

Ортон оторвал взгляд от письма, улыбнулся:

— Рад, что все так закончилось. А насчет «не разорился бы» ты не права. Если в городе один, от силы — два мага, способные открыть портал — как думаешь, сколько они за это берут?

Может быть. Но все равно, увижу — прибью.

— Госпожа, государь приказал спросить, будет ли ответ.

Я отцепилась от Айлин, поразмыслила с минуту:

— Будет.

Прошла в дом следом за девушкой, устроилась за столом.

— Я на кухню, — Айлин смущенно улыбнулась. Вы все, наверное, голодны с дороги. У меня не густо, но… Прости, что так встретила…

Я улыбнулась:

— Бывает. Давай, сейчас поедим, и сходим на рынок. И пусть только кто-то попробует хоть слово сказать в твой адрес.

Она снова бросилась обниматься:

— Спасибо. Поживи со мной, пока Эльрик не вернется.

— Поживу. — Все равно деваться некуда. Да и не бросать же девочку… Не была бы она в тягости — можно было бы просто отправить ее через тот же портал, которым Саир и Инолл вернутся в столицу. Но в таком состоянии женщине не стоит пользоваться порталом — были случаи, когда после этого ребенок погибал. Четкой закономерности так и не выявили — но экспериментировать никто не стал.

Айлин умчалась готовить, по пути не забыв позвать мужчин в дом. Я, наконец, осталась одна. Снова достала письмо, начала разбирать руны — если разговорную речь за месяцы бок о бок я начала понимать более-менее сносно, то руны до сих пор давались нелегко.

«Любимая, прошу тебя, не делай так больше. Что бы ни случилось, смерть — это единственная ошибка, которую нельзя исправить. Не знаю, сможешь ли ты простить меня… в любом случае знай, что я помню все что сказал тогда, в храме — и не собираюсь отказываться от своих слов».

Слезы застили глаза, мешая читать. Я вцепилась зубами в рукав, чтобы не завыть в голос. Зачем напоминать о том, что могло бы быть, но уже никогда не вернется? За что?

«Наверное, это сейчас не к месту и не ко времени… Я люблю тебя.

Тайрон.»

Я швырнула письмо в камин, скрючилась рядом, уронив голову на колени. Сейчас… сейчас соберусь… надо же ответ написать, парни ждут.

— Аларика?

Ортон. Ну до чего ж не вовремя!

— Айлин зовет к столу.

— Хорошо. Сейчас допишу и буду. Начинайте без меня.

— Все в порядке?

— Нет. — Я стерла слезы с лица. — Но ничего не поделаешь. Прости… похоже, сегодня тебе весь день придется утешать рыдающих женщин.

— Воистину, страшная участь. — Он улыбнулся, сел рядом. — Если тебе тяжело… может быть не стоит писать ответ? Не думаю, что он обидится.

— Мне безразличны его обиды. — Я поднялась. — Сейчас приду.

«Здравствуй. Счастлива слышать, что все недоразумения наконец-то разрешились. Полагаю, что моя особа больше не представляет интереса для государя. Благодарю за заботу.

Аларика.»

Аккуратно сложила лист пергамента, запечатывать не стала, поленилась искать сургуч. Даже если парни сунут нос в письмо, ничего крамольного там нет. Разве что тон не слишком-то верноподданнический, ну да ладно. Я сунула письмо в карман и пошла к столу.

Я действительно в тот же день вытащила Айлин на рынок. Девчонка вцепилась мне в локоть и всю дорогу до площади не поднимала глаз. Я, наконец, не выдержала:

— Айлин… чего ты боишься?

— На меня все глазеют.

— Кто «все»? Посмотри вокруг. Перестань, наконец, пялиться на мостовую и посмотри вокруг. И покажи пальцем, кто именно на тебя пялится.

Едва ли поможет… я прекрасно помнила, как поначалу трясло в городах. Но смотреть же больно, как девчонка стыдится саму себя.

Айлин послушно обвела глазами спешащую по делам толпу.

— Ну… не знаю. Но…

— Поверь, никому из них нет до тебя никакого дела — своих бед хватает. — Я пожала плечами. — Если и пялятся, то на меня.

— А на тебя-то чего?

— Посмотри внимательно.

Она окинула меня взглядом, точно впервые видя: — Ой… Я и не заметила.

Ну да, когда рвешься выдирать космы, не до того, чтобы разглядывать их длину.

— Как же ты теперь?

Я откинула с глаз челку, рассмеялась:

— Вырастут. А брань на вороту не виснет.

— Аларика… Я боялась, что тебе стыдно со мной идти.

— Боги! — я от души расхохоталась, обняла ее за талию. — Пойдем. Куда сперва — за едой или за одеждой?

Она шмыгнула носом:

— Давай сперва оденем тебя по-человечески. А то ходишь, как…

— Как оборванка, — хмыкнула я.

— Я не то хотела сказать, — Айлин окончательно смутилась, даже щеки порозовели.

Я снова засмеялась:

— Зато я именно это и хотела сказать. Пойдем.

Мы вернулись, нагруженные свертками. Отрез шерсти роскошного изумрудного цвета на платье и теплая накидка с меховой оторочкой для Айлин, готовое ярко-васильковое платье для меня, теплый плащ, теплые меховые башмачки, белье, ленты, гребни, заколки… Потом весь вечер ползали по полу, раскраивая шерсть, прикидывали, как сядет платье и где стоит пустить лишнюю шнуровку или побольше забрать в швы — чтобы потом можно было выпускать, оставляя место под растущий животик. Снова ползали по полу — на этот раз собирая рассыпавшиеся булавки. Темнело уже рано — но магия дает куда больше света, чем лучина. Наконец, угомонившись, устроились с чаем у камина. Айлин непрерывно щебетала, я уже почти не вслушивалась, только изредка кивала. Настроение у этой девочки меняется — не угнаться. Впрочем, говорят, у женщин, ждущих ребенка, всегда так бывает. Ладно, как-нибудь уживемся. Оно и к лучшему — будет чем заняться вместо того, чтобы лелеять собственные беды.

— Аларика, а что с Тайроном?

Вспомнила таки. Я уж было начала надеяться, что не спросит.

— Не знаю. И не желаю знать.

— Ой, прости. Как жаль…

— Уже нет. И хватит об этом, — я улыбнулась. — Кстати, мы на приданое малышу ничего не купили…. Или сперва платье закончим?

— Сперва платье, — рассмеялась она. — Малышу торопиться некуда.

Недели через две я обнаружила, что готова завыть от скуки. С домашней работой мы управлялись за полдня. И что делать в оставшуюся половину, я так и не смогла придумать. Ну, дошили

платье Айлин. Она взялась за приданое ребенку — но целыми днями сидеть за иглой… И книгами Эльрик не успел разжиться. Я заглянула в здешние книжные лавки — по магии целительства не было ничего приличного. Вот землеописаний — сколько угодно, и по боевой магии… нет уж, спасибо, по доброй воле к боевой магии я больше не прикоснусь. Собрание легенд стоило столько, что можно было бы прожить пару месяцев а хватит мне его от силы на два вечера. Словом, поразмыслив немного, и поняв, что если я себя никак не займу, то ничем хорошим это не кончится, я решила купить патент целителя. Хоть на книги заработаю. В конце концов, натаскать воды, растопить печь и прочую работу, которую не стоит позволять женщине в тягости, сделать не так долго, а с едой и посудой Айлин справится и без меня — тем более, что ей как раз все это безумно нравилось. До срока еще неблизко, так что от того, что несколько часов в день она будет дома одна, ничего страшного не случится. Впрочем, была еще одна причина для того, чтобы заняться патентом. Соседи очень косо смотрят на молодых женщин, живущих без мужчины, и неважно, что к ним никто не ходит. До дегтя на дверях дело пока не дошло, но любой неверный шаг, который может быть истолкован как вопиющее нарушение приличий — и ожидать можно чего угодно. Тем более, что через пару дней, неведомо как прознав, что Айлин теперь не одна, явилась ее тетка. Одно, что с месяц, как выставила девчонку из дома, даже на улице не здоровалась. Видать, любопытство проняло, кому это ее родственница вдруг понадобилась. Я не пустила старую каргу на порог — и она еще долго потом вопила на всю улицу про «двух потаскушек». Да наверное, и потом языком мела везде, где только можно. Так что мне нужен был статус, позволявший жить, не оглядываясь на шепотки за спиной. А магам, чем бы они не занимались, дозволяется куда больше, чем простым смертным.

Все оказалось достаточно просто — получить аудиенцию у главы гильдии, потом вместе с ним поговорить с двумя целителями, уже практикующими в Ривеллене. Все трое сочли мои знания достаточными, а за деньгами дело не стало.

Три целителя, владеющих магией, на большой город — очень мало. Работы было, хоть отбавляй, несмотря на то, что услуги любого из нас троих стоили совсем недешево. Мало-помалу появились знакомые, соседи перестали коситься в нашу сторону. Потихоньку отпускала тоска. Словом, жизнь неторопливо входила в налаженную колею.

Дни текли своим чередом. Изредка забегали друзья Рика — проведать, как там Айлин. Меня они поначалу сторонились, но после того, как я срастила матери одного из них сломанную ногу

и вылечила от дифтерита сына второго, не взяв ни с кого из них ни медяка — «какие счеты могут быть между своими — вы же Айлин не бросили» — настороженность прошла. Тетка Айлин попыталась еще пару раз вломиться в наш дом, утверждая, что, мол, она девку неблагодарную поила-кормила, теперь ее очередь — а то ходит разодетая, королеве впору, а про старуху совсем забыла. В конце концов, взбеленившись, я пригрозила напустить ей полный дом гадюк, если еще раз хотя бы близко подойдет к племяннице, в доказательство сотворив клубок змей под ногами. Иллюзия, не более — но любо-дорого было посмотреть, как зловредная тетка с визгом неслась по улице. После этого дни в нашем доме стали совсем спокойными — никаких незваных гостей. Вечера мы коротали за шитьем и разговорами. Вот только рубашки малышу Айлин расшивала сама…

Приходили письма от Эльрика, полные тепла и любви. Он рассказывал, как потихоньку обживает дом, чтобы туда было не стыдно привести жену, про новых знакомых и занятия, про то, что скоро мы будем жить все вместе — как только Айлин можно будет стронуться с места — и что он обязательно приедет зимой, пусть даже все вакации уйдут на дорогу туда и обратно, но хоть на день он заглянет. Однажды пришло письмо от Ортона — тот, как и собирался, подался в приграничье и теперь потихоньку осваивался. Приходили и другие письма, конверты, надписанные четким ровным почерком. Не знаю, через кого он их посылал, потому что приносили их обычные письмоноши, да и подписан конверт был не именем короля. Наверное, внутри было сказано, куда и как отправлять ответ — не знаю. Я выкидывала их в камин не читая. Хватит. Ничего не вернуть. Я могу жить без него. Миновал корочун, шла середина зимы. В кои-то веки выдался день, когда у меня не было назначено ни одного приема — и я разрешила себе полениться. Айлин, как всегда, возилась с шитьем, я устроилась у окна с книгой, когда раздался стук в дверь. На пороге стоял Эльрик. Я завопила и бросилась обниматься. На шум выбежала Айлин — да так и застыла. Я поглядела на них обоих, хмыкнула, и пошла ставить чай. Готова поспорить на что угодно, моего исчезновения они и не заметили.

Через некоторое время мы сидели за столом и говорили, перебивая друг друга. Айлин ухитрялась одновременно трещать без умолку и подкладывать еду Рику в тарелку — пока тот, наконец не возопил, что больше не в силах съесть ни кусочка.

— Надолго? — спросила я.

— На месяц. Как раз вакации закончатся.

— Постой… А дорога?

Он улыбнулся:

— Мне сюда портал открыли. И обещали обратно. Так что месяц в полном нашем распоряжении.

— Кто-то из академии помог? — поинтересовалась я.

Рик замялся:

— Не совсем.

Так… А вот это мне уже не нравится.

— Он тоже здесь?

— Да, только дела задержали. Позже обещал быть.

Я застонала, уронив голову на руки. Ну когда же меня оставят, наконец, в покое!

В дверь постучали.

— Не открывай!

— Сестренка… это мой дом, — вкрадчиво сказал Эльрик. — И мой гость.

— Сводня!

— И изволь вести себя прилично, хотя бы из благодарности к тому, что вытащил меня из тюрьмы.

Благодарность… Хорошее слово. Оно совсем не обязывает к любви.

— Аларика, что случилось? — спросила Айлин.

Ничего. — Устало ответила я. Поднялась навстречу стоящему в дверях эльфу, изобразившему издевательски-изящный поклон. Склонилась в не менее церемонном реверансе.

— Айлин, позволь тебе представить…

— Да мы вроде знакомы. — Удивилась она.

— Тарилл Карн, государь сэйргийский.

Айлин охнула, прикрыв рот ладонью, уставилась на вошедшего, точно на призрака. Эльф усмехнулся:

— Сколько громких слов! Айлин, не обращай внимания. — Он склонился к ее руке, чарующе улыбнулся: — когда красивые женщины начинают обзывать «государем» — это слишком.

— Но…

— Айлин, я этого не переживу.

Она не выдержала, прыснув в кулачок.

— Тогда как тебя называть?

Он пожал плечами:

— До сих пор ты знала меня как Тайрона… пусть так и останется.

— Хорошо. Прошу к столу, — она на миг замялась, — Тайрон.

— Благодарю, — он устроился рядом с Айлин. Рик сел по левую руку от меня, шепнув на ухо:

— Ну и дура же ты, сестренка.

Я смерила его мрачным взглядом. Может, и дура. Какая уж есть.

После минутной неловкости, разговор за столом снова потек ровно и без заминок. Айлин, окончательно расслабившись, бойко щебетала, король поддакивал, Эльрик что-то рассказывал, перебивая их обоих. Я молчала, разглядывая эльфа. Ничуть не изменился. Хотя, что ему сделается за каких-то четыре месяца? Я могу жить без него. Вот только… Встретилась с ним взглядом, почему-то залилась краской.

— Айлин, пойдем-ка погуляем, — сказал вдруг Эльрик. — Там тихо и снежок… Пойдем.

Я мрачно зыркнула в его сторону. Тоже мне, проявил деликатность.

Айлин кивнула — и оба мигом исчезли.

А ведь все равно придется объясняться — не сейчас, так потом. Лучше уж сейчас. Чтобы больше не рвать душу, получая его письма.

Я вылезла из-за стола, убирать пока не стала — Рик с Айлин вернутся, захотят чаю с мороза. Уселась на пол перед камином, обхватила руками колени, глядя в огонь. Говорить не хотелось, думать тоже. Просто смотреть на пламя и слушать, как трещат поленья. Еще бы не чувствовать затылком его взгляд…

— Тот, кто придумал «заговор», сгубивший твою семью, мертв. — Сказал король.

Наверное, надо радоваться? Только почему я не чувствую ничего, кроме пустоты внутри?

Я уперлась лбом в сложенные на коленях локти, глухо проговорила:

— Зачем? Чем мы ему помешали?

— Заняв трон, я написал твоему отцу. Просил его стать моим боевым магом. Тот, что занимает этот пост сейчас — он, скорее, начальник охраны. А боевой маг государя — это нечто большее, это скорее правая рука короля во всем, что имеет хоть малейшее отношение к магии. Ирвилла когда-то прочили на это место. Он бы справился.

— Он отказался?

— Да. Ответил, что если я прикажу — он повинуется, но сам бы не хотел снова вспоминать о придворных играх, которых ему с избытком хватило в бытность сыном ректора. Приказывать я не стал.

Я застонала:

— Мы собирались в столицу…

— Да. Тот человек… мой ближайший советник решил, что Ирвилл передумал. — Король мягко шагал из стороны в сторону. — Испугался, что потеряет свое влияние — и, наверное, в чем-то был прав. Он был верен мне много лет, когда-то просто

секретарь, потом… он был незаменим во многом — но ничего не смыслил в магии.

— Побоялся, что колдуны перестанут считаться с обычным человечишкой, — усмехнулась я.

— Можно и так сказать. Пустил слушок о заговоре и получив приказ выяснить, в чем дело, шепнул пару слов графу, на чьих земля находилась деревня, где вы жили. Результат ты знаешь.

Я долго молчала. Вот так, одним махом расправиться с нами лишь потому, что…

— Как он умер?

— Медленно.

— Ты страшный враг. — Я перевела взгляд на эльфа.

— Сорвался. — Невесело улыбнулся он. — Вспомнил все, что ты рассказывала. Как просила себя убить — лишь бы снова не попасть к палачу. И сорвался… Не думаю, что ему пришлось хуже, чем тебе.

Я снова опустила голову на колени.

— Не могу сказать, что сожалею о нем… но и злорадствовать тоже почему-то не выходит.

Эльф сел рядом, обнял за плечи. Я мягко высвободилась, уставилась в огонь:

— Арест Эльрика — тоже его работа?

— Да. Хотел узнать, куда ты идешь, и почему я влез в это дело сам. Ничего не узнал, разумеется, и решил придержать его в качестве заложника — на всякий случай.

— Выходит, добив Рию, я отплатила ей черной неблагодарностью. Как ни крути, а жизнь она мне спасла.

— Сделав что? — изумился он.

— Да, ты же не знаешь…

Я начала рассказывать, все так же глядя в пламя камина. Про наш последний разговор с советницей, про то, что я смогла вытащить из ее разума. Про сплетенное заклятие, что удержало душу мертвой, и про то, которое по ее замыслу должна была прочитать я, держа в руках посох — чтобы артефакт открыл границу между мирами. И что после этого уже моя душа бы отправилась… куда? Риа сама не знала. Может, так же осталась бы висеть в мире теней, ни среди мертвых, ни среди живых — а может, прямиком в то посмертие, что мне уготовано. Или так и осталась бы заточенной в теле, как в темнице. В теле, где поселилась бы советница.

Вот ведь как бывает… Два почти идеально сплетенных заговора — и если бы их целью не был один и тот же человек, все могло бы получиться. Впрочем, у Рии дело могло бы выгореть и со мной — возможности, конечно, не те, но она бы выкрутилась

— ума и настойчивости советнице было не занимать.

— Получается, что я должна поблагодарить тебя… государь. — Я усмехнулась. А ведь и в самом деле… — Ты избавил меня от участи куда худшей, чем смерть.

— Не называй меня так.

Я пожала плечами:

— Имя что-то изменит?

Он промолчал. Тихонько потрескивали поленья.

— Ты сейчас похожа на розу, — сказал вдруг эльф, — Такая же прекрасная — и такая же колючая.

— Слишком много желающих было сорвать, — усмехнулась я.

Он отвернулся, уставился в камин:

— Те, кто тебя охранял, рассказали… в трактире в двух днях пути от столицы…

А вот оправдываться я не буду. Думай, что хочешь.

— Я сбежала. В последний момент, надо сказать.

— Знаю.

— Откуда?

— Я знаю тебя.

Ну-ну. Я сама себя не знаю, если уж на то пошло…

— Зачем ты приехал?

— Поговорить. На письма ты не отвечала.

— Они в камине.

Эльф невесело улыбнулся:

— Почему-то я так и думал.

— Тогда зачем писал?

— Надеялся, что ты все же сможешь меня простить.

— Не могу. Понять — да. Когда Риа гуляла в моих снах, как у себя дома… Но знаешь, от этого почему-то не легче.

Он коснулся моего колена. Я отодвинулась.

— Мои прикосновения настолько неприятны? — тихо спросил он.

Сказать «да» — и увидеть, как плеснет боль в серых глазах, как мгновенно станет непроницаемым лицо. Пусть хоть на миг почувствует, каково мне…

— Нет. Просто я им не верю.

Мы снова замолчали, глядя в огонь.

— Соседи послов небось шлют с портретами? — поинтересовалась я. Ну и, спрашивается, зачем мне это знать? Чтобы больнее было?

— Шлют, — равнодушно подтвердил он.

— В Линне принцесса на выданье, в Скелле и вовсе наследница, братьев нет. Удачный может быть союз…

— У меня уже есть жена.

Я, наконец, оторвала взгляд от пламени. Посмотрела эльфу в лицо.

— Можно склеить разбитую вазу — но прежней она не будет.

— Можно изваять новую — и кто знает, не окажется ли она прекрасней, чем разбитая?

Ответить я не успела. Дверь шарахнула о стену так, что мы подскочили. Влетевший Рик держал Айлин на руках — по юбке расплывалось кровавое пятно.

— Она упала. — Растерянно прошептал Рик. — Мы…

— Это я виновата. — Огромные глазищи на побелевшем лице. — Захотела в снежки поиграть. И…

Она тяжело дышала, держась за живот, на лбу собирались капельки пота.

Ох… Я же не справлюсь… Одна — не справлюсь. И времени бежать за подмогой нет.

— Рик, укладывай ее сюда. — Только бы никто из них не понял, как мне страшно. — Помоги снять платье.

Айлин, похоже, была так напугана, что совершенно не вспомнила про постороннего мужчину в комнате. Она позволила нам раздеть себя, оставив в одной рубашке. Я осторожно коснулась напряженного живота. Женщина вскрикнула.

— Рик, убирай все со стола. Все.

Тот кивнул, заметался по комнате. Так… а вот это совсем плохо — парень в панике. Да я сама в панике! Чувствовать, как под твоими ладонями медленно угасает еще не родившийся ребенок…

— Айлин… — хорошо, что голос не дрожит. Но до чего же сложно что-то решить под тремя парами взглядов. — Есть только один способ спасти малыша… не дожидаться, пока он родиться, а извлечь через разрез. Ты ничего не почувствуешь, обещаю.

Она побелела еще сильнее — если это вообще возможно.

— Делай, что считаешь нужным.

Я кивнула.

Одна — не справлюсь. Нужен кто-то, кто удержит ее без сознания — хотя, на это меня, может и хватит одновременно с… И, главное, кто будет держать разведенные края раны, пока я буду доставать ребенка? И за помощью бежать некогда — сперва от кровопотери погибнет ребенок, потом — мать. Рик? Нет, он не справится, вон, тарелку уже на пол грохнул, руки дрожат. Слишком уж переживает. Или сможет? Решай — и решай быстро, ошибешься — погубишь обоих. На кого ты можешь положиться — полностью и безоговорочно?

— Рик, в спальне на подоконнике ящик с инструментами. Неси сюда, быстро. — Я перевела взгляд на эльфа, встретилась с

ним глазами. — Тай…

— Да.

Как же хорошо, когда есть кто-то, кто поймет с полуслова.

— Я объясню, что делать.

— Минута есть?

— Есть.

— Тогда подожди, я сейчас, — он стремительно вышел.

Эльрик принес мой сундучок.

— Я могу чем-то помочь?

— Можешь. Приданое для ребенка — в сундуке в гостиной. Достань пеленки, пару распашонок — возьмешь самые маленькие, — я уже надела фартук, закатала рукава, и теперь быстро раскладывала инструменты на подносе вне поля зрения Айлин. — Еще вскипяти воды — искупаешь малыша когда родится.

Рик посмотрел на блестящие железки, нервно кивнул. Поцеловал жену в щеку:

— Все будет хорошо. Я рядом.

Она слабо улыбнулась. Боится…

Тайрон вошел обратно — вроде не торопясь, но невероятно быстро.

— Камзол сними, — бросила я. — И мешается, и… — осеклась. Не стоит говорить при Айлин, что крови будет…

— Понял. — Он взялся за застежку: — Послал предупредить, чтобы меня не ждали сегодня на балу у наместника. Отговорился государственными делами.

— Ой… — выдохнула Айлин. — Я все испортила.

— Ты дала замечательный повод увильнуть от смертельно скучного вечера. — Усмехнулся он. — Тем более, что помочь появиться на свет новому подданному — и впрямь дело государственной важности.

Айлин хихикнула. Я поймала взгляд Тайрона, медленно опустила ресницы. Он понял. Брошенное заклинание — Айлин обмякла.

— Давай на стол.

Тайрон осторожно уложил женщину. Я содрала с нее рубашку, отчаянно пытаясь отделаться от ощущения, что все это уже было.

— Держишь?

— Да.

Медленно выдохнула. Свет над головой. Начали.

Разрез. Заклинание, останавливающее кровь. Я развела края раны специальными хитро изогнутыми пластинами.

— Держи.

— Так?

— Да.

Матка. Разрез. Заклинание Расширить рану пальцами. Заклинание. Головка. Осторожно… Перемазанный в крови младенец отчаянно завопил. Все. Теперь можно не торопиться.

Я перерезала пуповину, завернула малыша в салфетку, пинком открыла дверь. Рик сидел под дверью, уронив голову на руки. Я сунула ему малыша:

— Иди, купай, папаша. Потом запеленаешь.

Страх на его лице сменился растерянностью:

— Я не умею…

— С магией совладал, с собственным ребенком уж тем более справишься, — хмыкнула я. — Держи. У меня еще работа осталась. Только воду не забудь проверить, чтоб дитя в кипяток не макнуть.

— За кого ты меня принимаешь, — обиделся Рик. — Бережно, очень неловко взял на руки орущего младенца. Неуверенно улыбнулся:

— Спасибо…

Я кивнула. Как-то резко навалилась усталость. Вернулась к Айлин — нужно закончить…

Так, теперь убрать послед, и сращивать. Все в обратном порядке — матку, брюшину, мышцы, кожу. Смыть кровь с живота.

Я подняла взгляд на Тайрона:

— Донесешь ее до постели?

— Конечно. Только покажи, куда идти.

Сейчас… — я тяжело оперлась о стол, подождала, пока Тай подхватит женщину на руки. Заставила себя выпрямиться. Вроде и быстро все, а вымоталась…

— Аларика! — дверь снова шарахнула о многострадальную стену. — Он задыхается!

Ох, да когда же это кончится…

— Давай сюда, — бывает такое с недоношенными, а Айлин, как ни крути, два месяца не доходила. — Иди, покажи, куда уложить.

Села, прислонившись к стенке — колдовать придется, и тогда могу просто на ногах не удержаться. Сама-то ладно, а вот малыша уронить… Положила младенца на колени, коснулась магии. Сейчас… Прости, маленький, что пришлось выдернуть тебя в мир раньше срока. Давай, будем учиться жить. Знаю, что трудно, но оно того стоит, поверь…

Разглядела сквозь серую пелену, что щечки снова порозовели, а дыхание стало ровным. Поморщилась — крик ребенка звенел в голове, как в бочке. Перевела взгляд на появившегося в дверях

Рика:

— Все. Забирай. Айлин к груди приложи. Успокоится и проспит до завтра… То есть оба до завтра…

И, наконец, позволила себе провалиться в такое уютное беспамятство.

Открывать глаза не хотелось. Совсем. Хотя бы еще пару минут не думать ни о младенце, ни об Айлин… ни о чем. Просто лежать, чувствуя такое знакомое тепло рядом, в уютном кольце таких сильных и надежных рук. Ох, как же не хочется просыпаться после таких снов…

Глаза распахнулись сами. Сон, как же. Тайрон, собственной персоной. И моя голова у него на плече.

Я отодвинулась в сторону, резко села — и тут же рухнула обратно. Голова закружилась. Захотелось плакать от собственного бессилия.

— Не выпускай шипы снова. — Тихо сказал он. — Не надо…

— Не понимаю, — о чем ты. — Ровно произнесла я. — Мне нужно встать и проверить, как там Айлин с малышом.

— Спят. Эльрик за ними приглядывает. Бежать срочно спасать некого.

Я уставилась в потолок.

— Надо порядок навести — там, наверное, такое творится…

— Аларика, посмотри на меня. Посмотри мне в глаза и скажи, что тебя уже совершено не волнует ни то, что между нами было, ни то, что еще может случиться. И я больше не буду докучать ни минуты.

— Ничего уже не может быть. — Я не отрывала глаз от щелей между досками. — А то, что было…

— Посмотри на меня.

Я нехотя перевела на него взгляд. Рассыпавшиеся по обнаженным плечам — испачканную рубаху успел снять — черные волосы. Внимательные глаза.

— Мне все… Тайрон, чтоб тебя! У меня совершенно нет сил ругаться с тобой сейчас.

— Ну, это легко исправить. — Усмехнулся он. Взял за руку. Словно поток чистой родниковой воды в сознании — усталость сняло мгновенно, ни следа от головокружения, ничего.

— Так на чем мы остановились? — поинтересовался эльф. — Ах, да: ты собиралась ругаться. Теперь силы есть — можешь начинать.

Я беспомощно посмотрела на него, и, не выдержав, расхохоталась:

— Нелюдь!

— Я знаю, — хмыкнул он. И тут же став серьезным, тихо

продолжил:

— Аларика… Сколько ты будешь казнить нас обоих за мою… даже не ошибку — за то, что я должен был сделать?

— Знаю, что должен был… — прошептала я. Ткнулась лбом в его плечо: — Только… Это оказалось слишком больно.

Тай обнял, тихо вздохнул:

— Как же тебе досталось…

— Не надо меня жалеть. — Я подняла голову: — Иначе зареву, и на твоей совести ко всему прочему будет настоящий потоп.

Он негромко рассмеялся:

— После всего, что сегодня было, недостает только потопа. — Помолчал немного, задумчиво добавил: — Никогда не видел, как рождается ребенок.

— Ну… обычно все происходит чуть медленнее… и крови бывает куда меньше.

— А то я крови не видывал. Но… — он растерянно улыбнулся. — Представляешь — нет слов. Как у тебя это получается — каждый раз подкидывать что-нибудь новенькое?

Я рассмеялась:

— А то не видел, с кем связываешься.

— Видел. — Он снова обнял, прижал к себе крепко-крепко. — Как же мне тебя не хватало…

Когда мы, наконец, смогли друг от друга оторваться, за окнами уже было темно.

— И что теперь? — спросила я.

— Теперь? — он улыбнулся, растрепал мне волосы. — А теперь ты от меня так просто не избавишься, и не надейся.

— Не больно-то и хотелось, — фыркнула я. — Но… Айлин одна не справится.

— У Айлин есть Эльрик. Сколько вам троим нужно времени, чтобы собрать вещи? Если не искать покупателя на дом?

— Дня два, наверное. Айлин завтра должна подняться на ноги… хотя все равно ничем, кроме младенца заниматься не будет.

— Значит, через пару дней возвращаемся все вместе. Рик с Айлин — к себе, мы — домой.

— Домой?

Он пожал плечами.

— Ну, во дворец, если тебе хочется все называть своими словами.

— С тобой — куда угодно.

Он помолчал, перебирая мои волосы, потом вдруг спросил:

— Слушай, а ты умеешь танцевать?

— Ну… — растерялась я. — Теоретически…

— Это как?

— Ни с кем, кроме братьев, ни разу не пробовала… Я имею в виду не деревенские пляски.

Когда отец решил, что мы будем перебираться в столицу, он всерьез озаботился этикетом… впрочем, этикетом он озаботился куда раньше, хотя никто из нас четверых никак не могу понять, зачем все это нужно — в деревне. Но интересно, сколько же он заплатил учителю танцев за то, чтобы тот согласился проторчать в деревне едва ли не целый год. Стонал, правда, про невыносимую скуку, но не уехал, пока отец не счел, что если любого из нас вдруг занесет на бал — да хоть на те балы, что ежегодно давала академия в честь своих слушателей — стыдиться не придется. Надо же, никогда не задумывалась… впрочем, я много над чем никогда не задумывалась.

— Собирайся.

— Куда? — опешила я.

— Сегодня бал в доме наместника. Уже начался, правда, но мне простят опоздание.

— Сдурел? В чем я туда поеду?

Он усмехнулся:

— Ну я тоже, положим, явлюсь в рубахе с чужого плеча — надеюсь, у Эльрика в доме лишняя найдется. Но с тобой все проще. — Он приподнялся на локте. — Помнится, в моем доме, в столице, ты забыла шелковое платье — то, что брат подарил. Я привез. Со всем, что к нему причитается. Котомка в прихожей лежит… Украшения найдем — король я или не король?

Я молчала, ошарашенно глядя в его смеющиеся глаза.

— Ну так как?

— Но… — я улыбнулась. — А пошло оно все. Поехали.

notes

Примечания

1

Рвотный орех, чилибуха, (Strychnos nux-vomica), деревце или небольшое дерево. Растет в тропических лесах. Содержит (главным образом в семенах), как и ещё несколько близких к нему видов, ядовитые алкалоиды — стрихнин, бруцин и др.

2

Один из способов получения солей мышьяка — при возгонке медных руд

3

Один из вариантов использования беладонны в народной медицине — противовоспалительное и снотворное.